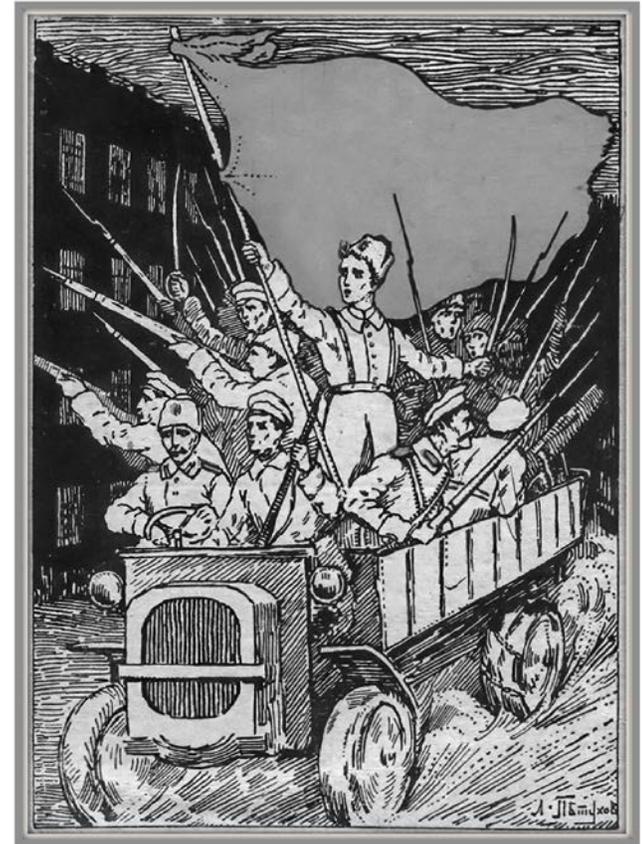

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

Новые подходы и взгляды

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

Новые подходы и взгляды

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022**

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ (XIX – XXI ВВ.)
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А.И. ГЕРЦЕНА

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
2022

ББК 63.3(2)524

*Печатается по решению кафедры русской истории (XIX – XXI вв.)
ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена*

Рецензенты:

Омельянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Московского городского педагогического университета;

Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Р32

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды : Сборник научных статей / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, С.М. Ляндрес. – СПб.: Астерион, 2022. – 224 с.

ISBN 978–5–00188–268–8

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 27 ноября 2021 г. кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена в дистанционном формате. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

ISBN 978–5–00188–268–8

- © А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2022.
- © Д.А. Бажанов, редактирование, 2022.
- © А.А. Иванов, редактирование, 2022.
- © С.М. Ляндрес, редактирование, 2022.
- © Авторы статей, 2022.
- © А.А. Иванов, оформление обложки, 2022.
- © Кафедра русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ им. А.И. Герцена, 2022.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЛЯНДРЕС СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ,

PhD, профессор факультета истории, соруководитель программы российских и восточноевропейских исследований, Университет Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США;

e-mail: slyandre@nd.edu

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

В 2021 году исполнилось бы 90 лет доктору исторических наук, профессору Виталию Ивановичу Старцеву, в 1984 – 1998 гг. заведовавшему кафедрой истории СССР (с 1992 – русской истории). Именно В.И. Старцев заложил традицию проведения кафедрой конференций, посвященных изучению революции 1917 года. Как отмечал Г.Л. Соболев, «проводимые кафедрой в 1990-е гг. ежегодные научные конференции, симпозиумы и семинары фактически превратили ее в один из координационных центров исследований по истории русских революций». По его же оценке, «принципиальное значение имела проведенная под руководством В.И. Старцева в 1993 г. конференция “Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды”, привлекавшая внимание не только отечественных, но и зарубежных историков»¹. После ухода В.И. Старцева в 1998 году из РГПУ им. А.И. Герцена подобные конференции кафедрой русской истории не проводились в течение долгих 9 лет. И только в 2007 году, в связи с 90-летней годовщиной революции 1917 года, добрая традиция была восстановлена. С 2008 года на кафедре проходят ежегодные конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». По итогам конференций выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами², упоми-

---

¹ Соболев Г.Л. Памяти Виталия Ивановича Старцева // Отечественная история. 2001. № 1. С. 220 – 221.

² Демидович Д.М. Рецензия на книгу: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 252 с. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 150 – 153.

наются в историографических обзорах¹ и индексируются в РИНЦ. Можно без преувеличения утверждать, что издаваемые кафедрой сборники востребованы учеными. Подчеркнем, что на декабрь 2022 г. в РИНЦ выявлено 646 цитирований статей из кафедральных сборников по истории революции 1917 года, охватывающих период их издания с 2007 по 2020 гг. включительно. 91 цитирование из общего их числа приходится на издания из ядра РИНЦ.

27 ноября 2021 г. кафедра русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ провела очередную всероссийскую научную конференцию «Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды». В состав оргкомитета конференции вошли доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ А.Б. Николаев (председатель), доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ В.В. Калашников, доктор исторических наук, доцент Института истории СПбГУ А.А. Иванов, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ Д.А. Бажанов, ассистент кафедры русской истории РГПУ Е.С. Гавроева (секретарь). Оргкомитет составил и разослал информационное письмо потенциальным участникам конференции.

На основе поступивших заявок была составлена программа, в которую были включены 24 доклада от ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Нового Уренгоя, Норильска и Саут-Бенда (штат Индиана, США).

После завершения конференции докладчики передали в редакционную коллегия настоящего сборника 17 статей, распределенных по 4 разделам: «Революция 1917 года: Петроград», «Революция 1917 года: Москва и провинция», «Историография» и «Критика».

В первом разделе обращает на себя внимание статья А.В. Соколова, посвященная выяснению вопроса об участии масонов в Февральской революции 1917 года в Петрограде. Автор приходит к выводу, что «вклад собственно масонской организации в успех Февраля можно отметить лишь в трех моментах». Во-первых, «настойчиво проводимая среди оппозиции

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.12; Громов С.П. Великая российская революция 1917 года глазами современных исследователей. Рецензия на: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сборник научных статей / редакционная коллегия: А.Б. Николаев (ответственный редактор и ответственный составитель), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, С.М. Ляндрес. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 252 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 1062 – 1076, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-10>

¹ Стародворцева Н.П. Власть и общество в России в 1917 году в современной историографии // *Известия Смоленского государственного университета*. 2015. № 3(31). С. 309; Булдаков В. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // *Российская история*. 2018. № 6. С. 20.

накануне и в дни Февральских событий мысль о центральной роли Государственной думы, что в итоге содействовало ее превращению в реальный центр восстания». Во-вторых, речь идет о «братских связях» «отдельных оппозиционных деятелей способствовали более тесному контакту и обмену информацией между ними в первые дни восстания, а затем облегчили поддержание связи между “буржуазным” и социалистическими центрами силы (ВКГД и Временным правительством, с одной стороны, и Исполкомом Петровета, с другой)». Во-третьих, «ощущение (или даже ожидание) братской поддержки позволяло отдельным масонам действовать более уверенно, что давало вполне ощутимые преимущества, кураж». Кстати, именно «братская поддержка», по утверждению Соколова, стала «одной из причин (хоть и не основной) стремительного взлета в те дни А.Ф. Керенского».

Ценную информацию содержит статья А.Г. Румянцева, в которой автор продолжает свои исследования, посвященные использованию пулеметов в Петрограде в дни Февральской революции. Первая его научная работа из «пулеметной истории» Февраля 1917 года вышла в сборнике 2015 года¹. Всего же им в сборниках «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» в 2015 – 2021 гг. было опубликовано 6 статей. В статье данного сборника А.Г. Румянцев, опираясь на документы ЦГИА СПб, пишет о применении пулеметов в дни Февральской революции в Адмиралтейской части Петрограда. Автор приходит к выводу о том, что «пулеметы активно использовались как восставшими, так и частями, оставшимися верными престолу». Правда, делалось это и теми, и другими «подчас весьма хаотично». Румянцев также замечает, что «использование пулеметов стражами порядка носило единичный характер и чаще всего производилось в качестве самообороны».

Е.С. Гавроева, известная своими исследованиями «писем во власть»², в настоящем сборнике также посвятила свою статью данной теме. Однако, на этот раз исследовательница анализирует мартовские 1917 г. письма, которые поступали в адрес председателя ВКГД М.В. Родзянко от православного духовенства. Всего автором статьи выявлено 208 таких обращений из 30 губерний. Подводя итог исследования, Е.С. Гавроева приходит к выводу о том, «что и после Февральской революции думский Комитет в глазах пра-

¹ Румянцев А.Г. «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015. С. 37 – 54.

² См., напр.: Гавроева Е.С. «Письма во власть» (ВКГД и Временное правительство) в марте – апреле 1917 года как источник по истории русской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. P. 150 – 183; ее же. Письма во власть: М.В. Родзянко и комитеты общественной безопасности (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, С.М. Ляндрес. СПб., 2021. С. 44 – 51.

вославному духовенству продолжал оставаться важнейшим составляющим элементом механизма функционирования власти в России». Несомненный интерес представляют следующие требования православного духовенства, выявленные автором в их письмах во власть: «доведение войны до победоносного конца, созыв Учредительного собрания и Церковного собора».

М.А. Златина, как и в других своих работах, опубликованных в предыдущих сборниках¹, обращается к еврейской русскоязычной прессе как источнику о революционных событиях 1917 года в России. В статье данного сборника, автор описывает деятельность Общества здравоохранения евреев в 1917 г. по материалам еврейской периодической печати. Опираясь на публикации в «Еврейской жизни», «Еврейской недели» и «Новом пути», исследовательница утверждает, что это общество «старалось обходить слишком острые политические углы стороной, продолжая сосредотачивать основное внимание на своих первостепенных задачах».

Автор монографий о Демократическом совещании² и Предпарламенте³ С.Е. Руднева посвятила свою статью проектам «Положения о районных экономических комитетах», разработанных Всероссийским съездом комитетов снабжения и Главным экономическим комитетом. Исследовательница находит, что, во-первых, существенных расхождений они не имели, а во-вторых, характерной особенностью проектов было «вхождение в состав РЭК представителей революционно-демократических организаций – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рабочих профессиональных союзов, союзов железнодорожных, торгово-промышленных служащих, фабрично-заводских комитетов, которые должны были составлять не менее половины Районного экономического совещания».

В разделе «Революция 1917 года: Москва и провинция» значительный интерес представляет работа известного специалиста по истории государственных театров в 1917 году П.Н. Гордеева⁴. В своей статье историк изучает деятельность Е.К. Малиновской, сыгравшей «немалую роль в истории отечественного театра». Автор выделяет три этапа в ее деятельности в 1917 году. Первый из них относится к весне 1917 года, когда Е.К. Малиновская «была вовлечена в многочисленные культурные инициативы Ху-

---

¹ См., напр.: Златина М.А. Еврейские благотворительные организации в первые месяцы после Февральской революции по материалам еврейской прессы (март – май 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб., 2021. С. 76 – 84.

² Руднева С.Е. Демократическое совещание, сентябрь 1917 г.: История форума. М., 2000.

³ Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006.

⁴ Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. 2-е изд., испр. и доп. / Науч. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2020.

дожественно-просветительной комиссии» Московского Совета рабочих депутатов. Второй этап, по мнению П.Н. Гордеева, охватывает период с июня по октябрь 1917 года. Основным содержанием данного этапа «стало преобразование Оперы С.И. Зимина в театр Совета рабочих депутатов», который Е.К. Малиновская «фактически возглавила». Третий этап начался 3 ноября с назначением ее «комиссаром всех московских театров». Исследователь подчеркивает, что «Именно с назначением на пост комиссара о ней узнали широкие круги театралов – и, в основном, приняли поначалу в штыки. Но Малиновская показала свой характер, где надо – проявила выдержку и твердость, в иных случаях пустила в ход дипломатические способности и смогла, несмотря на первоначальное массовое осуждение, продержаться в качестве комиссара до начала 1918 г., когда признание ее полномочий новыми подчиненными стало неизбежным».

Историк Балтийского флота Д.А. Бажанов¹ посвятил свою статью некоторым аспектам службы офицеров в условиях революционных событий 1917 г. Автор анализирует основные формы и проявления поведения представителей командного состава. Основное внимание Д.А. Бажанов сосредоточил на варианте «мимикрии» – желании продемонстрировать лояльное восприятие изменений при замаскированной попытке побега со службы. По мнению исследователя, главным мотивом подобного поведения командного состава считает шок и психологическую неготовность принять новшества, проявившиеся в наиболее радикальной форме на линкоре «Республика».

А.М. Захаров, специалист по истории зарубежных славян в России начала XX века, вновь обращается в своей статье к истории славянских добровольческих вооруженных формирований в России. Но в отличие от своих предыдущих статей², здесь внимание автора привлечено конфликт командования и выборных органов Белгородского запасного полка³.

---

¹ См., напр.: Бажанов Д.А. Балтийский флот в дни Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии 2017. Т. 5. С. 175 – 197; его же. Органы революционного самоуправления на кораблях Балтийского флота в марте – июне 1917 г.: создание, функции, взаимоотношения // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 4 (20). С. 84 – 103; его же. Служебные будни балтийских дредноутов (1914 – 1917 гг.). 2-е изд. СПб., 2022.

² См., напр.: Захаров А.М. Польская армия в военно-политических планах Временного правительства (март – май 1917 г.). // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2017. С. 53 – 60.

³ См. также: Захаров А.М. Белгородский запасной полк Польской стрелковой дивизии в июне – июле 1917 г. (по материалам инспекции) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории. Сб. науч. и учебно-методических тр. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова. СПб., 2021. С. 319 – 323.

Особый интерес представляет статья В.В. Калашникова, публикуемая в разделе «Историография». Широко известный своими историографическими исследованиями¹ автор и в данной статье анализирует мнения историков Русской революции 1917 года о причинах краха СССР. Статья опирается на материалы опроса, проведенного в 2021 году.

В разделе «Критика» публикуется работа Т.Г. Фруменковой, уже посвятившей теме 100-летнего юбилея Великой российской революции несколько статей². В данном сборнике публикуется статья о революционной монументальной и «немонументальной» пропаганде на петербургских выставках 2017 г. Подводя итог их изучению, автор приходит к обобщению, что «монументальная и “немонументальная” пропаганда прославляла революцию, ее предшественников и вождей, призывала к защите завоеваний революции и, <...>, популяризировала в огромных массах людей знания, науку и искусство, тем более, что осуществлялась эта пропаганда талантом и трудом лучших художников России».

В заключение хотелось бы высказать надежду, что и данный сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», как и его предшественники, найдет своего заинтересованного читателя.

---

¹ См., напр.: Калашников В.В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. СПб., 2020; его же. Советская историография Русской революции рубежа 1960-х гг.: «школа Сидорова» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, С.М. Ляндрес. СПб., 2021. С. 199 – 209.

² См., напр.: Фруменкова Т.Г. Музеи Санкт-Петербурга к столетию революции 1917 г.: изобразительное и декоративно-прикладное искусство (заметки историка) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2020. С. 189 – 202; ее же. «Октябрем по театру» и не только... // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, С.М. Ляндрес. СПб., 2021. С. 235 – 245.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ПЕТРОГРАД

ВЕЛИКИЙ ВОСТОК НАРОДОВ РОССИИ И СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЯ 1917 Г. В ПЕТРОГРАДЕ

СОКОЛОВ АРСЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, заведующий Отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: arsikus@mail.ru

Предположения о том, что чуть ли не ведущую роль в событиях Февраля 1917 года в Петрограде сыграли масоны, высказывались разными авторами уже со времен Гражданской войны. В правоэмигрантской среде это стало незыблемым постулатом. Исследовать данный вопрос в течение длительного времени не позволяла узость источниковой базы, так как многие важнейшие документы были введены в научный оборот только в 1990-х – начале 2000-х годов. И сегодня некоторые историки указывают на возможное важное влияние масонов на успех Февраля¹. Тем не менее, хотя круг источников, освещающих деятельность лож в России в годы Первой мировой войны, действительно крайне ограничен, тем не менее, имеющиеся в распоряжении историков документы все же позволяют сделать определенные выводы о реальной степени участия масонов в революционных событиях начала 1917 года в Петрограде.

Итак, сегодня можно констатировать, что Великий Восток народов России (далее – ВВНР) – именно так именовалась организация русских политических масонов 1910-х годов – насчитывал к началу 1917 года около 35 ячеек (лож) по 7 – 14 человек как минимум в 19 городах Российской империи, всего до 350 человек на всю страну². Из этого общего числа в Петрограде действовало до 10 лож, объединявших 95 братьев³. В ВВНР не входили ни великие князья, ни представители высшей царской бюрократии, ни генералитет, так что тезис Г.М. Каткова и Н.Н. Берберовой о проникновении масонов внутрь государственного аппарата и «ползучем пере-

---

¹ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. / отв. редактор проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб., 2017. С. 11, 126.

² Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов // Вопросы истории. 1998. № 11 – 12. С. 38.

³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 69.

вороте» вообще никак не подтверждается¹. Масонами были представители «общественности»: члены Государственной и городских дум, земств, общественных организаций, юристы, преподаватели ВУЗов. По политическому спектру это были левые кадеты – правые социалисты, хотя ярких партийных лидеров (таких, как, например, П.Н. Милюков, А.И. Гучков, М.В. Родзянко, не говоря уже о социалистических деятелях) среди членов лож не имелось.

В целом, ВВНР являлся организацией оппозиционной интеллигенции, при этом главной задачей ордена объявлялось поддержание контакта между всеми «прогрессивными силами», под которыми понимались противники самодержавия. Вместе с тем, и возможности, и стремления организации к осуществлению конкретных практических шагов оставались более чем ограничены разношерстностью ее состава, малочисленностью и вообще иным целеполаганием. Как сообщал видный киевский масон С.А. Ефремов, «братство же почти не вело политической работы, возлагая это на партийные организации. Оно ставило себе другие задачи – объединять людей разных направлений и партий и всех их направлять на завоевание политической свободы»². Иными словами – ВВНР являлся не инструментом действия, а площадкой взаимодействия. И из этого взаимодействия члены организации надеялись извлечь и общую, и персональную выгоду как бы во имя общих высоких целей. Масоны в провинции получали ощущение включенности в общероссийское движение, доступ к столичным источникам информации, а братья в Петрограде использовали ложи для коммуникации с коллегами из других партий и обмена сведений. Это, в том числе, давало возможность консолидировать действия в Государственной думе (например, по сбору подписей или поддержке выступлений орациями). М.С. Грушевский со свойственной его мемуарам прямолинейностью вообще написал, что задачей братства было создание сети «своих людей», которые бы поддерживали друг друга на различных общественных и государственных постах³. И, наконец, некоторые руководители ВВНР могли рассматривать ложи как инструмент продвижения собственного влияния в обход партийных структур и, в перспективе, обеспечения собственной карьеры. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что состав руководившего ложами Верховного совета, несмотря на ротацию на ежегодных

¹ См.: Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 181; Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. С. 29 – 30.

² Свідчення С.О. Єфремова для ОІПУ // Незалежний культурологічний часопис «І». 2009. 54. Вільні мулярі. Масони. URL: <http://www.ji.lviv.ua/n54texts/jefremov2.htm>

³ Грушевський М.С. Спомини // Київ: Щомісячний літературно-художній та громадсько-політичний журнал Спілки письменників України та Київської письменницької організації. 1989. № 9. С. 132 – 133.

съездах (конвентах), в течение длительного времени сохранял свой основной костяк. Так, с 1912 года бессменными членами Верховного совета ВВНР являлись Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский и во всем следовавший за ними А.Я. Гальперн, в то время как ряд других ведущих масонских деятелей по тем или иным причинам покинули этот орган (А.М. Колубакин погиб в 1915 году, С.Д. Масловского исключили из ВВНР осенью того же года по подозрению в «азефовщине», а один из основателей и «душа» организации князь С.Д. Урусов сам удалился на второстепенные позиции). К 1917 году активную роль в Верховном совете ВВНР также стали играть А.И. Коновалов и Н.Д. Соколов¹.

Несмотря на относительную аморфность конкретных политических подходов масонов (членам разных партий и направлений предоставлялось придерживаться своих партийных установок), тем не менее, в 1915 – начале 1917 года в ложах настойчиво проводились две основные мысли. Первая касалась центральной роли Государственной думы. Так, принятый в братство зимой 1914 – 1915 года старый народоволец Л.К. Чермак сообщал, что на собраниях его ложи им «неоднократно внушали, что революционная работа не наше дело, что мы организация надпартийная, что мы должны направлять через наших братьев, членов Думы, ход нашей жизни и т.п.»². Напомню, что руководство ВВНР составляли именно депутаты Государственной думы – кадеты, прогрессисты и социалисты, а открытие лож в провинции чаще всего шло через бывших думских деятелей, вернувшихся в свои регионы после окончания депутатских полномочий (например, центральной фигурой киевских лож был бывший член I Думы барон Ф.Р. Штейнгель³, в Витебске ячейку возглавлял член I Думы А.О. Волкович⁴, в Нижнем Новгороде – Г.Р. Килевейн⁵). В самой IV Государственной думе работала специальная ложа, объединившая около двух десятков масонов. Известны фамилии как минимум 15 депутатов – членов ВВНР: кадеты Л.А. Велихов, В.А. Виноградов, Н.К. Волков, И.П. Демидов, С.А. Иванов, Н.В. Некрасов, В.А. Степанов, прогрессисты И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, А.А. Орлов-Давыдов, В.А. Ржевский, социал-демократы М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели и трудовик А.Ф. Керенский.

¹ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 62, 64 – 67, 70 – 71.

² РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 6.

³ Грушевський М.С. Спомини // Київ: Щомісячний літературно-художній та громадсько-політичний журнал Спілки письменників України та Київської письменницької організації. 1989. № 8. С. 132; № 9. С. 132.

⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 103.

⁵ Г.Р. Килевейн представлял Нижегородскую ложу на «учредительном съезде» ВВНР в Москве летом 1912 года. См.: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 53.

По косвенным сведениям, ложа в Думе именовалась «Роза», ее председателем был И.Н. Ефремов¹.

Второй идеей, которая продвигалась среди масонов, был общий настрой на политические изменения в стране через переворот сверху. Так, на ежегодном съезде (конvente) летом 1916 года представители масонской верхушки Некрасов, Степанов и Гальперн убеждали провинциальных делегатов умерить революционный пыл, и в результате была принята резолюция «в духе политики Верховного совета»². Участник этого конвента от Киева профессор Д.Е. Белинг вспоминал, что руководители ВВНР были уверены в неизбежности предстоящих политических перемен и убеждали всех «заранее подготовиться как в центре, так и на местах к тому, чтобы после падения самодержавия руководящие посты в органах власти заняли члены масонских лож или лица, близкие к ним и зависимые от масонов»³. С.А. Ефремов сообщал, что «на конец 1916 года и сторонники победы, и пораженцы сошлись в одном, что вообще так дальше тянуться не может и вскоре должно произойти на верхах какое-то изменение или вследствие переворота, или откровенно массового выступления. Основываясь на информации из Петербурга, этой перемены, но еще в неизвестной форме, ожидали в начале 1917 г»⁴.

Теперь посмотрим, какие сведения оставили нам представители руководства ВВНР, обладавшие несравненно большей информацией, чем провинциальные масоны Д.Е. Белинг и С.А. Ефремов. Так, после конвента 1916 года был сформирован новый состав Верховного совета, в который, по информации Гальперна, вошли он сам (секретарь), думцы Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, Н.К. Волков, И.П. Демидов, Н.С. Чхеидзе, далее: петербуржцы Н.Д. Соколов и А.В. Карташев, москвичи С.А. Балавинский и Ф.А. Головин и киевляне Д.Н. Григорович-Барский и С.М. Чебаков⁵. Чхеидзе рассказывал, что к концу 1916 года «в Верховном совете встал вопрос о политическом перевороте. Ставился он очень осторожно, не сразу. Переворот мыслился руководящими кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая и замены его; кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила»⁶. Однако, Чхеидзе тут же раскрыл и реальную степень участия масонов в предстоящем заговоре, сообщив, что

¹ Вяземский В., кн. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 161. С. 235 – 236.

² Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 68.

³ Цит. по: Крижановська О.О. Тасмні організації: масонський рух в Україні. Київ, 2010. С. 142 – 143.

⁴ Свідчення С.О. Єфремова для ОГПУ.

⁵ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 74.

⁶ Там же. С. 88.

«в этот период Верховным советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту – помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного совета; помню сборы денег на нужды такого переворота. Кто руководил сборами и какие средства были собраны, я не знаю»¹. Из вышеприведенной цитаты видно, что ВВНР занимался исключительно информационной поддержкой готовящихся политических изменений, не участвуя в самих заговорщических схемах. Собираемые среди масонов средства вряд ли могли быть значительными и, скорее всего, тратились на те самые поездки. Чхеидзе вторит и Гальперн, сообщивший, что «последние перед революцией месяцы, в Верховном совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены Верховного совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений – о переговорах Г.Е. Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя, о заговорщических планах Крымова (сообщил о них Некрасов), о переговорах Маклакова по поводу какого-то дворцового заговора <...>»². Н.Д. Соколов добавлял к этому, ссылаясь на информацию от того же Некрасова, что по плану организаторов переворота нужен решительный человек на пост командующего войсками Петербургского округа: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо»³. В качестве кандидатур на этот пост назывались генералы А.А. Манниковский или А.М. Крымов⁴.

А А.Ф. Керенский прямо написал в своих воспоминаниях, что о планах заговора он узнавал от Некрасова, который выводывал информацию у А.И. Гучкова и других. В итоге, по словам Керенского, «детали подготовки заговора были известны лишь тем, кто в нем непосредственно участвовал <...> Лидеры “Прогрессивного блока” знали лишь, что подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом и соответственно готовились к нему со своей стороны. Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту. Эта подготовка завершилась учреждением информационного центра левых партий, с тем, чтобы иметь возможность шаг за шагом сообщать народу о результатах переворота, добиваясь либо его поддержки, либо на худой конец, отказа от противодействия»⁵. Таким об-

---

¹ Там же.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 69, 96; Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. С. 38.

⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: Пер. с англ. М., 1993. С. 106.

разом, масоны не готовили переворот, но знали о его подготовке, надеясь поддержать его со своей стороны и, в случае успеха, максимально воспользоваться его итогами.

«Информационный центр левых партий», о которых говорил в вышеприведенной цитате Керенский, судя по всему – это собрания представителей социалистических организаций, которые по поручению Верховного совета ВВНР стали активно проводиться в январе – феврале 1917 года. Организовывали их члены Верховного совета – социалисты (Гальперин, Соколов, Керенский) на своих квартирах, куда приглашали других социалистов-немасонов для обмена информацией и попытки проведения определенных идей. Так, А.Г. Шляпников, рассказывая об одном таком совещании на квартире Гальперна в начале февраля 1917 года, сообщил, что там Керенский горячо убеждал его (Шляпникова) и в его лице всех петроградских большевиков отказаться от уличных выступлений и равняться на Государственную думу¹. Данные встречи продолжались по инерции и в первые дни массовых волнений, начавшихся в конце месяца, и являлись дополнительным источником сведений для того же Керенского и других масонов о ситуации в разных частях Петрограда и настроениях отдельных кругов.

Итак, руководители ВВНР ждали политических изменений, но явно не так рано и не в такой форме, как это случилось в Феврале 1917 года. «<...> Революция застала нас врасплох, – вспоминал Гальперн. – Растерянность среди нас в начале ее была прямо фантастическая. <...> Мы мало понимали смысл февральских событий даже тогда, когда они начали носить очень серьезный характер <...>»². Большинство братьев в первые дни восстания вели ту же политическую линию, что и раньше, то есть призывали к единению с Думой и не склонны были верить в успех начавшихся массовых беспорядков на улицах. Н.Н. Суханов писал, что в четверг, 23, и в пятницу, 24 февраля, состоялись собрания деятелей различных отраслей рабочего движения (депутатов Думы, партийных представителей, профессионалов, кооператоров), и «присутствовавший Чхеидзе, как говорят надежные люди, был воплощенным недоумением и призывал к равнению по Государственной думе. Он представлял правую собрания и не склонен был верить в широкий размах движения»³.

Вместе с тем в сложившейся неопределенной ситуации именно в братской среде, где присутствовали представители разных политических направлений, создались наилучшие условия для обсуждения происходившего, для обмена информацией и мнениями. Тот же Суханов писал: «Надо

¹ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. II. С. 48.

² Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 70.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Книга первая. Мартовский переворот. 23 февраля – 2 марта 1917 года. М.; Берлин, 2017. С. 16.

было первым делом собрать информацию по этой “высокой политике”. Надо было направиться в такие центры обоих лагерей (буржуазии и социалистов – А.С.), где можно получить достоверные сведения. В пятницу вечером я позвонил в такой центр, который мог совмещать в себе (хотя и довольно несовершенно) настроения и освещать планы как буржуазных, так и демократических руководящих групп»¹. Суханов позвонил Н.Д. Соколову, к которому, как мы знаем, по прямому указанию Верховного совета ВВНР, приглашались разные политические деятели левых взглядов. «Мы условились созвать представителей различных групп и собраться на другой день, в субботу, у него на квартире, на Сергиевской, часа в три, для обсуждения положения дел и для обмена мнений», – сообщил Суханов².

Днем 25-го февраля 1917 года это собрание состоялось. Оно не было чисто масонским, потому что пригласили не только членов ордена: «Н.Д. Соколов ожидал прихода авторитетных представителей большевиков, но никто из них не явился. Вместо них явился Керенский <...>»³. Последний рассказал о происходящем в Думе, сообщил, что правые в полной растерянности, а остальные представители буржуазии пытаются спешно что-то предпринять, но дело ограничивается одной болтовней. Керенский, по словам Суханова, «в такой растерянности одних и спешных комбинациях других был склонен усматривать одни благоприятные симптомы»⁴. Были Н.С. Русанов, В.М. Зензинов, В.М. Чарнолуский⁵, потом «приходили все новые и новые люди и приносили совпадающие между собой известия о небывало грандиозном движении на улицах»⁶. Таким образом, нельзя не согласиться с Некрасовым, утверждавшим, что «некоторую роль масонство сыграло <...> и в первые дни Февральской революции, когда оно помогло объединению прогрессивных сил под знаменем революции»⁷. Сомнение вызывают лишь последние слова, поскольку о самой революции в эти февральские дни в братстве еще вряд ли говорили. Видимо, происходившее оценивали, исходя из старого опыта 1905 года, когда народные волнения побудили царя пойти на уступки, и под словом «революция» понимали именно такой поворот событий. «Думские депутаты – Керенский,

---

¹ Там же. С. 17. Надо отметить, что по сведениям Гальперна и Чхеидзе сам Н.Н. Суханов также входил в ложи, правда, не принадлежал к масонской верхушке. См.: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 59, 85.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ По сведениям С.А. Ефремова, В.М. Зензинов входил в ложи ВВНР и участвовал в масонском конвенте осенью 1914 года (См.: Свідчення С.О. Єфремова для ОГПУ). Н.С. Русанов и В.И. Чарнолуский, судя по имеющимся источникам, масонами не были.

⁶ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 26.

⁷ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. С. 38.

Скобелев – произносили зажигательные речи, насыщенные новой, доселе публично еще не употребляемой революционной терминологией, возбуждавшей страсти и энтузиазм, – писал Суханов. – Их практическим лозунгом было, однако, ни что иное, как “Ответственное министерство”»¹. А в субботу 25 февраля, когда состоялось последнее рабочее заседание Государственной думы, З.Н. Гиппиус² записала в своем «дневнике»: «Карташев (масон, член Верховного совета – А.С.) упорно стоит на том, что это “балет”, – и студенты, и красные флаги, и военные грузовики, медленнодвигающиеся по Невскому за толпой (нет проезда), в странном положении конвоирующих эти красные флаги. Если балет... какой горький, зловещий балет. Или...»³.

Члены Верховного совета в Февральские дни старались держаться вместе, даже «дежурили» друг у друга на квартирах, отвечая на телефонные звонки. Так, когда Суханов позвонил 26 февраля по телефону Керенскому, у того на квартире⁴ он застал Н.Д. Соколова, который сидел «в ожидании сведений из Думы, но он не мог сообщить мне ничего существенного»⁵. Приблизительно в это время сам Керенский присутствовал на собрании у лидера народных социалистов и, одновременно, председателя одной из петроградских лож А.А. Демьянова⁶. Там же был и глава другой столичной ложи кадет князь В.А. Оболенский. Князь сообщил в своих воспоминаниях, что в воскресенье, 26 февраля, он «был приглашен завтракать к присяжному поверенному А.А. Демьянову, жившему на Бассейной улице <...> Придя к Демьянову, я застал у него двух-трех знакомых, среди которых находился А.Ф. Керенский»⁷. Все упомянутые в данном отрывке лица принадлежали к ВВНР, а их партийное сочетание (трудовик Керенский, народный социалист Демьянов и кадет Оболенский) наталкивает на мысль о том, что вышеуказанное собрание было масонским. Более того, возможно, что это – заседание местного Петроградского совета ордена, так как Оболенский и Демьянов были председателями лож, а Керенский – представителем Верховного совета. При этом настроение у собравшихся братьев оказывалось отнюдь не боевое. «Все были уверены, что начавшийся в Петербурге бунт будет жестоко подавлен, – продолжал Оболенский. – Го-

¹ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 33 – 34.

² Масон ВВНР, член одной из петроградских лож, в которую входил также и А.В. Карташев. См.: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 58.

³ Гиппиус З.Н. Живые лица. Стихи, дневники. Тбилиси, 1991. С. 281.

⁴ Петроград, ул. Тверская, 29. См.: Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917. С. 308.

⁵ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 38.

⁶ См. о масонстве А.А. Демьянова: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 51, 62, 65, 67; Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. С. 38, 42.

⁷ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 510.

ворили о том, что накануне полиция стреляла в толпу, и что прольется еще много крови на улицах Петербурга. Настроение у всех было мрачное»¹. После собрания Оболенский и Керенский отправились пешком на Петроградскую сторону. Увидев заставы на Троицком мосту, Керенский остановился в нерешительности со словами: «<...> Мой арест за последнюю речь принципиально решен. Вопрос лишь в том, как его практически осуществить при моей депутатской неприкосновенности. Если сегодня распустият Думу – завтра, вероятно, меня арестуют... А впрочем, черт с ними, рискну пойти...»². Керенский также опасался, что, вероятно, он не сможет вернуться обратно, если мосты окончательно перекроют.

Пересечь Неву в обратном направлении спустя некоторое время Керенскому было необходимо в связи с тем, что в этот день планировалось провести еще и заседание руководства ВВНР. Гальперн сообщал следующее: «Последнее собрание Верховного совета перед революцией было назначено на воскресенье 26 февраля. Должно оно было состояться на квартире Коновалова (который тогда был в Верховном совете), на Фурштатской. Мне позвонили о нем на квартиру, – но не застали дома, так как я был на Васильевском острове, у своей теперешней жены (известной поэтессы Саломеи Андронниковой – А.С.). Мне позвонили туда и очень просили прийти, но после некоторого колебания я все же не пошел: у сестры моей теперешней жены был сердечный припадок, и я бегал за врачом; дальше в это время уже не ходили трамваи и не было извозчиков; конечно, если б сознавал, какие события идут, все же нашел возможность добраться до Фурштатской, но думалось, что это обычное очередное собрание, если не побываю на нем, ничего не будет»³.

К сожалению, нам неизвестно, о чем говорили в тот момент в Верховном совете. Однако вечером Суханов, не оставлявший в покое телефон, вновь дозвонился в квартиру Керенского. Тот «сказал, что у него собрались несколько человек из близких ему кругов. Но никаких сколько-нибудь содержательных, практических “резюме” политического положения Керенский по-прежнему не дал <...> Думский “прогрессивный блок” с каждым часом левеет – вот и все, что мог сообщить Керенский. Собравшаяся у него компания уже расходилась, да и ничего существенного в смысле информации не обещала. Идти туда, рискуя не преодолеть всех полицейских препятствий, не было смысла»⁴. В одиннадцатом часу Суханов позвонил в Государственную думу: «К телефону подошел Скобелев, сообщивший, что Таврический дворец уже пуст. Все разошлись растерянные,

¹ Там же.

² Там же. С. 511.

³ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 70.

⁴ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 40.

потрясенные, истрепанные. Боевое настроение растет и ползет налево. На завтра назначено заседание. Но ходят слухи, почти достоверные, о том, что утром будет объявлен указ о роспуске Государственной думы. Больше ничего Скобелев рассказать не мог»¹. Такое настроение было у масонов накануне решающих событий.

Никакой связи между ВВНР и изменением позиции солдат частей Петроградского гарнизона, произошедшим с конца 26 февраля, установить не удалось. Указаний на посещение «масонскими агитаторами» казарм с целью поднять солдат на восстание источники не содержат. Нет масонов и среди тех, кто утром 27 февраля призвал толпу рабочих и солдат на Литейном проспекте громить Окружной суд и Дом предварительного заключения, а потом идти на Петроградскую сторону к Финляндскому вокзалу и тюрьме «Кресты» (например, тот же Г.С. Хрусталеv-Носарь никогда не входил в ложи). Не было масонов и среди освобожденных членов Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, призвавших восставших двигаться к Таврическому дворцу. Однако, информацию о происходящих изменениях в настроении войск и движении толпы члены Верховного совета (те же Керенский и Соколов) явно получали, в том числе, по телефону от своих коллег-социалистов, оказавшихся на месте. Керенский прямо писал об этом, ссылаясь на все тот же «информационный центр» (то есть близкое сотрудничество представителей различных социалистических организаций, запущенное по инициативе Верховного совета в начале 1917 года). Более того, если верить Керенскому, уходя из дома утром 27 февраля он даже «<...> успел позвонить нескольким из моих друзей и попросил их отправиться в охваченные восстанием военные казармы и убедить войска идти к Думе»². В другом месте Керенский также сообщил, что «уже не припомню, то ли своей жене поручил позвонить одному из моих друзей, Соколову, жившему рядом с казармами, то ли кому-то другому, встреченному по дороге, но я сделал все возможное, чтобы связаться с Волынским полком, восставшим явно без всякой определенной цели»³. В любом случае – и это очень важно – речь шла не о подстрекательстве солдат к восстанию, а о призыве уже восставших частей идти к Таврическому дворцу. И здесь мы видим то, что действительно можно приписать заслугам масонов в событиях утра 27 февраля: итоги предварительно проведенной проработки левых в русле равнения на Государственную думу. Причем проявилось это в призы-

---

¹ Там же. С. 40 – 41.

² Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 136.

³ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 10 – 11. Суханов вспоминал, что «от Н.Д. Соколова я не раз впоследствии слышал, что это он повел первые восставшие полки именно к Государственной думе. Возможно, что это было именно так». См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 58.

вах как тех агитаторов, кого те же Керенский или Соколов прямо в этот день просили направлять войска к Думе, так и в позиции тех, кто действовал автономно, в том числе, освобожденные из «Крестов» социалисты¹. Приход воинских частей к Таврическому дворцу дал Государственной думе возможность превратиться в настоящий центр восстания, обладающий не только авторитетом, но и реальной силой.

И, как показывают источники, основное внимание членов Верховного совета утром 27 февраля было приковано не столько к движению на улицах, сколько непосредственно к происходящему в Государственной думе. «<...> Меня разбудила в 6 часов утра по телефону жена Некрасова, – рассказывал Гальперн. – Она звонила по просьбе мужа, чтобы сообщить, что только что ему звонил из Государственной думы Родзянко о получении указа о роспуске и вызвал срочно в Государственную думу для совещания; Некрасов уже убежал туда и – “муж просил Вам об этом сейчас же сообщить”. Я спросил, передано ли это Керенскому. Она отвечала, что не знает. Звоню ему сам, поймал его уже в передней, он шел в Государственную думу, условились встретиться у Соколова тотчас же, как только он выяснит положение дел»². «Добравшись до Думы, – сообщал Керенский, – я сразу же направился в Екатерининский зал, где встретил Некрасова, Ефремова, Вершинина³, Чхеидзе и несколько других депутатов от оппозиции. Они согласились с моими предложениями о проведении официального заседания Думы»⁴. Как видим, Керенский тут же стал обсуждать тактику действий с ближайшими коллегами, и не удивительно, что среди них кроме трудовика В.М. Вершинина оказались вдруг меньшевик Чхеидзе, прогрессист Ефремов и кадет Некрасов. «Представители левой оппозиции – Некрасов, Ефремов, Чхеидзе и я, – продолжал Керенский, – внесли предложение в Совет старейшин (Думы – А.С.): немедленно, не принимая во внимание царский указ, провести официальную сессию Думы. Большинство же, включая Родзянко и <...> Милюкова, высказалось против такого

---

¹ В связи с этим представляется очень важным заключение А.Б. Николаева о том, что «агитация за движение восставших к Думе началось уже с утра 27 февраля. Организатором этого движения в первую очередь был А.Ф. Керенский. Работали в солдатской среде на улицах и те, до кого Керенский сумел дозвониться с просьбой вести солдат к Таврическому дворцу, и те, кто не смог получить от Керенского этого поручения 27 февраля, но имел с ним или с другими депутатами Государственной думы соответствующие предварительные договоренности». См.: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 163.

² Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 71.

³ Соратник А.Ф. Керенского по фракции трудовиков. Данных о его принадлежности к ВВНР не имеется.

⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 135.

шага»¹. Наличие утром 27 февраля консолидированной позиции думских масонов – Керенского, Некрасова, Ефремова и Чхеидзе – о недопущении перерыва в парламентских заседаниях подтверждается многими источниками². Здесь можно усмотреть работу членов Думской ложи в действии: они молниеносно сформулировали и внесли в президиум общий запрос от представителей четырех фракций. Предложение об игнорировании указа Николая II, конечно же, было революционным, так как означало открытое неповиновение монарху. Но, вместе с тем, оно полностью укладывалось в общую линию ВВНР, направленную на центральное место Государственной думы в грядущих политических изменениях.

Еще до начала заседания Совета старейшин Керенский успел сбегать к Н.Д. Соколову, где его с нетерпением ждали те братья-масоны из Верховного совета, которые не являлись членами Государственной думы. Соколов жил недалеко, на Сергиевской улице, д. 81 (ныне – улица Чайковского)³, и его квартира временно превратилась в масонский штаб. По сообщению Гальперна, «встреча эта состоялась в 10-10¹/₂ часов утра; Керенский рассказал и убежал обратно в Государственную думу. Звонил он нам каждые полчаса – мы сидели и ждали. Вскоре увидели на улице под окнами беспорядочные толпы вооруженных солдат; помню, кто-то сказал: “Да это настоящий бунт”. Настроение у нас было больше чем пониженное – так лидеры русской революции готовили эту революцию»⁴.

Конечно, можно было бы предположить, что впоследствии лидеры ВВНР умышленно отрицали свою организующую роль в подготовке событий 27 февраля, чтобы избежать критики со стороны эмигрантского сообщества в крушении «исторической России». Но на самом деле, это достаточно легко проверить по сохранившимся протоколам Государственной думы. После появления у Таврического дворца восставших солдат и получения известия о прошении об отставке председателя правительства князя Н.Д. Голицина Совет старейшин все-таки принял решение «Государственной думе не расходится. Всем депутатам оставаться на своих местах», а также объявил, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос[ударственная] дума примет живейшее участие»⁵. Около 14:30 в Полупиркульном зале Таврического дворца началось частное заседание депутатов. Но если бы масоны (как минимум, члены Верховного совета) действо-

---

¹ Там же. С. 137.

² Николаев А.Б. Революция и власть. С. 125.

³ Весь Петроград на 1917 год. С. 642.

⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 71.

⁵ Решение Г[осударственной] думы // «Известия» Комитета Петроградских журналистов. 1917. 27 февраля. См. подробн.: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 126 – 127.

вали по заранее заготовленному плану, их выступления на этом историческом заседании, где обсуждались уже конкретные тактические шаги, были бы созвучны, а предлагаемый порядок действий – идентичный. Но мы видим совершенно другую картину. Взявший слово сразу после Родзянко Н.В. Некрасов заявил: «У нас теперь власти нет, а потому ее необходимо создать. По-моему, было бы правильно передать эту власть какому-либо пользующемуся большим доверием человеку вместе с несколькими представителями Государственной думы. Таким лицом, по его мнению, был бы генерал Маниковский»¹. То есть Некрасов стал продвигать ту же идею военного диктатора, которая созрела в либеральных кругах еще в 1916 – начале 1917 годов в рамках различных комбинаций переворота сверху, и о которой, по словам Гальперна, Некрасов докладывал на заседаниях Верховного совета. Однако, другие братья из числа членов Государственной думы, выступавшие следом, отреагировали на это предложение отрицательно.

Так, лидер социал-демократической фракции Чхеидзе назвал вариант с Маниковским «призывом к ложному пути», настаивая на необходимости уничтожения старой власти и замены ее новой². Чхеидзе – член Верховного совета ВВНР, и, хотя он ранее уже выступал с противоречащими согласованной братской линии заявлениями, его позиция достаточно показательна. Далее, масон-прогрессист В.А. Ржевский также выразил несогласие с Некрасовым о приглашении «<...> к власти опять генерала из старого правительства. Гораздо удобнее организовать комитет для сношения с армией и народом»³. А масон-кадет Н.К. Волков присоединился к Ржевскому в том, что «<...> власть по проекту Некрасова не может быть авторитетной в глазах народа, а поэтому необходимо передать ее Особому комитету»⁴. Подчеркнем, что и Ржевский, и Волков заседали в одной с Некрасовым Думской ложе, а Волков в то время также состоял и в Верховном совете и, в отличие от Чхеидзе, являлся скорее противником широкого революционного движения, чем сторонником. Так, Чхеидзе вспоминал, что на масон-

---

¹ Из заметок о первых днях русской революции // Воля России. 1921. 15 марта.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Из опубликованного А.Б. Николаевым текста подлинника протокола частного совещания Государственной думы 27 февраля 1917 года следует, что Н.К. Волков лишь объявил, что «власть, образованная по проекту Некрасова, не может быть авторитетной в глазах народа», а фраза о необходимости ее передачи некоему Особому комитету принадлежит другому депутату – М.С. Аджемову. См.: Николаев А.Б. Думская история Февральской революции: введение, текст и комментарии // Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 27 ноября 2015 / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб., 2016. С. 90. Но в данном случае важно одно: член Верховного совета ВВНР Волков не поддержал Некрасова.

ских собраниях Волков пытался сбить его революционный настрой, заявляя: «Вы русской массы не знаете»¹. В итоге, ни один из масонов не поддержал Некрасова. Такое вряд ли могло произойти, если бы его предложение представляло собой заранее разработанный братством план или хотя бы некий запасной вариант действий. Все оказались против.

Надо отметить, что определенные связи у Н.В. Некрасова с Маниковским, конечно же, имелись, но не на масонской почве, а в связи с пред-революционными планами дворцового переворота². По сообщению С.М. Ляндреса, на архивном экземпляре протокола о частном совещании членов Государственной думы 27 февраля 1917 года есть приписка, сделанная рукой депутата-трудовика Вершинина: «Когда позднее я (Вершинин – А.С.) спрашивал Некрасова – почему он рекомендовал ген. Маниковского, то Некрасов сказал, что Маниковский ему известен как наиболее решительный из генералов, но что [он] не поддерживал в дальнейших прениях эту кандидатуру потому, что побоялся, что при водворении порядка ген. Маниковский мог затопить Петроград кровью»³. И действительно, в ходе дальнейшего совещания Некрасов не настаивал больше на кандидатуре Маниковского как своего рода военного диктатора, но торопил всех с принятием решения, призывая к осторожности: «Не забудьте, что аппарат власти еще в старых руках, а у нас ее еще нет, а потому необходимо найти какое-либо среднее решение»⁴. Итак, в тот переломный момент, когда Государственная дума вырабатывала свою позицию относительно разворачивавшегося на улицах движения, братья-масоны не озвучили никакой единой тактической линии, а это означает, что ее попросту не было. То есть, события утра 27 февраля в виде солдатского бунта и массовых беспорядков ни в коем случае не были заготовлены ВВНР.

Со второй половины 27 февраля масоны уже активно включились в революционные события: выступали на улицах, ездили в качестве комиссаров Думы (а затем и Петросовета) по воинским частям и учреждениям⁵.

---

¹ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 87.

² Подчеркну, что генерал А.А. Маниковский к ВВНР не принадлежал. См. о планах на него заговорщиков и его реальном участии в заговорах подробн.: Николаев А.Б. Генерал А.А. Маниковский: масон, заговорщик, февралист? // Петербургские военно-исторические чтения: межвуз. науч. конф. С.-Петербург, 20 марта 2015 г.: сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 100 – 114.

³ Ляндрес С.М. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России. Сб. науч. ст. СПб., 1996. Ч. 2. С. 108.

⁴ Из заметок о первых днях русской революции // Воля России. 1921. 15 марта.

⁵ Например, в числе прочих в ночь на 28 февраля 1917 года комиссарами ВКГД были назначены масоны Н.К. Волков (в Министерство земледелия) и В.А. Виноградов (в Министерство финансов). С 1 марта Виноградов возглавил Особое совещание по топ-

Несколько фамилий братьев мы видим в числе сформированного президиумом Временного комитета Государственной думы (Керенский, Чхеидзе, Некрасов и Ржевский), но в этом назначении не усматривается никаких закулисных интриг: депутаты представляли президиум и свои фракции. Часть масонов вошла в образованный в тот же день Исполком Петросовета рабочих депутатов, однако и здесь не усматривается каких-либо закулисных игр. Так, Чхеидзе, Скобелев и Керенский составили первоначальный президиум Совета в качестве лидеров левых думских фракций, а тот же Н.Д. Соколов, не входивший в состав депутатского корпуса, оказался избран в Исполком благодаря личной известности и, разумеется, тому, что оказался в нужное время в нужном месте. Впрочем, чуть позже Соколов ввел в состав Совета А.А. Демьянова, признавшегося, что «попал я в Совет не как представитель партии народных социалистов, а персонально»¹, и «рекомендовал и ввел меня в Совет Николай Дмитриевич Соколов»². Но это, пожалуй, единственный случай прямого «братского» продвижения кого-либо из советских деятелей.

Когда говорят о якобы имевшей место центральной руководящей роли масонов в Февральских событиях, конечно, первостепенное внимание уделяют формированию и составу первого Временного правительства. Даже И.В. Гессен в свое время выдвинул предположение о том, что «повидимому, масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал у Милюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того не известный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, – да и еще на посту министра финансов <...> Ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенко, так и Львова (имелся в виду князь Г.Е. Львов – А.С.) скрывалось в их принадлежности к масонству»³. Вместе с тем, как показывают собственно масонские источники, ни М.И. Терещенко, ни князь Львов к ВВНР не принадлежали. Кроме того, список первых «революционных» министров лишь с некоторыми вариациями дублировал перечни «Министерства доверия» или «Ответственного министерства», ходившие в либеральной среде еще в 1915 – 1916 годах и даже публиковавшиеся в газетах. И хотя Некрасов и писал о том, что «во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль» и «вообще на формирование правитель-

---

ливу. 2 марта ВКГД отправила думца-масона И.П. Демидова еще одним комиссаром в Министерство земледелия, и, видимо, в этот же день в должность комиссара ВКГД по Министерству императорского двора и уделов вступил масон Ф.А. Головин. См.: Николаев А.Б. Указ. соч. С. 316, 319 – 312.

¹ Демьянов А.А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 55.

² Там же.

³ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215 – 218.

ства масоны оказали большое влияние, т.к. масоны оказались во всех организациях, участвовавших в формировании правительства»¹, но тут же признал более чем скромный результат этого влияния: «Показательно, что в составе первого Временного правительства оказались 3 масона – Керенский, Некрасов и Коновалов <...>»². Итого, всего три 3 министра-масона из 12-ти членов кабинета!³ При этом фамилии Некрасова и Коновалова фигурировали в списках возможного правительства, составлявшихся внутри Прогрессивного блока, а вот Керенского там не было. Его кандидатура действительно была включена, наряду с Чхеидзе, уже в момент формирования Временного правительства, но вовсе не по масонской линии, а как представителя думских социалистов. Так, Милюков писал: «Два портфеля, Министерства юстиции и труда, были намечены для представителей социалистической партий. Но из них лишь А.Ф. Керенский дал 2 марта свое согласие на первый пост. Н.С. Чхеидзе, предполагавшийся для Министерства труда, предпочел остаться председателем Совета рабочих депутатов (он фактически не принимал с самого начала участия и во Временном комитете)»⁴. Более того, секретарь Верховного совета ВВНР Гальперн напрямую отрицал какую-либо заслугу братства в продвижении Керенского на министерский пост, заявляя о том, что «<...> говорить <...> о нашем сознательном воздействии на формирование правительства нельзя: мы все были очень растеряны и сознательно задачи сделать состав Временного правительства более левым во всяком случае не ставили»⁵. Таким образом необходимо заключить, что первый «революционный» кабинет не являлся детищем масонской организации⁶.

---

¹ Видимо, имелись в виду те же ВКГД, Петросовет, ЦК кадетской партии и Бюро прогрессивного блока. И действительно, анализ борьбы различных комбинаций власти, рассматривавшихся в Феврале 1917 года, наглядно демонстрирует активную роль Керенского и, менее, Некрасова, однако ни в коем случае не позволяет выдвинуть предположение о том, что за их линией поведения стояло коллективное решение масонской организации. См. анализ постфевральской политической системы: Николаев А.Б. Политическая система России в марте – октябре 1917 г.: основные черты и этапы истории // *Journal of modern russian history and historiography*. 2019. Т. 12. С. 105 – 129.

² Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. С. 39.

³ Н.В. Некрасов получил портфель министра путей сообщения, А.И. Коновалов – министра торговли и промышленности, а А.Ф. Керенский – министра юстиции.

⁴ Милюков П.Н. История русской революции. Киев, 1919. С. 30. На самом деле Н.С. Чхеидзе участвовал в заседании ВКГД 1 марта 1917 года. См.: Николаев А.Б. Думская история Февральской революции: введение, текст и комментарии. С. 139.

⁵ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 71.

⁶ В связи с этим нельзя не согласиться с замечанием М.М. Мухамеджанова о том, что: «Если масонская верхушка была влиятельной силой, способной играть решающую роль в судьбах России, то почему Временное правительство формировал П.Н. Милюков, а не масоны Некрасов и Керенский? Почему не попали в правительство такие видные ма-

Н.В. Некрасов сообщил, что «в момент начала Февральской революции всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства – сперва Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства»¹. Здесь, скорее всего, речь идет о более поздних событиях, так как применительно к дням Февраля не ясно, как могло быть выработано и, тем более, транслировано это распоряжение. Во-первых, как признавался Гальперн, в самые решающие дни до начала марта 1917 года формальных заседаний Верховного совета вообще не было. «Первое собрание Верховного совета состоялось уже после опубликования состава Временного правительства, на квартире Керенского, – вспоминал он. – Разговор на этом собрании шел о воздействии на левых. Чхеидзе на собрании не было»². Во-вторых, уже тогда начался катастрофический развал лож в столице, так как многие братья стали разбегаться по своим политическим лагерям и в целом в новых условиях предпочли открытую общественно-политическую деятельность тайным масонским собраниям. Например, тот же Чхеидзе, по словам Гальперна, «еще с начала войны стал явно уклоняться от посещения Верховного совета, а после революции в частных разговорах со мной и прямо говорил, что считает роль братства оконченной и настаивал на прекращении его деятельности; официально об этом он, однако, не заявлял, соответствующих предложений в Верховный совет не вносил, и, хотя и с пропусками и очень неохотно, но посещал заседания Верховного совета»³.

Пожалуй, единственное, в чем проявилось влияние ВВНР в дни Февраля – это братские связи, благодаря которым отдельные масоны имели возможность внепартийной коммуникации и координации действий. «Собраний Верховного совета как такового в первые дни революции не было, – повторял Гальперин, – поэтому не было в нем и обсуждения вопроса о составе Временного правительства. Но группа руководящих деятелей Верховного совета – Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и я – все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении»⁴. Например, Керенский предварительно обговаривал с братьями из Петросвета свое решение о вхождении в «буржуазное» правительство вопреки позиции остальных социалистов. А.А. Демья-

---

сонские деятели, как Маклаков (в ВВНР не состоял – А.С.) и Ефремов? Масонские министры заняли в правительстве отнюдь не главные посты. Главенствующее положение заняли не масоны». См.: Мухамеджанов М.М. Февральская революция в России и русские масоны. Исторические заметки // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. Сб. тр. М., 1999. С. 57.

¹ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. С. 38 – 39.

² Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 71.

³ Там же. С. 71 – 72.

⁴ Там же. С. 71.

нов вспоминал, что 1 или 2 марта, когда он вместе с П.М. Макаровым¹ находился в Таврическом дворце, к ним подошел Керенский и спросил, как они относятся к тому, что он возглавит Министерство юстиции. Смущало его то обстоятельство, что Чхеидзе отказался от предложенного ему портфеля министра труда. «Обращение А.Ф. Керенского к нам носило характер, как мне думается, только проверки его собственного убеждения в том, что он должен принять сделанное ему предложение портфеля министра юстиции в организующейся власти, – вспоминал Демьянов. – Для меня и Макарова никакого вопроса в том, идти Керенскому в состав Временного правительства или нет – не существовало. Естественный ход событий требовал, чтобы наиболее популярный член Государственной думы вошел в состав будущего Кабинета. Так мы ему и сказали. Керенский стал в этом случае выше партийных интересов и вышел победителем»². С тем же вопросом Керенский подошел ночью на 2-е марта к Н.Д. Соколову и Н.Н. Суханову. «Керенский снова спрашивал, как ему поступить. Но было ясно, как он поступит <...> – рассказывал Суханов. – Он хотел не совета. Цель его разговора была узнать, поддержит ли его Совет в лице его руководителей, признает ли его своим, когда он будет министром. Он хотел поддержки»³.

Интересно отметить, что братья поддерживали Керенского даже физически. Так, В.Д. Набоков вспоминал, что после нескольких сумасшедших дней и бессонных ночей Керенский еле держался на ногах. Он ходил, «сопровождаемый гр. Алексеем Орловым-Давыдовым <...> При мне, – продолжал Набоков, – он (Керенский – А.С.) едва не падал в обморок, причем Орлов-Давыдов не то давал ему что-то нюхать, не то поил чем-то, не помню»⁴. Граф А.А. Орлов-Давыдов являлся одним из старейших членов ВВНР, состоял в Думской ложе (фракция прогрессистов)⁵. Чувствуя за собой незримую поддержку, Керенский мог действовать вероломно и даже скандально, что позволяло ему набирать дополнительные политические очки.

Братские связи, без сомнения, помогали членам ВВНР, состоявшим в ВКГД и Петросовете, поддерживать контакт и, в том числе, находить точки

---

¹ Архитектор П.М. Макаров входил в ложу, возглавляемую Демьяновым. См.: Там же. С. 51, 56, 65.

² Демьянов А.А. Указ. соч. С. 57. Отметим, что в черновых набросках к воспоминаниям Демьянов выделил описанный эпизод в качестве отдельного пункта («вопрос Керенского мне и Макарову»), что подчеркивает его важность для автора. См.: ГА РФ. Ф. Р6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

³ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 209.

⁴ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 18.

⁵ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 49, 58, 62, 78, 85; Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. С. 37 – 38, 42.

соприкосновения при обсуждении формулировок программных документов (например, готовящейся к обнародованию программы Временного правительства, а также других текстов). Так, В.В. Шульгин привел момент, когда Керенский убедил делегацию Совета с участием Соколова принять изменения Милюкова в проект воззвания к армии¹. Впрочем, приписывать все конструктивные моменты в общении ВКГД и Петросовета к заслугам масонов, конечно же, нельзя: не они определяли политику обоих органов, да и между самим братьями нередко возникали разногласия. Можно вспомнить хотя бы реакцию Керенского на известие о том, что именно Н.Д. Соколов написал «Приказ № 1». Находясь в кругу масонов Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, Керенский воскликнул: «Это уже не большевизм, а глупизм. Я бы на месте Соколова молчал. Если об этом узнают, ему не поздоровится»². Разумеется, речь шла не о Петроградском Совете и не о Временном правительстве. Пожаловаться на Соколова Керенский мог только в Верховном совете ВВНР, чтобы подвергнуть того братскому осуждению.

Еще один момент, когда проявились братские связи, – это демонстрация единой позиции Н.В. Некрасова и А.Ф. Керенского по вопросу о форме власти в России. П.Н. Милюков, выступавший за сохранение конституционной монархии, сообщил, что в ночь на 3 марта, накануне встречи с великим князем Михаилом Александровичем, они сидел втроем с Керенским и Некрасовым, и последний «протянул мне смятую бумажку с несколькими строками карандашом, на которой я прочел предложение о введении республики. Керенский судорожно ухватился за кисть моей руки и напряженно ждал моего ответа»³. Реакция Милюкова оказалась достаточно резкой: «Я раздраженно отбросил бумажку с какой-то резкой фразой по адресу Некрасова. Керенский грубо оттолкнул мою руку <...> Начался нервный обмен мыслями. Я сказал им, что буду утром защищать вступление Великого князя на престол. Они заявили, что будут настаивать на отказе. Выяснив, что никто из нас не будет молчать, мы согласились, что будет высказано при свидании только два мнения: Керенского и мое – затем мы предоставим выбор Великому князю»⁴. На самом деле во время встречи 3-го марта говорили не только Милюков и Керенский, но, так или иначе, Михаил Александрович принял решение о подписании акта отказа от восприятия престола, передав власть Временному правительству «впредь до Учредительного собрания».

По итогам Февральских событий члены ВВНР получили ряд важных постов, что впоследствии позволило им привлечь на различные должности и других братьев-масонов. Но это произошло исключительно потому, что

¹ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 495 – 496.

² Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 314.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 2017. С. 621.

⁴ Там же.

члены лож являлись частью той более широкой группы «февралистов», которая и пришла к власти в результате падения монархии, группы, включавшей депутатов Думы, представителей органов местного самоуправления, деятелей различных общественных организаций и политических объединений. К слову сказать, ту же картину мы видим и в провинции: в городах, где имелись ячейки ВВНР, в марте 1917 года масоны в числе других представителей местной «общественности» вошли в формируемые революционные органы власти. Так, в Киеве членами Городского исполнительного комитета стали член Верховного совета ВВНР Д.Н. Григорович-Барский и председатель ложи «Правда» Ф.Р. Штейнгель, а также масон-эсер А.Н. Зарубин¹. В Саратове 2 марта 1917 года местная Дума избрала членом своего Исполнительного комитета брата ложи ВВНР и участника Конвента 1916 года присяжного поверенного А.А. Никонова². В Витебске в Городской общественной комитет попал масон О.А. Волкович³, а в Самаре масона А.Г. Елшина избрали членом Исполкома Комитета народной власти⁴ и т.д. Масоны были частью элиты Февраля, но вовсе не движущим механизмом Февраля.

Итак, необходимо констатировать, что Великий Восток народов России не готовил Февральские события 1917 года в Петрограде. Начавшиеся революционные выступления на улицах, их продолжительность и масштаб стали полной неожиданностью для масонов. Вместе с тем персонально члены ВВНР внесли огромный вклад в успех переворота, но сделали это не в рамках или по заданию тайной организации, а как публичные леволлиберальные и правосоциалистические деятели, члены Государственной думы, участники разных политических партий и объединений. Масоны активно включились в происходившие революционные события с 27 февраля вместе с другими думцами и в их числе воспользовались итогами переворота, заняв в новых органах власти ряд важных позиций.

Вклад собственно масонской организации в успех Февраля можно отметить лишь в трех моментах. Первый: настойчиво проводимая среди оппозиции накануне и в дни Февральских событий мысль о центральной роли Государственной думы, что в итоге содействовало ее превращению в реальный центр восстания. Второй: братские связи отдельных оппозиционных деятелей способствовали более тесному контакту и обмену информацией между ними в первые дни восстания, а затем облегчили поддержание связи

¹ Киевлянин. 1917. 2 мая; Киевлянин. 1917. 6 мая; Грушевський М.С. Спомини // Київ: Щомісячний літературно-художній та громадсько-політичний журнал Спілки письменників України та Київської письменницької організації. Київ, 1989. № 8. С. 132 – 133.

² Февральская революция в Саратове. Ф. Морозов // Февраль. Сборник воспоминаний о 1917 г. Саратов, 1922. С. 28.

³ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 104.

⁴ Топорков И.В. Самарские масоны: Елшин и другие // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 174.

между «буржуазным» и социалистическим центрами силы (ВКГД и Временным правительством, с одной стороны, и Исполкомом Петросовета, с другой). Масонской подоплекой необходимо объяснить и появление «дуумвирата» Керенского – Некрасова, развитие которого мы увидим в последующих составах Временного правительства. И, наконец, третий момент – субъективный: ощущение (или даже ожидание) братской поддержки позволяло отдельным масонам действовать более уверенно, что давало вполне ощутимые преимущества, кураж. Это, в частности, стало одной из причин (хоть и не основной) стремительного взлета в те дни А.Ф. Керенского.

ЗАПАСНОЙ БАТАЛЬОН Л.-ГВ. ВОЛЫНСКОГО ПОЛКА В ПЕРВЫЕ ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПЕТРОГРАД, 23 – 26 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.)

САВЕНКО ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

студент 2 курса магистратуры (история) ЗО ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, учитель истории ГБОУ СОШ № 472 им. Дважды Героя Советского Союза А.Т. Карпова Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: egor.belov1998@mail.ru

Научный руководитель:

Николаев Андрей Борисович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена;

e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

В событиях Февральской революции 1917 г. запасной батальон л.-гв. Волынского полка сыграл решающую роль как первый полк, перешедший на сторону революции и увлекший за собой другие воинские части¹, вместе с тем, до недавнего времени², исследователи уделяли не значительное внимание первым дням Февральской революции 1917 г., а именно, 23 – 26 февраля³.

¹ Розенталь П.И. Вокруг переворота. Пути революции. Пг., 1917. С. 111 – 112.

² А.Б. Николаев в статье, посвященной биографии старшего унтер-офицера запасного батальона л.-гв. Волынского полка Т.И. Кирпичникова, впервые предпринял попытку углубленного рассмотрения деятельности солдат-волынцев в дни Февральской революции (Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников: краткая биография «первого солдата революции» // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2013. С. 123 – 131).

³ Работы, раскрывающие деятельность запасного батальона л.-гв. Волынского полка в Февральской революции 1917 г. начали выходить уже в 1917 г. (Розенталь П.И. Вокруг

Согласно «Плану Петроградского охранного отделения по охране г. Петрограда в связи с предстоящими революционными выступлениями», датированному 5 февраля 1917 г., запасной батальон л.-гв. Волынского полка должен был нести охрану в 8 и 15 районах, т.е. во 2 – 4-м участках Литейной, 1-м участке Рождественской и 1-м участке Александро-Невской полицейских частей, а также в Шлиссельбургском и Александровском пригородных участках. Кроме того, согласно диспозиции, части запасного батальона л.-гв. Волынского полка должны были охранять Окружной суд, дворец великой княгини Ольги Александровны, Дом предварительного заключения на Шпалерной и Литовский мост, относящиеся к Литейной полицейской части, Петроградское казначейство, располагавшееся на территории Спасской полицейской части, Пересыльную тюрьму, относящуюся к Александро-Невской полицейской части, Николаевский вокзал, находившийся на территории Рождественской полицейской части, а также Обуховский завод, относящийся к Александровскому пригородному участку¹.

Сведения о событиях 23 февраля 1917 г. находят упоминание только в очерке, написанном солдатами учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка². В этот день в учебной команде запасного батальона л.-гв. Волынского полка был сделан «расчет команд на две роты и на три караула»³.

Около 9 часов утра 24 февраля 1-й взвод 2-й полуроты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка, под командованием

переворота. Пути революции. Пг., 1917). Вместе с тем ряд исследователей, рассматривая события 23 – 26 февраля 1917 г., ограничивались пересказом публицистических произведений или воспоминаний, т.е. не предпринимали попытку углубленной реконструкции этих событий (Розенталь П.И. Указ. соч. С. 111 – 114; Новицкий К.П. От самодержавия к диктатуре пролетариата: (1917 г. - февраль - октябрь - 1919 г.): краткий очерк развития Великой русской революции. М., 1920. С. 8 – 10; История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. I. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.). М., 1937. С. 66 – 67; Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Изд. второе. М., 1977. Т. 1. С. 460).

¹ План и приложения к нему Петроградского охранного отделения по охране г. Петрограда в связи с предполагавшимися революционными выступлениями // Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов. М., 1996. С. 61, 63, 65, 69.

² «Революция 1917 года. Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка» впервые использовал Э.Н. Бурджалов, вместе с тем, он не указал где было обнаружено данное произведение (Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 185). Позже А.Б. Николаев отыскал эту брошюру в ГА РФ, сделал ее копию и использовал при написании статьи посвященной биографии Т.И. Кирпичникова. Через некоторое время «Очерк» появился в сети Интернет. Кроме того, А.Б. Николаеву удалось установить обстоятельства написания данного очерка (Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников: краткая биография «первого солдата революции» // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2013. С. 120).

³ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. Пг., 1917. С. 2.

взводного офицера штабс-капитана А.В. Цурикова и взводного командира старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова, был вызван на Знаменскую площадь¹.

Необходимо обратить внимание на то, что солдаты-волынцы дислоцировались в подвале дома № 37, расположенного на Лиговской улице, где располагалась артель китайцев, а взводный командир штабс-капитан А.В. Цуриков в это время находился в Большой Северной гостинице². Интервью, обнаруженное и введенное в научный оборот А.Б. Николаевым также подтверждает эти сведения³. На наш взгляд диспозиция солдат-волынцев позволяет обнаружить не только явную дифференциацию между солдатами и офицерами, но и сближение рядовых и унтер-офицерских чинов, вынужденных разделять общие бытовые условия, которые имели низкое качество. Кроме того, в воспоминаниях старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова и «Очерке» не упоминается факт довольствия в этот день.

Около 11 часов утра штабс-капитан А.В. Цуриков отдал приказ построиться для того, чтобы не допустить присоединения демонстрантов, шедших по Невскому проспекту, к митингующим на Знаменской площади⁴. Однако, после разговора штабс-капитана А.В. Цурикова и старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова, в ходе которого последний предлагал пропустить толпу, А.В. Цуриков принял решение не противодействовать демонстрантам, что являлось прямым нарушением возложенных на него обязанностей⁵. Около 14 часов дня митингующие начали расходиться со Знаменской площади¹.

---

¹ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 2; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма: воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.). Л., 1986. С. 300; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. Рассказ бывш[его] унтер-офицера Кирпичникова // Ленинград. 1931. № 2. Февраль. С. 73; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 123 – 124.

² Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 300; Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 2.

³ Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым) // Петроградская газета. 1917. 9 апреля. № 82. С. 3; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 130 – 131.

⁴ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 2; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 300; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 123 – 124.

⁵ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 3; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского

В 18 часов вечера, согласно воспоминаниям старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова, записанным Н. Пенчковским, и «Очерку» солдат-волынцев, или в 19 часов вечера, по версии других воспоминаний Т.И. Кирпичникова, взвод учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка вернулся в казармы². Согласно воспоминаниям старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова, записанным Н. Пенчковским, в 19 часов вечера, солдаты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка по тревоге «опять пошли на Знаменскую улицу уже под командой штабс-капитана Машкина 2-го; <...>. Прошли по Знаменской, Невскому, Литейной и Бассейной улицам и вернулись обратно»³. Вместе с тем уже в других воспоминаниях старший унтер-офицера Т.И. Кирпичников писал: «Часов в 10, под командой штабс-капитана Машкина 2-го, я пошел со взводом на Знаменскую площадь. По Невскому и по Литейному вернулись в казармы»⁴. Солдаты-волынцы же в своем «Очерке» писали, что «часов в 8-м нас вызывали к подъезду батальонной канцелярии. Вышел штабс-капитан Мошкин <...>. Прошли по нескольким улицам Петрограда и снова подошли к подъезду батальонной канцелярии»⁵. Иначе говоря, не представляется возможным точно установить время вечернего патруля учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка, но можно точно утверждать, что он начался между 19 и 22 часами вечера. Кроме того, А.Б. Николаев отмечал, что в версии солдат-волынцев нет упоминания об участии старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова в вечернем патруле⁶.

В 8 часов утра 25 февраля 2-я рота учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка, под командованием взводного офицера штабс-капитана Машкина и взводных командиров прапорщиков В.К. Воронцова-Вельяминова и Н.Н. Качуры, а также старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова, была вызвана на Знаменскую площадь⁷. В 11 часов утра штабс-

---

полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 301; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 123 – 124.

¹ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 3.

² Там же; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 301; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73.

³ Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73.

⁴ Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 301; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 124.

⁵ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 3; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 124.

⁶ Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 124.

⁷ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 3; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. Пг., 1917. С. 4; его же. Волынцы. Пг., 1917. С. 4;

капитан Машкин отдал приказ построиться и разогнать толпу, чтобы не допустить скопления демонстрантов на Знаменской площади¹. Исполнение этого приказа было возложено на 1-й взвод, под командованием прапорщика В.К. Воронцова-Вельяминова, но две попытки исполнить его были провалены². Данная неудача объясняется агитационной деятельностью старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова, который уговаривал взводных командиров и солдат не стрелять, а также уверял рабочих, что по ним не будет открыт огонь³. Кроме того, солдаты-волынцы в своем «Очерке» сообщали о действиях младшего унтер-офицера М.Х. Карпичкова, которые были направлены на невыполнение приказа штабс-капитана Машкина: «<...> сказал тихонько солдатам, чтобы они больше слушали его (М.Х. Карпичкова – Г.С.), а не офицера, и подумали бы о том, что им предстоит сделать. <...> взводный М.Х. Карпичков выбежал вперед фронта и незаметно для офицера приказал людям, чтобы они, дойдя до толпы, повернули направо и прошли бы рядом через толпу»⁴. Около 15 часов дня на Знаменскую площадь с Невского проспекта пришли демонстранты, которых пытались разогнать «15 городских конно-полицейской стражи», прибывшие с Гончарной улицы⁵. В ходе столкновения митингующих, а также поддержавших их казаков, и жандармов были убиты пристав 1-го участка Александро-Невской части ротмистр М.Е. Крылов, полицмейстер и городской⁶. Остальные представи-

---

Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 301; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73.

¹ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 4 – 5; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 5; его же. Волынцы. С. 4 – 5; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 301 – 302; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73 – 74.

² Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 4 – 5; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 5; его же. Волынцы. С. 4 – 5; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 301 – 302; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73 – 74.

³ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 4; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 5; его же. Волынцы. С. 5; Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым). С. 3.

⁴ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 4.

⁵ Блок А.А. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пб., 1921. С. 53; Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 5.

⁶ Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 56; Донесение начальника Петроградского охранного отделения в Министерство внутренних дел о событиях в столице

тели закона были обращены в бегство¹. Позже, по приказу штабс-капитана Машкина, 1-й взвод под командованием прапорщика В.К. Воронцова-Вельяминова отобрал у демонстрантов «красные флаги»². В 7 часов вечера один взвод, предположительно 1-й роты, учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка, под командованием младшего унтер-офицера Дреничева (И.Ф. или А.Ф. – Г.С.), «был вызван <...> во второй Литейный участок в распоряжение пристава» для ареста и конвоирования «37 мужчин и одной молодой женщины», собравшихся по приглашению «г-на Терещенко»³. В ходе конвоирования «<...> арестованные разговаривали с солдатами и говорили им, что они стоят только за солдат и за народ, просили не стрелять в толпу, и солдаты обещались не стрелять»⁴. После установления личности арестованных младший унтер-офицер Дреничев (И.Ф. или А.Ф. – Г.С.) вместе со взводом, предположительно 1-й роты, вернулся в казармы⁵. Около 12 часов ночи 2-я рота учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка вернулась в казармы⁶.

Ночью с 25 на 26 февраля, предположительно около 1 – 2 часов ночи, состоялась беседа старшего унтер-офицера Т.И. Кирпичникова с взводными командирами. Старший унтер-офицер Т.И. Кирпичников так рассказал об этом событии Н. Пенчковскому: «В казармах меня стали расспрашивать унтер-офицеры, как было дело, и толковали между собой, что же будет

// Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов. М., 1996. С. 36; Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 5; Николаев А.Б. Из истории революции 1917 года в Петрограде: начальник милиции Обуховского завода Сысоев – самозванец или жертва борьбы за власть? // Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. С. 195 – 198; Родин Н.В. «Пристав Крылов»: опыт историографической идентификации и материалы к биографии // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4 (16). С. 89.

¹ Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 53; Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 5.

² Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 5 – 8; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 5; его же. Волынцы. С. 5; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 302; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 73 – 74.

³ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 9; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 6; его же. Волынцы. С. 6; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 302; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 74.

завтра. Я сказал, что завтра, если будет командовать Лашкевич, придется стрелять и беды не избежать. Я предлагал фельдфебелю Лукину не стрелять. Лукин не соглашался со мной, говорил, что одним нам отказаться нельзя»¹. Вместе с тем уже в других воспоминаниях старший унтер-офицер Т.И. Кирпичников говорил: «Собрались взводные: фельдфебель Лукин и я. Я говорю: “Завтра пойдет Лашкевич. Вы будете стрелять? Предлагаю: давайте лучше не стрелять”. Он упирается: “Нас, – говорит, – повесят”. Стал говорить, что будто зашиб рану и завтра идет в лазарет»².

По версии И.С. Лукаша, основными участниками беседы были старший унтер-офицер Т.И. Кирпичников, младший унтер-офицер М.Г. Марков и старший унтер-офицер В.С. Козлов, которые пришли к выводу, что стрелять «позорно и жалко», т.е. приняли решение не стрелять в демонстрантов 26 февраля³. А.Б. Николаев пришел к выводу, что версия, изложенная И.С. Лукашем, была направлена на реабилитацию солдат-волынцев за возможные обвинения относительно расстрела мирных демонстрантов 26 февраля 1917 г., а также иллюстрирование «зрелого и осознанного характера» будущего восстания⁴. На наш взгляд не только версия И.С. Лукаша, но и все рассмотренные нами, выполняли указанные задачи.

Солдаты-волынцы в своем «Очерке» по-иному излагали данные события: «Вернувшись в казармы, солдаты 2-й роты легли спать, а Кирпичников дождался прихода 1-й роты и, встретив взводных 1-й роты, решил с ними поговорить. – Ну, как дела? – спросил один взводный Кирпичникова. – Было дело, – ответил Кирпичников, – а вам, наверное, завтра придется идти; посмотрим, как будете действовать. Всем хотелось спать, и некоторые из начальствующих лиц разошлись по своим койкам. Кирпичников прошел на свое место и стал здесь продолжать разговор с Марковым и Козловым, койки которых находились рядом. Марков и Козлов уговаривали Кирпичникова перейти на сторону народа, он быстро решил это сделать и дал клятву перед иконой, что будет стоять за народ. Вскоре после этого Козлов и Марков заснули»⁵. По версии «Очерка» солдат-волынцев, старший унтер-офицер Т.И. Кирпичников именно под давлением младшего унтер-офицера М.Г. Маркова и старшего унтер-офицера В.С. Козлов

---

¹ Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 74.

² Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 302.

³ Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 6 – 7; его же. Волынцы. С. 6.

⁴ Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 125.

⁵ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 9 – 10.

принял решение «перейти на сторону народа», однако, как отмечал А.Б. Николаев, сущность «перехода» так и осталась нераскрытой¹.

Следует обратить внимание на то, что, согласно большинству источников, именно в ночь с 25 на 26 февраля окончательно сформировалась руководящая группа будущего восстания, т.н. «солдатские командиры» во главе со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым. Проанализировав исследовательскую литературу и источники, А.Б. Николаев приходит к выводу о существовании 49 «солдатских командиров» – возможных руководителей восстания запасного батальона л.-гв. Волынского полка².

Исследователи до сегодняшнего дня не использовали воспоминания рядового учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка Ф.Д. Чипенко, который излагал свою версию событий 25 февраля 1917 г.: «<...> нас повели на Знаменскую площадь, причем взяли мы еще с собой два пулемета. Командовал всей командой подпрапорщик Лукин по распоряжению капитана Ложкевича (штабс-капитана И.С. Лашкевича – Г.С.). Привели нас на площадь рано утром, там еще никого не было, мы даже не все знали, зачем нас привели, расставили нас по дворам, прилегающим к площади, по подвалам, нам ничего не говорят, но мы догадывались, к чему это клонит, на улице было холодно. Часов в девять начали показываться демонстранты, как нам передали наружные дневальные, с плакатами и транспарантами, но нас не выводили, привезли обед, раздали по подвалам, продержали до вечера, а вечером поздно мы вернулись в казармы»³. Воспоминания Ф.Д. Чипенко расширяют наши представления о событиях 25 февраля 1917 г. Во-первых, он единственный кто упоминает пулеметы в этот день. Во-вторых, Ф.Д. Чипенко назвал еще одного командира, руководившего деятельностью 2-й роты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка. В-третьих, в отличие от предыдущего дня, 25 февраля 1917 г. обнаруживается упоминание обеда, качество которого Ф.Д. Чипенко не раскрыл. Вместе с тем И.С. Лукаш давал характеристику солдатского довольствия: «Взводы весь день сидели голодные. Только голый кипятик присылали из полка, зато кипятку сколько угодно: за сутки нагнали кухонь пять!»⁴

В 7 часов утра, по версии солдат-волынцев, изложенных в «Очерке», или 8 часов утра, по версии И.С. Лукаша, 26 февраля 1-я и 2-я роты, т.е. вся учебная команда запасного батальона л.-гв. Волынского полка, построились

¹ Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников. С. 126.

² Там же. С. 120.

³ Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2015. С. 24.

⁴ Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 5; его же. Волынцы. С. 4.

во дворе казарм¹. 1-й ротой командовал штабс-капитан И.С. Лашкевич при взводных офицерах прапорщиках В.К. Воронцове-Вельяминове и Н.Н. Качуре, и, фельдфебеле старшем унтер-офицере Т.И. Кирпичникове². 2-й ротой – штабс-капитан М.М. Переслени при взводных офицерах Колоколове³ и Терещенко, и фельдфебеле старшем унтер-офицере И.И. Зайцеве⁴. Согласно воспоминаниям Ф.Д. Чипенко, присутствовали и другие офицеры, «которые нами командывали»: подпрапорщик Лукин и прапорщик (Н.Н. или В.Н. – Г.С.) Колоколов, а также взводные командиры: старший унтер-офицер Ф.Л. Вербецкий, младший унтер-офицер (И.Ф. или А.Ф. – Г.С.) Дреничев, старший унтер-офицер Ф.М. Конюков и младший унтер-офицер М.Г. Марков⁵. Необходимо отметить, что согласно «Очерку» солдат-волынцев и воспоминаниям Т.И. Кирпичникова, подпрапорщик Лукин не был на Знаменской площади 26 февраля 1917 г., поскольку утром ушел в лазарет⁶.

Примерно до 14 часов дня солдаты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка патрулировали Знаменскую площадь, а также прилегающие улицы, безуспешно пытаясь не допустить скопления демонстрантов⁷. Между 14 и 15 часами дня, по версии солдат-волынцев и И.С. Лукаша, или после 14 часов 30 минут, согласно воспоминания Т.И. Кирпичникова, на Гончарной улице, по приказу прапорщика В.К. Во-

---

¹ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 11; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 8; его же. Волынцы. С. 7.

² Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 11; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 8; его же. Волынцы. С. 7; Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым). С. 3; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 302; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 74.

³ Один из двух братьев Колоколовых – Николай Николаевич или Владимир Николаевич; оба младшие офицеры учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка с 17 декабря 1916 г. (Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2015. С. 323).

⁴ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 11; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 8; его же. Волынцы. С. 7; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 302; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 74.

⁵ Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2015. С. 24.

⁶ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 11; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 74; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 302.

⁷ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 14.

ронцова-Вельяминова и командира запасного батальона л.-гв. Волынского полка полковника В.И. Висковского, а затем и штабс-капитана И.С. Лашкевича, был открыт огонь по демонстрантам¹.

Солдат учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка К.И. Пажетных вспоминал², что приказ открыть огонь по демонстрантам был дан в 12 часов дня, кроме того, он утверждал об использовании офицерами пулемета³. Об использовании пулеметов также писал И.С. Лукаш⁴. Необходимо обратить внимание на показания солдат пулеметной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка⁵ в ходе «дознания о действиях офицеров запасного батальона л.-гв. Волынского полка, принимавших участие в подавлении революционного восстания», которые утверждали, что «штабс-капитан барон Тизенгаузен, командуя 2-й пулеметной командой, <...> около 2 часов дня, приказывал людям стрелять в толпу, однако от этой стрельбы убитых не было. Позднее сам <...> выхватил винтовку у одного из солдат учебной команды и, <...> стал стрелять и ранил барышню, стоявшую на Гончарной улице»⁶. Показания солдат-волынцев позволяют определить время открытия огня по демонстрантам.

Около 14 часов 30 мин. на Знаменской площади, под командой штабс-капитана И.С. Лашкевича, дозор разгонял демонстрантов⁷. Около

---

¹ Там же. С. 15 – 16; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 10; его же. Волынцы. С. 9; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 304.

² Впервые воспоминания К.И. Пажетных были приведены в первом томе «Истории гражданской войны в СССР» (История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. I. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.). М., 1937. С. 66 – 67).

³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 578. Л. 1.

⁴ Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 9; его же. Волынцы. С. 8.

⁵ Показания дали ефрейтор Алексей Талапин, рядовые Леонард Цишевский, Степан Прокуренко, Иван Верейский, Зиновий Барабанов, Степан Барышников, Тихон Лихачев (Дознание о действиях офицеров [запасного батальона л.-гв. – Г.С.] Волынского полка, принимавших участие в подавлении революционного восстания // Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. М., 1957. С. 39; Дознание о действиях офицеров [запасного батальона л.-гв. – Г.С.] Волынского полка, принимавших участие в подавлении революционного восстания // 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 54).

⁶ Дознание о действиях офицеров [запасного батальона л.-гв. – Г.С.] Волынского полка, принимавших участие в подавлении революционного восстания // Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. С. 39; Дознание о действиях офицеров [запасного батальона л.-гв. – Г.С.] Волынского полка, принимавших участие в подавлении революционного восстания // 1917. Разложение армии. С. 53.

⁷ Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 303.

18 часов на Орловском переулке, по приказу штабс-капитана И.С. Лашкевича, был открыт огонь по демонстрантам¹.

Согласно донесению начальника Петроградского охранного отделения в Министерство внутренних дел о событиях в столице 26 февраля 1917 г., «в 4 1/2 часа <...> на Знаменской площади чинами полиции подбрано около 40 убитых и приблизительно столько же раненых. <...>. В 5 часов дня на углу 1-й Рождественской улицы и Суворовского проспекта произведенным войсками по собравшейся толпе залпом 10 человек было убито и несколько человек ранено <...>»². Таким образом, руководствуясь официальными сведениями, можно сделать вывод, что действия учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка привели к смерти около 50 человек и ранению столько же.

Согласно воспоминаниям Т.И. Кирпичникова, солдаты 1-й роты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка «<...> пробыли на улице до 11 часов ночи, и только около полуночи команда шт[абс]-кап[итана] Лашкевича вернулась обратно в казармы»³. Это подтверждают и записи Н. Пенчковского⁴. Вместе с тем уже в других своих воспоминаниях Т.И. Кирпичников говорил, что около 12 часов ночи солдаты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка получили приказ возвращаться в казармы⁵. И.С. Лукаш называл более позднее время этого приказа – около 1 часа ночи⁶. Версию И.С. Лукаша в своих воспоминаниях подтверждает К.И. Пажетных⁷.

Ночью в казармах состоялось собрание «солдатских командиров», по итогам которого было принято решение поднять военное восстание и перейти на сторону народа⁸. Для реализации данного плана предполагалось

---

¹ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 17 – 18.

² Донесение начальника Петроградского охранного отделения в Министерство внутренних дел о событиях в столице. С. 60.

³ Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым). С. 3.

⁴ Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 75.

⁵ Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 305 – 306.

⁶ Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 11; его же. Волынцы. С. 10.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 578. Л. 2.

⁸ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 19 – 20; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 12 – 14; его же. Волынцы. С. 11 – 14; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма: воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.). С. 306 – 308; Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего

выполнять ряд действий: каптенармус старший унтер-офицер П.В. Носков был отправлен в 4 роту запасного батальона л.-гв. Волынского полка, чтобы выяснить настроение солдат, а также обсудить с ними возможность восстания; инструктор младший унтер-офицер Дреничев (И.Ф. или А.Ф. – Г.С.) должен был утром взять в батальонном цейхгаузе дополнительное количество патронов, свыше предписанных; взводные и отделенные командиры должны были утром проинструктировать солдат учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка о подготовке к восстанию¹.

Следует отметить противоречивость в решении вопроса, связанного с участием офицеров. Солдаты-волынцы в «Очерке» писали, что «сначала решили было атаковать этой же ночью здание батальонной канцелярии <...>, но потом это оставили и решили никого не трогать»². Т.И. Кирпичников в своих воспоминаниях утверждал, что «штабс-капитана Лашкевича было решено убить»³. Версию Т.И. Кирпичникова подтверждал К.И. Пажетных⁴. К тому же он указывал, что помимо И.С. Лашкевича было принято решение «ликвидировать <...> полковника [В.И.] Висковского и прапорщика [В.К.] Воронцова-Вельяминова»⁵. Здесь же К.И. Пажетных называет и тех, кто должен был устранить указанных офицеров: «ликвидацию командного состава поручили мл[адшему] унт[ер]-оф[ицеру] [М.Г.] Маркову и [ефрейтору Я.К.] Орлову»⁶.

Кроме того, отдельного внимания заслуживают оборонительный и наступательный планы действий на тот случай, если учебную команду не поддержат остальные солдаты запасного батальона л.-гв. Волынского полка. Оборонительный план можно обнаружить в воспоминаниях Т.И. Кирпичникова: «<...> в случае, если к основной [учебной] команде никто не будет присоединяться, то против каждого окна станет по одному отделению по 10 человек. Один пулемет должен стоять против оружейной ма-

---

свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым). С. 3; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 75.

¹ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 19 – 20; Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 14; его же. Волынцы. С. 14; Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 308; Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым). С. 3; Пенчковский Н. Как восстали волынцы. С. 75.

² Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 20.

³ Б.Ц. Рассказ первого солдата, завоевавшего свободу (беседа со старшим унтер-офицером Т.И. Кирпичниковым). С. 3.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 578. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

стерской, выходящей на Грачевскую и Госпитальную [улицы]. Один пулемет поставить внутри на лестнице, против прохода в дверь, которая со двора ведет в учебную команду»¹. Наступательный план сообщали солдаты-волынцы: «<...> если другие роты батальона придут усмирять учебную команду, <...>, а если это не удастся, то имея у себя пулемет, надо постараться пробиться и уйти в соседние батальоны и постараться привлечь их на сторону народа»².

На наш взгляд, малоизученным остается вопрос о причинах перехода учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка на сторону революции. Ряд исследователей, в качестве причины восстания, называет нежелание участвовать в расстреле демонстрантов³.

В первую очередь необходимо исключить фактор влияния большевистской пропаганды, т.к. каких-либо подтверждений этому обнаружить не удается.

Петроградский пролетариат не мог оказывать сколько-нибудь существенного влияние на учебную команду запасного батальона л.-гв. Волынского полка в виду их территориального отдаления от рабочих районов. При этом нельзя полностью исключить факт сношения солдат учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка с революционно настроенным населением Петрограда и пролетариатом. Унтер-офицер учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка П.Т. Потапенко вспоминал: «<...> нас совершенно не пускали в город, не давали читать газеты и книги, мы были изолированы от рабочих масс каменной стеной. Единственным средством связи с рабочими было то, что, когда нас выпускали на перемену во двор, мы бросали снежки в проходящих по улице рабочих через забор, они отвечали нам тем же. В снежках мы завертывали заранее подготовленные бумажки с вопросами, они нам бросали ответы, иногда листовки, в которых призывали нас поддержать рабочих в борьбе»⁴.

Кроме того, разложение запасного батальона л.-гв. Волынского полка происходило не только в учебной команде. В своих воспоминаниях капитанармус пулеметной команды С.А. Желтышев писал, что «в городе я встречался с революционно-настроенными рабочими, от которых получал прокламации и от которых я узнал, что царская армия терпит неудачи на

¹ Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 307 – 308.

² Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 20.

³ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 185; Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Изд. второе. М., 1977. Т. 1. С. 460; Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984. С.139; Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября / под ред. И.И. Минца. Л., 1985. С. 45.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5-1. Д. 1406. ЛЛ. 3 – 4.

фронтах. <...>. В листовках, которые я приносил солдатам, писалось, что выход из невыносимого положения только один – свержение самодержавия. Большинство солдат убеждалось в этом и требовало свержения самодержавия. Недовольство царским военным режимом, его вдохновителями и строгими офицерами все больше нарастало. Все мы ждали благоприятного случая, чтобы сбросить этот режим с себя»¹. Учитывая тот факт, что учебная команда иногда действовала совместно с пулеметной командой, можно предположить, что революционные настроения последней могли передаваться и учебной команде.

Формирование революционных взглядов и идей среди нижних чинов через личную переписку также следует отвергнуть в виду того, что ротные командиры вели цензуру писем, кроме того, каждое письмо должно было пройти через начальника команды, что также минимизировало возможность получения революционной почты².

Вместе с тем разложение учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка могло происходить за счет пропаганды, а также различного рода рассказов о войне. Речь идет главным образом об «эвакуированных» солдатах, которые обычно размещались в 4-й роте запасных батальонов. Не удивительно, что в ходе подготовки выступления именно к «эвакуированным» был направлен каптенармус старший унтер-офицер П.В. Носков. Это объясняется, во-первых, тем, что группа эвакуированных находилось на одном дворе с учебной командой; во-вторых, как отмечает Тарасов К.А., эвакуированные были «наиболее активной группой военнослужащих запасных частей <...> именно эта категория солдат проявила наибольшую активность в дни революции»³.

Неуставное насилие со стороны офицеров, а также постоянная муштра, которая была неразрывно связана с рукоприкладством, могли послужить не только средством обострения антиофицерских настроений, но и одной из причин выступления учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка. П.Т. Потапенко в своих воспоминаниях писал, что «мордобойство начальствующего состава было системой»⁴. Каптенармус пулеметной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка вспоминал, что «дисциплина была в полку строгая и носила палочный характер»⁵.

---

¹ Там же. Д. 1704. Л. 2, ЛЛ. 18 – 19.

² Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб., 2017. С. 24.

³ Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 20; Тарасов К.А. Указ. соч. С. 22.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5-1. Д. 1406. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 1704. Л. 1, ЛЛ. 17 – 18.

Неудовлетворенность довольствием могла послужить еще одной причиной для солдатского выступления. 25 февраля, согласно записям И.С. Лукаша, 2-я рота учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка вернулась голодной¹. Солдаты-волынцы сообщали, что вечером 26 февраля «подъехал наш волынский конюх, развозивший ужин солдатам»². Однако содержание и качество этого ужина остались нераскрытыми в «Очерке». Дополнительную информацию можно обнаружить у И.С. Лукаша: «вечером [26 февраля 1917 г.] на Знаменскую [площадь] прислали из полка, как и вчера, пять кухонь голого кипятку»³. Т.И. Кирпичников в своих воспоминаниях подтверждал это: «<...> сегодня люди не обедали, не ужинали, чаю не пили»⁴. Кроме того, в воспоминаниях других лиц можно обнаружить факт скверного довольствия солдат. Бывший фельдшер запасного батальона л.-гв. Волынского полка Б. Зюлковский вспоминал, что «<...> от долгого времени солдаты бунтовались, а то с нехорошего обеда, который был варен и соленой рыбы воблы, а то с хлеба, в котором были остатки ячменя»⁵. П.Т. Потапенко писал: «<...> нас кормили супом с гнилой рыбой и грибами»⁶.

Рассматривая причины выступления учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка нельзя исключать психологический фактор, который объясняется главным образом событиями 26 февраля 1917 г. Не смотря на жесткую дисциплину, чинопочитание, а также приказы командующих, 1-я рота учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка фактически была повинна в убийстве приблизительно 50 человек, а также ранении стольких же. В исторической перспективе солдаты предприняли попытку смыть позорное пятно, обвинив в убийстве офицеров, однако, следует понимать, что нижние чины так же, как и офицеры принимали участие в стрельбе по демонстрантам. Кроме того, нужно понимать, что остальные солдаты запасного батальона л.-гв. Волынского полка, оставшаяся в стороне от расстрела манифестантов, а также население Петрограда воспринимало учебную команду как убийц. Здесь же следует отметить, что отсутствие питания 26 февраля 1917 г. можно объяснить не только продовольственной ситуацией в Петрограде, но и актом

---

¹ Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 6; его же. Волынцы. С. 6.

² Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. С. 19.

³ Лукаш И.С. Восстание в Волынском полку. Рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. С. 10; его же. Волынцы. С. 9.

⁴ Кирпичников Т.И. Восстание л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 306.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 282. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 1706. Л. 5.

«наказания», со стороны командиров учебной команды за попытку отдельных лиц нарушить приказ и стрелять в воздух.

Таким образом, резюмирую все вышесказанное можно утверждать, что причиной выступления учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка стало ухудшение качество довольствия, а также социальная напряженность, вызванная «палочной дисциплиной», вестями из города и с фронта. Стрельба по демонстрантам и внутреннее давление солдатской среды лишь усилило накопившееся недовольство и спровоцировало «солдатских командиров» к поднятию восстания.

ФЕВРАЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «РУССКОЕ ЗНАМЯ»

СТОГОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории культуры, государства и права Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Предпринимая изучение революционных событий февраля 1917 года, мы не можем не обратиться к периодической печати того времени, в том числе правоконсервативной. Представляется актуальной проблема отношения правой прессы к Февральской революции 1917 г., ее реакция на революционные беспорядки.

Стоит напомнить, что подавляющее большинство правых периодических изданий в февральско-мартовские дни 1917 г. было закрыто победившей революционной властью. Среди них – «Русское знамя», «Земщина», «Гроза» (издание «Грозы», правда, вскоре, с 26 марта 1917 г., возобновилось¹), «Колокол» и др. Ряд независимых правых периодических изданий («Новое время»², «Московские ведомости» и др.) продолжал выходить и впоследствии, вплоть до Октябрьской революции; впрочем, их оставалось весьма немного³.

---

¹ Стогов Д.И. Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2012. С. 73 – 82.

² Стогов Д.И. Газета «Новое время» в февральские дни 1917 г. // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, Л.Г. Рогушина. СПб., 2019. С. 196 – 207.

³ Стогов Д.И. Правоконсервативная печать и события июля-октября 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2010. С. 109 – 118.

Ведущим печатным органом крупнейшей черносотенной организации – «Союза русского народа» (СРН; с 1912 г., после раскола Союза – «Всероссийского Дубровинского Союза русского народа», ВДСРН) с ноября 1905 г. являлась газета «Русское знамя»¹, которая издавала в Санкт-Петербурге (с 1914 г. в Петрограде). Издателем газеты являлся основатель и первый председатель СРН (впоследствии ВДСРН) доктор А.И. Дубровин. Вплоть до февраля 1917 г. газета оставалась печатным органом ВДСРН, являлась его «Вестником», выходила ежедневно на двух полосах.

Специальные работы, посвященные редакционной политике газеты «Русское знамя» в февральские дни 1917 г., в настоящее время отсутствуют. Вместе с тем, данная проблема представляется весьма актуальной, поскольку в условиях революционного кризиса правые через свое ведущее периодическое издание, как можно было бы предполагать, могли предложить свои пути и возможности выхода из сложившейся ситуации, наметить пути к координации своей деятельности в кризисных условиях.

За период с 23 февраля 1917 г. (начало массовых беспорядков в Петрограде) по 27 февраля того же года (когда газета перестала выходить и больше уже никогда не выходила) вышло в свет всего четыре номера издания. Проанализируем их содержание.

23 февраля 1917 г. в рубрике «По Петрограду» газета повествовала о том, как император Николай II на днях вручил великому князю Борису Владимировичу эмблему атаманской власти – пернач; о том, что принц П.А. Ольденбургский получил звание почетного казака Барятинской станции Терского казачьего войска; о том, что обер-прокурор Святейшего Синода П.Н. Раев предложил законопроект о реформе бракоразводного процесса; о работе комиссий Государственного совета в Мариинском дворце².

Кроме того, в этом же номере содержится весьма обстоятельная заметка, посвященная положению в Петрограде с продовольствием. В ней, в частности, сообщалось, что на члена Совета министра земледелия, действительного статского советника В.К. Вейса были возложены обязанности уполномоченного председателя Особого продовольственного совещания по Петрограду. При этом на основании высочайшего повеления от 9 февраля 1917 г. Управлению петроградского градоначальника и всем его членам было предложено оказывать Вейсу «полное содействие, исполняя все его по продовольственному делу распоряжения и поручения»³.

---

¹ Стогов Д.И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. «История». 2011. № 1. С. 84 – 85.

² По Петрограду // Русское знамя. 1917. 23 февраля.

³ Там же.

На следующий день, в пятницу 24 февраля 1917 г., когда, казалось бы, уже были широко известны подробности прошедших накануне в столице массовых стачек и демонстраций, «Русское знамя» вообще о них не упомянуло ни слова. Воспроизводя телеграфные сообщения, издание повествует о том, как 22 февраля в Царское Село выехал министр императорского двора генерал-адъютант В.Б. Фредерикс, помощник министра императорского двора граф М.Е. Нирод, генерал-адъютант К.К. Максимович, генерал-адъютант А.А. фон Гринвальд, граф П.Н. Апраксин, петроградский губернатор церемониймейстер А.П. Сабуров¹. Также сообщалось о том, что граф В.А. Бобринский подал прошение с отказом от звания старшего товарища председателя Государственной думы в связи с болезнью, которая потребовала отдыха «на сравнительно продолжительный срок»².

В этом же номере была опубликована статья автора, скрывшегося под псевдонимом «Люциллий», под названием «Мрачные предчувствия». В ней процитировано письмо некоего читателя, который утверждает, что не разделяет утверждения о том, что «дни четвертого созыва Государственной думы сочтены». Свою позицию он аргументировал следующим образом: «Высказывающие его (Выше упомянутое утверждение. – Д.С.), по-моему, ошибочно убеждены в том, что польза государства у нас решает направление политики и государственной деятельности. На самом деле у нас польза государства рассматривается как некие досадные требования, как зло, которого надлежит по возможности избегать»³.

Исходя из этих соображений, автор письма утверждал, что, вероятно, Государственная дума «не только “проработает” до конца своих полномочий, но и удостоится продления полномочий». «Только бы она не слишком зарывалась, не слишком громко шумела бы», – говорилось в письме. И далее его автор писал: «Зарываться ей дальше некуда, ибо предъявленные ею политические требования составляют предел вожделений желтого блока. Что же касается шума, то по взаимному соглашению возможно усиливать такую звучность шума, которая достаточно удовлетворяла бы задаче революционирования населения (на предмет учинения революции по окончании войны) и в то же время позволяли бы официально докладывать: “С Думой все обстоит благополучно” и присовокуплять: “Она ведет себя скромнее, чем можно было ожидать”. Думой дорожат не вследствие единомыслия с революционными требованиями желтого блока, а потому, что она снимает с бюрократии значительную долю ответственности за неделание и неспособность»⁴.

¹ Выезд сановников / По Петрограду // Русское знамя. 1917. 24 февраля.

² В Государственной думе / По Петрограду // Там же.

³ Люциллий. Мрачные предчувствия // Там же.

⁴ Там же.

Автор послания полагал, что «распустить Думу, значит, взять на себя всю ответственность и нажать в лице озлобленных желтых кругов крайне придиричивого критика». «Подкупать эти круги продлением полномочий Думы очень выгодно, ибо дело послевоенного возрождения потребует гораздо больших знаний, умений, энергии, самоотвержения и мужества, чем требует военное время. Новый состав Думы предъявит повышенную требовательность, а старый, будучи сам виновен в разрухе, не посмеет. Поладив с ним, не трудно будет усыпить общественную тревогу. Дело окончится тем, что вместо возрождения Россия неудержимо понесется к развалу, — но он произойдет еще не завтра, и потому не стоит смущаться мрачным предчувствием»¹, — говорилось в письме.

В свою очередь, публикатор письма Люциллий, полностью процитировав его, делая вывод, пишет, что не берется сказать точно, прав ли автор письма в своем пессимизме, а просто «отдает его мысли на суд публики»².

Стоит заметить, что всего лишь через несколько дней самодержавие в России будет навсегда уничтожено, и ни о каком роспуске Думы царем либо о продлении ее полномочий речи уже не могло идти. 6 октября 1917 г. нижняя палата российского парламента была официально распущена указом Временного правительства в связи с назначением выборов в Учредительное собрание³.

В очередном номере «Русского знамени» от 25 февраля 1917 г. опубликована заметка, посвященная продовольственной ситуации в Петрограде. Лейтмотивом этой публикации является утверждение о том, что якобы хлеба в столице вполне достаточно, и введение карточной системы в городе абсолютно не нужно. Анонимный автор заметки пишет о «праздных разглагольствованиях» в Петроградской городской думе по поводу введения карточек, о «нелепых слухах» по поводу нехватки хлеба в столице, о «вздорности» этих слухов, о том, что не следует создавать панику и запасаться хлебом «заблаговременно, заготовляя в виде сухарей»⁴. В заметке содержится утверждение о «совершенно не своевременной» карточной системе, при этом ее автор ссылается на телеграмму уполномоченного по продовольствию Петрограда В.К. Вейса. Автор публикации полагает: «Возможно, что карточная система окажется совсем ненужной». Он считает, что в «хлебном кризисе» виноваты, прежде всего, те «более ловкие покупатели», которые скупают слишком много хлеба впрок и которые тем самым «поставили в затруднительное положение соседей». Причиной та-

¹ Там же.

² Там же.

³ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917 гг.: историко-правовой очерк. Челябинск, 2010. С. 592.

⁴ Петроград, 25 февраля 1917 г. // Русское знамя. 1917. 25 февраля.

кого положения вещей, по мнению автора, являются распространяющиеся сознательно слухи о нехватке хлеба.

В заметке делался следующий вывод: «Лучшим успокоителем в данном случае должно быть хладнокровное отношение к делу, но в наш нервный век это золотое качество доступно не всем. Поэтому обращаем внимание наиболее обиженных обстоятельствами столичных хозяек, что в значительной степени в их неудачах по части добывания хлеба в лавках и стоянии в хвостах являются частью они же сами и в значительно большей степени их неугомонные соседи, мобилизующие для стояния в хвостах все семейство, лишь побольше захватить бы хлеба. А когда его выпекается ровно столько, сколько надо, тогда каждый излишне захваченный кусок излишне себялюбивым семейством является отнятым от соседа, остающегося без хлеба»¹.

Автор публикации полагал, что создающиеся «лавочные хвосты» и наблюдающееся «кажущееся отсутствие в лавках достаточного количества хлеба» объясняются, прежде всего, искусственно создаваемой паникой. «А к себе каждый должен относиться построже и твердо помнить, что не патриотично и бесчеловечно вырывать корку хлеба у ближнего. Хлеба-то хватит, хватило бы здравого рассудка и спокойного отношения до конца полной победы!» – заключал автор заметки².

Стоит отметить, что аналогичной точки зрения на причины продовольственного кризиса в Петрограде придерживался начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев, который в позднейших воспоминаниях утверждал: «Запас муки для продовольствия Петрограда был достаточный, и кроме того ежедневно в Петроград доставлялось достаточное количество вагонов с мукой. Таким образом, слухи о надвигающемся голоде и отсутствии хлеба были провокационными – с целью вызвать крупные волнения и беспорядки, что в действительности и удалось»³. Впрочем, по утверждению исследователей, на самом деле ситуация с недополучением хлеба в Петрограде оставалась весьма напряженной. Так, в период с декабря 1916 г. по апрель 1917 г. Петербургский и Московский районы Петрограда недополучили 71 процент от планового количества хлеба, при этом такая ситуация объяснялась на 80 процентов отсутствием груза, а на 10 процентов – неподачей вагонов⁴.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Глобачев К.И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 119.

⁴ См.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 173; Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://book.uraic.ru/elib/authors/nefedov/Science/Russia/Mono/G154.htm>.

В том же номере «Русское знамя» напечатало заметку под названием «Разъяснение о хлебе», в которой утверждалось, что «при осмотре целого ряда булочных и пекарен на Выборгской стороне оказалось, что выпечка хлеба в них производится нормально, и недостатка в запасах муки нет», и что с 1-го февраля «ежедневный отпуск ржаной муки не сокращался», а «подвоз муки в Петроград в последние дни увеличился и продолжается»¹. При этом действия городского самоуправления, которое намеревалось ввести на хлеб карточную систему и ограничить дневную норму на человека в 1 фунт, подвергались резкой критике. И вновь газета ссылаясь на слова В.К. Вейса: «О таком важном общественном мероприятии, если верить газетам, уполномоченный по продовольствию Петрограда осведомлен только по слухам, тогда как введение подобной меры по существующему положению возможно только с его ведома и согласия. Между тем, он категорически заявляет: я не согласен с намеченным городским управлением проектом хлебной карточки и не намерен пока вводить карточную систему на хлеб»².

Так или иначе, судя по содержанию газеты «Русское знамя», ее редакция, во-первых, полностью поддерживала правительственную политику в области продовольствия, а, во-вторых, недооценивала критичность сложившейся ситуации. О последнем обстоятельстве свидетельствует еще одна заметка, опубликованная в газете, под названием «Уличная гнусность». В тот день (25 февраля), когда на улицах Петрограда бушевали многотысячные митинги с лозунгами «Долой царя!», «Да здравствует республика» и им подобные, когда произошли столкновения демонстрантов с полицейскими и казаками³, «Русское знамя» выражало озабоченность тем фактом, что ломовые извозчики на улицах столицы широко практиковали применение нецензурной брани. Автор статьи, скрывшийся под псевдонимом «В.Ю.», возмущался, что «отвратительная, гнуснейшая ругань приобрела на наших улицах прямо какое-то право гражданства», что ломовые извозчики «упражняются <...> в своей “словесности” зачастую под самым носом городских, которые сами делают вид, что ничего не слышат, или же, в очень редких случаях, ограничиваются лишь легким замечанием сквернослову»⁴.

---

¹ Разъяснение о хлебе / По Петрограду // Русское знамя. 1917. 25 февраля.

² Там же.

³ См. отражение этих событий в новейшей историографии: Румянцев А.Г. События 25 февраля 1917 года на Литейном мосту // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2016. С. 14 – 20; Лукоянов И.В. Революция 1917 года: что это было // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. / отв. редактор проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб., 2017. С. 279.

⁴ В.Ю. Уличная гнусность // Русское знамя. 1917. 25 февраля.

«Разумеется – возмущался В.Ю., – у ломовых непечатная ругань вошла в привычку, и они ничего зазорного в ней не видят, но выслушивать мерзейшие выражения проходим, в особенности дамам и барышням, нет решительно никакой надобности».

Автор публикации утверждал, что «нигде в мире, кроме России», невозможно услышать «таких отвратительных, уличных слов». «Стыд и срам перед представителями наших союзников, знающими русский язык!» – резюмировал В.Ю.¹ и призвал власти принять «не бумажные, а действительные меры» против непристойной распущенности и «обязать городских не относиться безучастно к подлейшему уличному сквернословью»².

На следующий день, 26 февраля, уже практически в самый разгар революции, в «Русском знамени» снова была опубликована небольшая заметка, посвященная продовольственному вопросу, которому, как справедливо утверждало издание, «до самого окончания войны и заключения победного мира <...> так и суждено остаться центром влияния и непрестанной заботы всей страны»³. Комментируя сообщение о том, что при министре земледелия создаются особые совещания, которые «будут носить триединый характер – административный, общественно-земский и военный, что дает им возможность всесторонне ориентироваться», издание утверждает: «То, что делает сейчас министр земледелия и о чем шумят темные силы в Таврическом дворце, это только продолжение *очередного* звена грозной цепи войны. Благополучно покончить с этим звеном – на очереди встанет следующее, вокруг которого снова начнут разгораться страсти, поднимется шум, а там с помощью добрых людей все устроится к общему благополучию, и Россия возьмется за продолжение последующего звена». Отмечалось, что особые совещания призваны распределить военные команды, инородцев и военнопленных между отдельными хозяйствами и районами; разделить все вопросы «относительно реквизиции рабочего населения, лошадей и сельского инвентаря», а также передвинуть рабочие команды «в места наибольшей необходимости» и решить все вопросы «о трудящихся данного района или губернии»⁴. Как мы видим, снова налицо недооценка редакцией «Русского знамени» критичности ситуации в Петрограде, да и в стране в целом.

В том же номере, в статье под названием «Удачная мысль» некто Ал. Б.⁵ предложил превратить Дворцовый мост в Петрограде в памятник

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Воскресенье, 26 февраля // Русское знамя. 1917. 26 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Вероятно, Белов Алексей Михайлович или Будищев Алексей Николаевич. См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 72.

Мировой войны, ссылаясь при этом на мнение группы столичных архитекторов. Автор заметки утверждает, что необходимо «придать этому национальному памятнику войны, в виду его непосредственной близости к Адмиралтейству, и, как моста, по самому своему смыслу, характер военноморского памятника, что было бы для нашей столицы патриотично, оригинально и ново»¹.

И, наконец, на второй полосе газеты содержится заметка, посвященная экстренному совещанию по положению с продовольствием в Петрограде, которое состоялось 24 февраля в Мариинском дворце под председательством главы Совета министров князя Н.Д. Голицына. В совещании также приняли участие ряд министров, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов и председатель Государственной думы М.В. Родзянко. И вновь, как и в предыдущих публикациях, газета успокаивала читателя: «При обсуждении вопроса о положении продовольственного дела в Петрограде выяснилось, что в столице имеются достаточные запасы ржаной и пшеничной муки, в количестве свыше 460 тыс. пудов, и поэтому Петроград в настоящий момент достаточно обеспечен хлебом»².

Это был последний номер газеты «Русское знамя». Больше она уже никогда не выходила, редакция издания была разгромлена³. Одновременно почил в Бозе и «Всероссийский Дубровинский союз русского народа», и другие многочисленные монархические и патриотические организации Царской России, да и сама Царская Россия. Делая вывод, отметим, что, во-первых, редакция черносотенного издания явно недооценивала опасность начавшейся революции, а, во-вторых, полагала, что правительственные структуры сделали и делают все возможное, дабы ее избежать. Полная политическая слепота была характерна не только для редакции «Русского знамени», но и вообще для правого политического спектра в целом. Приведем для наглядности хотя бы один пример. Начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор А.И. Спиридович в мемуарах описал состоявшийся 24 февраля 1917 г., то есть практически в эти же дни, «званный обед» на квартире организатора одного из правомонархических кружков, шталмейстера Н.Ф. Бурдукова, в котором наряду с прочими приняли участие министр внутренних дел А.Д. Протопопов, член Государственного совета Н.А. Маклаков, командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа флигель-адъютант Н.П. Саблин и др. Гости не верили в успех начавшихся волнений в столице и, собравшись за общим столом, потребляли изыскан-

¹ Ал. Б. Удачная мысль // Русское знамя. 1917. 26 февраля.

² Экстренное совещание / По Петрограду // Там же.

³ Степанов А. Русское знамя // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов, отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 465.

ные вина, вкушали яства, курили сигары, веселились¹. Через несколько дней Бурдуков, Протопопов и Маклаков будут арестованы новой революционной властью и окажутся под следствием.

**«ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ САМОДЕРЖАВИЯ» – ДОКУМЕНТЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА С.-ПЕТЕРБУРГА ПО ДЕЛУ О ПРИМЕНЕНИИ
ПУЛЕМЕТОВ В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В
АДМИРАЛТЕЙСКОЙ ЧАСТИ ПЕТРОГРАДА**

РУМЯНЦЕВ АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

кандидат исторических наук, главный архивист
ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: rummyantzev@mail.ru

Одним из исторических мифов о Февральской революции в Петрограде является тезис о ее мирном, «бескровном» характере, несмотря на участие в ней десятков тысяч людей². Впервые подобное суждение высказал еще в 1917 г. тогдашний министр юстиции А.Ф. Керенский³. Впоследствии историк и политический деятель С.П. Мельгунов указал, что Февральская революция была «бескровной», а отдельные случаи насилия не могли «свидетельствовать о специфической атмосфере убийств, которая создалась в первые дни революции»⁴. Действительно, последовавшая затем Гражданская война затмила собой все жертвы Февральской революции в Петрограде, число которых по оценкам исследователей колеблется от 1300 до 1600 чел.⁵

¹ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914 – 1917). Минск, 2004. С. 513 – 514.

² Николаев А.Б. Кровавый Февраль 1917 года в Петрограде: против мифов революции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 4. С. 60 – 74.

³ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 509; его же. Александр Федорович Керенский в 1917 году: краткая биография политика // А.Ф. Керенский в 1917 году: pro et contra. Антология / Сост., вступит. статья, коммент. А.Б. Николаева. СПб., 2016. С. 57.

⁴ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 97.

⁵ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни февральской буржуазно-демократической революции 1917 года // Академик Волобуев П.В. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 75 – 76; Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврале-марте 1917 года // Из глубины времен. Альманах. СПб., 2000. Вып. 12. С. 25 – 31; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте // Мартынов Е.И. Политика и стратегия / Ред. совет серии: С.В. Степашин (пред.) и др. М.,

Не вдаваясь в дискуссию о том, велики или нет, были жертвы «бескровной» революции, и насколько они занижены¹, отметим, что характерной чертой Февральской революции стала ликвидация прежних органов правопорядка. Подобные действия восставших сопровождались разгромом полицейских участков, сожжением архивов, а также убийствами городских, жандармов и агентов сыска². Такие акции превратились в своеобразную «охоту», когда толпа вылавливала полицейских чинов и расправлялась с ними³.

Подобные действия толпы, в частности, стали следствием того, что столица в февральские дни 1917 года была переполнена слухами об использовании полицией пулеметов⁴. Людская молва приписывала подобную инициативу министру внутренних дел А.Д. Протопопову⁵. Например, командир эскадрона 6-го кавалерийского запасного полка Г.А. Римский-Корсаков вспоминал, что на его вопрос о возможной революции гостивший у них в доме в начале февраля 1917 г. бывший директор Департамента полиции Министерства внутренних дел С.П. Белецкий заявил, «что ему это известно, и что правительство приняло меры против возможных беспорядков, увеличив состав городской полиции на сто полицейских и им дали пулеметы». С.П. Белецкому вторил дядя автора воспоминаний, член Государственного совета, один из руководителей Главного совета Союза русского народа А.А. Римский-Корсаков, заявивший своему племяннику, что восстание будет подавлено пулеметной стрельбой с крыш домов и колоколен заранее обучен-

---

2003. С. 222; Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. СПб., 2007. С. 33.

¹ См.: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 72, 469 – 470; его же. Кровавый Февраль 1917 года в Петрограде: против мифов революции. С. 71 – 72; Мельников А.В. К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. / Отв. сост. А.Б. Николаев. СПб., 2007. С. 43 – 58.

² Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 75; Николаев А.Б. Революция и власть. С. 466; его же. Кровавый Февраль 1917 года в Петрограде: против мифов революции. С. 60 – 74.

³ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68; Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дис. ... к. ист. н. М., 2002. С. 39.

⁴ См., напр.: Шляпников А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн. 1 – 2. С. 70 – 71; Философов Д.В. Дневник (17 января – 30 марта 1917 г.) // Звезда. 1992. № 1. С. 200; Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 290.

⁵ Руднев В.М. Правда о русской царской семье и темных силах // Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 156 – 157; ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 137 – 138; Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы Войны и Революции, 1914 – 1918. М., 2020. С. 811, 817 – 818.

ными полицейскими¹. По-видимому, таким образом общественное сознание жителей столицы препарировало дошедшее по слухам предложение, выдвинутое в ноябре 1916 г. товарищем министра внутренних дел, генерал-лейтенантом П.Г. Курловым о вооружении петроградской полиции пулеметами. Среди горожан распространялись слухи о том, что ночью 11 февраля 1917 г. полицейские резервные части расставили привезенные из Ораниенбаума пулеметы 1-го пулеметного полка на крышах и чердаках по заранее подготовленному плану, но обращаться с пулеметами не умели². Впрочем, одними обвинениями полицейских в стрельбе из пулеметов столичное общество не ограничивалось, распространяя их на всех сторонников «старого режима». Любопытным в этой связи являются дневниковые записи баронессы Е.П. Мейендорф от 8 февраля 1917 г., которая сообщала, что для предотвращения массовых выступлений в канун открытия очередной сессии Государственной думы 14 февраля 1917 г. вместо вызова с фронта гвардии в Петроград прислали казачьи части «и вооружили их выведенными из употребления пулеметами»³. Страх обывателей перед возможной расправой сопровождался обычным в таких случаях бахвальством: чуть позднее, 11 февраля 1917 г. в своем дневника баронесса Е.П. Мейендорф сообщала, что по слухам, на фабриках и заводах столицы «пулеметов не боятся, потому что у самих таковые заготовлены»⁴.

Несмотря на то, что отечественная историография, в целом, отрицает использование пулеметов полицией⁵, вопрос остается нерешенным и по сей день⁶. В 1917 году он попал в поле зрения Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). Учрежденная 4 марта 1917 г. по

---

¹ «В Петрограде революция! Поздравляю, господа»: из воспоминаний Г.А. Римского-Корсакова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / Авт.-сост. Н.В. Суржикова и др. М., 2015. С. 115 – 116.

² Перевалов П. Народ и армия в борьбе за свободу. Очерк государственного переворота 27 февраля 1917 года. Пг., 1917. С. 5.

³ «Министры ушли в отставку – сукины дети!»: из дневника Елены Павловны Мейендорф // Россия 1917 года в эго-документах: дневники / Авт.-сост. Н.В. Суржикова и др. М., 2017. С. 42.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде. С. 76; Булдаков В.П. Февраль наоборот // Новая газета. 2012. 29 февраля; Старков Б.А. Февральский излом 1917 года // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 4. С. 38. См. противоположную точку зрения об использовании пулеметов столичной полицией: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 106; Черняев В.Ю. Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 260 – 275.

⁶ См. подробн.: Лукоянов И.В. Пулеметы на улицах Петрограда: кто и зачем стрелял в дни Февральской революции? // Политическая история России XX века: К 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сб. научных трудов. СПб., 2016. С. 182 – 183.

предложению министра юстиции А.Ф. Керенского, Комиссия под председательством Н.К. Муравьева занималась расследованием «противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств». В рамках изучения дела 7 апреля 1917 г. Комиссия направила предписание прокурору Петроградской судебной палаты о сборе во всех участковых комиссариатах и отрядах милиции достоверных сведений о стрельбе с крыш из пулеметов и ружей в дни Февральской революции¹.

Несмотря на то, что большая часть документов ЧСК отложилась в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)², материалы расследования дела о применении пулеметов в феврале 1917 г. оказались на хранении и в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)³.

Как известно, протоколы допросов высших должностных лиц «старого режима», копии которых встречаются среди документов указанных дел, уже давно опубликованы, однако указанные источники не позволяют прояснить вопрос о применении пулеметов в Петрограде в феврале 1917 г.⁴

С учетом сохранившихся в материалах следственного дела показаний, а также из «Списка церквей, колоколен и домов, в которых были обнаружены пулеметы, пулеметные ленты и люди при них, 27 февраля – 2 марта 1917 года», отложившегося в ГА РФ⁵, было выделено 447 свидетельств о пулеметной стрельбе в Петрограде в дни Февральской революции. В них упоминается 217 адресов, из которых лишь 138 можно признать вполне достоверными. Если же говорить о распределении достоверно установленных объектов по полицейским частям столицы, то вырисовывается следующая картина. Из 80 объектов в центре города (по частям города: Адмиралтейская – 18, Казанская – 4, Спасская – 10, Коломенская – 7, Литейная – 30, Васильевская – 6, Рождественская – 5) наибольшее число объектов было выделено в Литейной части.

Среди прочих полицейских частей города особое место занимает Адмиралтейская часть, где располагался аристократический и административный центр столицы. Ограниченная р. Б. Невой, Мойкой и Фонтанкой, она включала в себя два участка. Первый из них протянулся от Летнего сада и Марсова поля до Исаакиевской и Мариинской пл. Вслед за ним начинался второй участок, ограниченный Новым Адмиралтейством и Новой Голландией.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2529. Л. 30.

² ГА РФ. Ф. 1467. 2 оп. (1064 ед. хр.).

³ См. подробн.: Румянцев А.Г. Следственное дело о применении полицией пулеметов в дни Февральской революции из фондов ЦГИА Санкт-Петербурга // Отечественные архивы. 2017. № 1. С. 26 – 35.

⁴ ПЦР. М., Л., 1924 – 1927.

⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 867. ЛЛ. 15 – 18, 44.

Наиболее престижным являлся 1-й участок Адмиралтейской части, на территории которого находились цитадель императорской власти – Зимний дворец, и большая часть правительственных учреждений – Сенат, Синод, помещения Главного штаба, Адмиралтейство и многочисленные министерства. Плотность населения была невысокой – как вследствие незначительной застройки, так и значительного числа нежилых строений. Большую часть жилых строений составляла аристократические особняки, а население состояло из родовой и служилой аристократии, крупных чиновников, военных, а также их многочисленной прислуги¹. Менее престижным являлся 2-й участок Адмиралтейской части, где располагался Почтамт, казармы л.-гв. Конного полка, Окружной суд и морская исправительная тюрьма в Новой Голландии. В отличие от первого участка, в удельном весе населения возрастает число мещан².

Из материалов допроса командующего войсками Петроградского военного округа, генерал-лейтенанта С.С. Хабалова следует, что в решающие дни Февральской революции, 27 и 28 февраля 1917 г., Адмиралтейская часть стала последним оплотом «старого режима». В распоряжении начальника Генерального штаба М.И. Занкевича, назначенного около 5 – 6 часов вечера 27 февраля 1917 г. приказом военного министра, генерала М.А. Беляева начальником военной охраны Петрограда, оказались незначительные части, находившиеся на Дворцовой пл.³ К ним относились: 18-я пулеметная рота 1-го пулеметного полка с 24 пулеметами, присланная из Ораниенбаума, роты л.-гв. Павловского, Егерского, Измайловского полков, 13-го пехотного полка и две батареи фактически без снарядов. Они являлись резервом, который С.С. Хабалов хотел иметь под рукой, а также охраняли район Зимнего дворца и Адмиралтейства, где находились Морское министерство, Главный военно-морской штаб, квартира морского министра⁴. Первоначально перед правительственными войсками ставилась задача удержаться до подхода частей Н.И. Иванова. Однако к вечеру 27 февраля 1917 г. оставшиеся верными престолу части численностью не более 1,5 тыс. человек, по свидетельству С.С. Хабалова, перешли в Адмиралтейство и утром следующего дня сложили оружие⁵.

В материалах следственного дела сохранилось 97 свидетельств о пулеметной стрельбе со зданий в Адмиралтейской части, из которых было вы-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4285. ЛЛ. 198, 210.

² Там же. Л. 177.

³ ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 201 – 202.

⁴ Черняев В.Ю. Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. С. 262 – 263.

⁵ ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 205.

делено 18 адресов, и лишь один, по Морской ул., о котором вскользь свидетельствовал генерал-майор А.С. Потапов, остался не идентифицированным¹.

Некоторые объекты, вокруг которых открывалась стрельба в дни Февральской революции в Адмиралтейской части, были на слуху у всех жителей столицы.

К примеру, 10 свидетелей поведали следствию о снятии пулеметов со здания штаба Петроградского военного округа на Дворцовой площади. Со стороны восставших таковыми оказались военнослужащие запасного батальона л.-гв. Измайловского полка, младший писарь Т.К. Своеволин, ефрейтор А.Н. Мараев, рядовые П.Н. Шидловский и И.Н. Торгашев и ратники Д.А. Грошиков и Александр Коротков. Они показали, что 28 февраля 1917 г. вместе с двумя пулеметами сняли со здания Главного штаба 40 пулеметных лент и отправили оружие в Михайловский манеж². Инициатором поездки являлся П.Н. Шидловский, из показаний которого следует, что группа военнослужащих полка, захватив два имеющихся в батальоне грузовика, первоначально направилась около 9 часов утра 28 февраля 1917 г. из полковых казарм в Михайловский манеж за оружием. Отозвавшись на передаваемые прохожими слухи о пулеметной стрельбе со здания Главного штаба, военнослужащие л.-гв. Измайловского полка, совместно с прибывшими на грузовике матросами Гвардейского экипажа, обнаружили на чердаке здания телефонную будку с двумя аппаратами, а на специальной площадке – два пулемета с лентами «на крутящихся столбах» вместе с солдатом-часовым³. Как следует из показаний сослуживцев П.Н. Шидловского, один пулемет был сдан матросам Гвардейского экипажа, обещавшим доставить оружие в Михайловский манеж или в Государственную думу, а другой передан для вооружения броневика. Изъятые же два телефонных аппарата стали собственностью запасного батальона⁴. Данная версия событий дополняется показаниями рядового броневика Военной автошколы И.К. Раевского, который показал, что 28 февраля 1917 г. он вместе с двумя матросами и солдатами л.-гв. Павловского полка «снял» пулеметы со здания Главного штаба. На крыше дома были обнаружены два пулемета «на особых станках, приспособленных для стрельбы по небу», и походный телефонный аппарат, а оказавшийся там же солдат-часовой тут же сдался. При этом свидетель сообщил, что восставшими попутно была освобождена команда писарей, задержанная ранее офицерами⁵.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 78.

² Там же. Д. 442. Л. 138 об.

³ Там же. ЛЛ. 143 – 143 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 141 – 142 об., 144 – 144 об.

⁵ Там же. Д. 441. ЛЛ. 145 – 146, 250 об. – 251.

Очевидно, что речь идет об одном и том же событии, происходившем 28 февраля 1917 г. около 10 – 11 часов утра. Вахтер Главного штаба В.С. Мельников и бывший писарь К.Н. Митюгин в один голос сообщали, что на крыше здания была оборудована площадка с двумя пулеметами системы противовоздушной обороны столицы. Именно эти пулеметы и были «сняты» восставшими. Что же касается, якобы, задержанных писарей, то, по словам К.Н. Митюгина, команда писарей добровольно собралась утром в здании, чтобы впоследствии перейти в Таврический дворец и присягнуть новой власти¹.

Как видно, первопричиной «снятия» пулеметов со здания Главного штаба являлись циркулировавшие в Петрограде слухи о стрельбе из пулеметов, в том числе и из числа средств противовоздушной обороны. Об этом в своих показаниях свидетельствовал ЧСК бывший начальник Петроградского военного округа С.С. Хабалов. Он заявил: «может быть, в этот день 27-го эти противоаэропланные пулеметные батареи стреляли против жителей. А, может быть, они стреляли и против правительственных войск. Может быть, они начали стрелять потому, что в них стали стрелять. Господь их ведает!»²

Как известно, противовоздушная оборона Петрограда была организована 30 ноября 1914 г. на основании «Инструкции по воздухоплаванию», объявленной командующим 6-й армией с целью «обороны столицы от нападения воздушного флота». Инструкция была введена в действие 8 декабря 1914 г., а руководителем службы был назначен начальник Офицерской электротехнической школы, генерал-майор Г.В. Бурман. Как следует из показаний его непосредственного начальника С.С. Хабалова, план противовоздушной обороны столицы, включенный в единую систему обороны Петрограда и Царского Села, состоял как из серии наблюдательных пунктов, снабженных прожекторами и радиостанциями, так и из противоаэропланных и пулеметных батарей³. Вступивший в действие в 1916 г., он предполагал размещение в пределах Петрограда 16 батарей и 7 пулеметов. Одним из первых такой пункт противовоздушной обороны еще осенью 1915 г. был оборудован на крыше здания штаба Петроградского военного округа.

Как следует из показаний Г.В. Бурмана, организация службы противовоздушной обороны оставляла желать лучшего. Изначально при таких пунктах должны были находиться дежурные посты, в том числе, и в дни Февральской революции. Однако начальник пулеметной команды, прапорщик Энгель-Крон в период с 17 февраля по 7 марта 1917 г. находился в

¹ Там же. Д. 442. ЛЛ. 278 – 279 об.

² ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 212.

³ Там же.

отпуске, и его замещал прапорщик Поляков, подчинявшийся командиру батальона Петроградской крепостной артиллерии. Симптоматичным также является указание Г.В. Бурмана на то, что жертв среди дежурных постов не было, что подтверждается описываемым случаем вокруг здания Главного штаба. Из всего этого можно предположить, что в дни Февральской революции прямое руководство службой противовоздушной обороны не осуществлялось. В такой ситуации пулеметы могли оказаться фактически бесполезными. Сам Г.В. Бурман признавал, что если артиллерийские орудия в февральские дни 1917 года остались нетронутыми, то многие пулеметы были сняты со своих мест. Действительно, неизвестными солдатами и рабочими всего были сняты и увезены 12 пулеметов службы противовоздушной обороны и 7 пулеметов батальона Петроградской крепостной артиллерии¹, к числу которых можно смело причислить два пулемета, снятых с крыши Главного штаба.

Не менее известным сюжетом в дни Февральской революции стал разгром гостиницы «Астория». Как известно, она была взята штурмом отрядом комиссии Временного комитета Государственной думы под руководством поручика Чеченского полка А.Ф. Орла и матросами 2-го Балтийского флотского экипажа 28 февраля 1917 г.² Подобные мероприятия происходили в рамках установления контроля Военной комиссией Временного комитета Государственной думы над гостиницами³.

В материалах следственного дела сохранилось 23 свидетельских показания о разгроме гостиницы. Показания пятерых военнослужащих запасного батальона л.-гв. Кексгольмского полка, ратника Г.П. Коковина, рядовых Семена Крутова, Владислава Пруса и Н.А. Новикова предельно лаконичны. Сообщая об обстреле толпы из пулеметов из здания «Астории», свидетели указывают, что ими были обнаружены либо один, либо два пулемета, которые были сняты и доставлены в Государственную думу⁴. Впрочем, обращает на себя внимание время события – 8 – 9 часов утра 27 февраля 1917 г., т.е. на день ранее разгрома гостиницы. По-видимому, данный объект стал одним из немногих, из которых обстрел велся в течение нескольких дней.

Лишь один из восставших, солдат учебной команды запасного батальона л.-гв. Преображенского полка Г.Г. Гапон, подробно поведал о событиях вокруг разгрома гостиницы «Астория» 28 февраля 1917 г. Он сообщил следствию, что около 2 – 3 часов того дня, по-видимому, с другими

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. ЛЛ. 51 – 52.

² Николаев А.Б. Революция и власть. С. 258 – 259.

³ Николаев А.Б. Думская революция 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2017. Т. 1. С. 378 – 379.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. ЛЛ. 85, 99, 101 – 102 об., 127.

восставшими, обнаружил в здании два пулемета с пятью полными и несколькими израсходованными лентами. При пулеметах находилось четверо переодетых в вольную одежду городских, которые вместе с конфискованным оружием были направлены в Государственную думу¹.

Имеющиеся в деле показания служащих гостиницы «Астория» позволяют посмотреть на события под иным углом. Так, председатель Комитета по управлению гостиницей, генерал от инфантерии П.И. Ползиков сообщил следствию, что утром 28 февраля 1917 г. он из окна гостиницы наблюдал, как по Морской улице с музыкой «в полном порядке» проходили матросы 2-го Балтийского флотского экипажа. Неожиданно очевидец «услышал страшный крик толпы и увидел, как матросы рассыпались в разные стороны». Ими был открыт огонь по окнам нижнего этажа, а вскоре ворвавшиеся с толпой матросы арестовали П.И. Ползикова и обследовали чердак, откуда, по их мнению, велась стрельба. Генерал как мог оправдывался перед следствием, заявляя: «пулеметов на чердаке не было и не могло быть, потому что таких распоряжений администрация гостиницы не делала, а посторонние не могли туда прийти, в виду строгого контроля, существующего в гостинице, и мною все три двери чердака были заперты... Кроме того, само расположение слуховых окон на чердаке гостиницы таково, что обстрел на близком расстоянии прилегающей к гостинице площади невозможен. С прилегающих домов проникнуть на крышу гостиницы возможно только со здания страхового общества «Россия», но и то с большим трудом и риском, причем едва ли при этом было бы возможно принести пулемет»². Как видно из показаний П.И. Ползикова, он пытался снять с себя какую-либо ответственность за обстрел матросов, послуживший поводом к разгрому гостиницы. Просматривается явная попытка умолчания: Ползиков охотно рассказывал об отсутствии пулеметов на чердаках, тогда как стрельба велась из нижних этажей. Вероятнее всего, речь шла об одиночных выстрелах в толпу из окон номеров гостиницы тамошними постояльцами-офицерами. При этом П.И. Ползиков пытался выставить себя жертвой революции, заявив, что после ареста «на Морской, в то время, когда мы с конвойными прошли здание Министерства земледелия, нас обстреляли из пулеметов, по видимому, с верху здания страхового общества «Россия» или с соседнего дома». Он также заявил, что 27 февраля 1917 г. наблюдал из окна гостиницы, «как солдаты тащили на веревочке по Мариинской площади к зданию Министерства земледелия два или три пулемета пехотного образца. От служащих в гостинице я слышал, что некоторые из них, кто именно, не помню, видели пулеметы на крыше Исаакиевского собора»³.

¹ Там же. ЛЛ. 204 – 205.

² Там же. Д. 442. Л. 85.

³ Там же. Л. 85.

Другие свидетели из числа служащих гостиницы «Астория» также отрицали наличие в здании пулеметов. Так, генерал-майор в отставке, заведующий гостиничными номерами И.В. Хирин всецело возложил разгром гостиницы на восставших. Он сообщил следствию, что около 9 часов утра 28 февраля 1917 г. наблюдал из окна, как рассыпавшийся строй матросов обстрелял здание. Проникшая в здание толпа начала грабежи. По словам свидетеля, он отправился в Государственную думу и обратился там за помощью к полковнику Энгельгардту, под которым можно понимать члена Государственной думы Б.А. Энгельгардта. Из слов свидетеля можно предположить, что член Государственной думы прибыл на место событий, но не смог прекратить беспорядки. Вскоре 10 – 15 матросов обыскала чердак, но ничего не обнаружила¹.

Заведующий хозяйством гостиницы генерал-майор Г.И. Волжинский, как и И.В. Хирин, возложил вину за разгром «Астории» на восставших. Г.И. Волжинский показал следствию, что еще 27 февраля 1917 г. наблюдал, как толпа окружила Мариинский дворец, где заседала Петроградская городская дума. Посланный к восставшим делегат сообщил, что гостинице ничего не угрожает в том случае, если не будет оказываться сопротивление. В 9 часов утра 28 февраля 1917 г. Г.И. Волжинский слышал звон разбиваемых стекол со стороны Морской ул. По выходу на улицу он был окружен революционной толпой, кричавшей: «где у тебя пулемет?». Свидетель был вынужден показывать ворвавшимся в гостиницу номера, при этом находившиеся в них офицеры обезоруживались. Вскоре, по словам Г.И. Волжинского, с Мариинской площади гостиницу обстрелял броневик, а сам он под угрозой расстрела был направлен в Государственную думу и вернулся обратно лишь к 7 часам вечера 28 февраля 1917 г.²

Приведенные выше показания служащих гостиницы «Астория» позволяют утверждать, что разгром здания произошел вследствие одиночных выстрелов в сторону восставших, производившихся офицерами, занимавших тамашние номера. Помощник вахтера при Исаакиевском соборе П.А. Абрамов показал следствию, что из верхних окон гостиницы «Астория» шла стрельба, и недалеко от него был ранен в спину какой-то матрос. Ответным огнем броневика с Мариинской площади и из открытых окон германского посольства ведшийся из «Астории» огонь был подавлен³. О факте подавления стрельбы после обстрела из броневика сообщал и помощник старшего швейцара «Астории» А.П. Куликов⁴.

---

¹ Там же. Л. 86.

² Там же. ЛЛ. 97 об. – 98.

³ Там же. ЛЛ. 115 об. – 116.

⁴ Там же. ЛЛ. 113 об. – 114.

А вот пулеметов в гостинице, по-видимому, действительно не было, и речь идет лишь о многочисленных слухах, циркулировавших в толпе. Об этом сообщил следствию слесарь и водопроводчик гостиницы С.И. Ежов, который слышал от одного матроса, что тот нашел пулемет на 4-м этаже и отнесся к его рассказу с недоверием¹. О многочисленных слухах относительно пулеметной стрельбы из здания гостиницы сообщали солдаты 1-го запасного пехотного полка А.Т. Белобородов, командированный в гостиницу в качестве кочегара, и С.К. Руденко, работавший в машинном отделении. Последние двое свидетелей, равно как и монтер И.К. Семенов, сообщили следствию, что служащие гостиницы были изгнаны восставшими под угрозой взрыва здания².

Как следует из свидетельских показаний, наибольшую огласку в дни Февральской революции получили события у Исаакиевского собора, находившегося напротив гостиницы «Астория». Так, среди протоколов допросов высших должностных лиц «старого режима» имеются соответствующие показания бывшего военного министра, генерала М.А. Беляева. Допрошенный 19 апреля 1917 г., он авторитетно заявил, что на колокольне Исаакиевского собора находились полицейские пулеметчики³. В материалах следствия также имеется несколько свидетельств революционных солдат, снимавших пулеметы с Исаакиевского собора. Так, младший унтер-офицер технической роты моторно-пontonного запасного батальона И.И. Лукин показал, что около 4 часов дня 28 февраля 1917 г. он наблюдал пулеметный обстрел из-за решеток ограды собора. На земле у ограды собора им с сослуживцами было найдено 3 пулемета, 13 пулеметных лент со стреляными и полными патронами. В церковном притворе было обнаружено 13 человек: 10 одетых в полицейскую форму, и трое – в штатскую. Все полицейские арестованы, кроме одного, который за словесное сопротивление восставшим был убит, а пулеметы направлены в Государственную думу⁴. О тех же событиях поведали следствию находившиеся 28 февраля и 1 марта 1917 г. в карауле при Петроградском градоначальстве военнослужащие 2-й роты запасного батальона л.-гв. Финляндского полка И.И. Литвинов, Ф.И. Маценко и А.П. Маркузе. Они показали, что ими при осмотре Исаакиевского собора было обнаружено 8 пулеметов и 23 пулеметные ленты, а также арестовано 11 полицейских⁵. Вечером 28 февраля 1917 г. собор обыскивался дважды, при этом обнаруженные пулеметы бы-

¹ Там же. ЛЛ. 82 – 82 об.

² Там же. ЛЛ. 91 – 91 об., 99 – 99 об.

³ ПЦР. Л., 1925. Т. 2. С. 234.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. ЛЛ. 224 об. – 225; ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 867. Л. 15.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 104.

ли переданы не в Государственную думу, а на формирование пулеметной команды 1-го пулеметного полка¹. Об обстреле толпы из пулеметов с колокольни собора в течение 28 февраля и 1 марта 1917 г. заявляли солдаты л.-гв. Кексгольмского полка В.С. Прус и Г.П. Коковин².

В иной тональности звучат показания служащих Исаакиевского собора. Так, вахтер П.Д. Григорьев утверждал, что 28 февраля 1917 г. в собор ворвалось до 200 солдат л.-гв. Кексгольмского полка, осмотревших подвал, кладовые, чердак и купол собора. Ввиду отсутствия каких-либо находок смотрителю собора, художнику-архитектору Н.М. Сапунову было выдано удостоверение в том, что в храме пулеметов не оказалось³. Из показаний сторожей П.А. Андреева, Г.В. Васильева и А.И. Ручкина следует, что обыск продолжался с 7 часов вечера до 2 часов ночи 28 февраля 1917 г., после чего собор был закрыт, и около него был выставлен временный караул⁴. Служители собора были допрошены солдатами, а двое из них, вахтер П.А. Абрамов и сторож И.А. Артемьев за уверения в том, что на колокольне пулеметов нет, были арестованы и отведены в казармы л.-гв. Кексгольмского полка, но вскоре были отпущены⁵.

Как следует из показаний смотрителя собора Н.М. Сапунова, на следующий день, в 5 – 6 часов вечера 1 марта 1917 г. в собор вновь вошли солдаты, которых, якобы, обстреляли с колокольни собора. Был произведен очередной обыск. Наконец, в 11 часов вечера Исаакиевский собор был обыскан в третий раз отрядом солдат л.-гв. Кексгольмского полка во главе с подпоручиком Пестрово, однако никаких пулеметов обнаружено не было⁶.

Отчасти ситуацию проясняют показания Н.М. Сапунова. Он утверждал, что с началом Первой мировой войны на колокольне собора был размещен пост из двух солдат от штаба противовоздушной обороны Петрограда, но пулеметов у них не было⁷. О том же свидетельствовал и сторож собора Т.И. Агальцов, который сообщил, что на посту постоянно дежурили два солдата, которые сменялись в час дня двумя другими⁸. Более того, как указывал сторож собора П.А. Власов, в феврале 1917 г. из-за наступивших холодов был снят и сам наблюдательный пост⁹.

Как представляется, стрельба с колокольни Исаакиевского собора стала своеобразной звуковой иллюзией. Об этом свидетельствовал сторож

¹ Там же. ЛЛ. 280 – 281 об.

² Там же. ЛЛ. 99, 102.

³ Там же. Д. 442. Л. 105.

⁴ Там же. ЛЛ. 106 об. – 108.

⁵ Там же. ЛЛ. 169 об. – 170.

⁶ Там же. Л. 112.

⁷ Там же. Л. 112.

⁸ Там же. ЛЛ. 115, 115 об.

⁹ Там же. Л. 116 об.

собора В.П. Пантелеев. Он показал, что 28 февраля 1917 г. в 7 – 8 часов вечера вокруг собора шла стрельба, и отголоски отдавались эхом у собора¹. Наиболее правдоподобной выглядит версия, высказанная вахтером собора П.А. Абрамовым и сторожем И.А. Артемьевым. Они сообщили следствию, что во время штурма находившейся напротив гостиницы «Астория» 28 февраля 1917 г. «летевшие из “Астории” пули попадали в колокол на нашей колокольне с южной стороны, благодаря чему слышен был гул колокола...»². Это вполне могло способствовать появлению слухов о том, что с собора ведется стрельба, и в нем засели полицейские с пулеметами.

Большая часть из установленных адресов располагалась между штабом Петроградского военного округа и гостиницей «Астория», преимущественно, на четной стороне Морской ул.

Наибольшее число свидетельских показаний относилось к нескольким конкретным адресам. Одним из объектов стали дом Городского ведомства, где располагалась телефонная станция, и дом К.Г. Фаберже по Морской ул., д. 24.

Как представляется, дом по Морской ул., д. 22, где располагалась Городская телефонная станция, некоторое время успешно защищали правительственные войска. В ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. телефонную станцию успешно обороняла учебная команда л.-гв. Измайловского полка, которая вступила в бой с командой разведчиков на броневике, посланной из Таврического дворца к Зимнему³. Именно об этом эпизоде поведал следствию командующий войсками Петроградского военного округа С.С. Хабалов, сообщивший, что для защиты телефонной станции была послана рота из частей, находившихся под командованием генерал-майора М.И. Занкевича⁴. Однако к утру 28 февраля 1917 г. сопротивление сторонников «старого режима» было сломлено.

Не до конца понятно, к каким частям принадлежала посланная М.И. Занкевичем часть. Ефрейтор 4-й роты запасного батальона л.-гв. Кексгольмского полка М.И. Василевский утверждал, что около 8 часов утра 28 февраля 1917 г. в здании телефонной станции по Морской ул., д. 22 им с сослуживцами, двигавшимися на броневике, была обнаружена засада военнослужащих л.-гв. Литовского полка, вооруженных двумя пулеметами. Один пулемет сдали сами солдаты, за другим было обнаружено четверо офицеров. Последние вместе с двумя пулеметами были направлены в

¹ Там же. ЛЛ. 114, 114 об.

² Там же. ЛЛ. 115 об., 116.

³ Лукоянов И.В. Пулеметы на улицах Петрограда: кто и зачем стрелял в дни Февральской революции? С. 188.

⁴ ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 200.

Государственную думу¹. При этом младший унтер-офицер л.-гв. Кексгольмского полка Г.Г. Константинова показал, что в доме по Морской ул., д. 22 была освобождена рота стрелков 3-го стрелкового Е.И.В. полка с 4 офицерами². Формально, эти подразделения не входили в состав частей, имевшихся в распоряжении М.И. Занкевича, возможно, под освобожденной кексгольмцами стрелками можно понимать упоминавшиеся выше части 13-го пехотного полка.

Из свидетельских показаний управляющего дома по Морской ул., д. 24 А.К. Казака и артельщика при магазине золотых и бриллиантовых дел «Фаберже» С.Н. Нестерова вырисовывается следующая картина. В начале четвертого ночи 28 февраля 1917 г. по телефону управляющему домом сообщили, что из Дудергофа идет конница и нужно ее разместить во дворе. Через полчаса в комнату С.Н. Нестерова вошли 5 офицеров и 6 – 7 солдат со шпорами. Около половины пятого утра 28 февраля 1917 г. дворник сообщил управляющему, что к дому подошли солдаты с офицерами. А.К. Казак видел не менее 150 солдат с 5 офицерами, без пулеметов, «пеших и весьма утомленных». По словам пришедших, они являлись драгунами из Дудергофа и оставили лошадей в Зимнем дворце. Расположившись в мастерской, военнотружущие выставили караулы. Вскоре к управляющему пришел офицер с Городской телефонной станции и сообщил, что под угрозой взрыва хочет перейти с солдатами к ним. К утру дом по Морской ул., д. 24 пополнился новыми солдатами и офицерами еще какой-то части, возможно, упоминавшейся выше учебной команды л.-гв. Измайловского полка³.

Около 8 – 9 часов утра 28 февраля 1917 г., как свидетельствовали А.К. Казак и С.Н. Нестеров, в ворота дома хлынули революционные войска, солдаты присоединились к ним, а один из офицеров, якобы, застрелился. Революционеры вынесли пулемет на колесиках и какой-то ствол⁴. Об обыске дома восставшими утром 28 февраля 1917 г. по Морской ул., д. 24 сообщали также младший дворник Вонифатий Иванов и кочегар М.Я. Прелуцкий⁵.

Что же касается драгун из Дудергофа, то речь, по-видимому, идет о частях л.-гв. Драгунского полка. В материалах допроса С.С. Хабалова сведения о посылке драгун в Петроград отсутствуют, указано лишь, что в первые дни революции собравшиеся толпы разгонялись двумя казачьими полками и частями 9-го запасного кавалерийского полка, а также конными частями, находившимися в столице⁶. В решающие же дни Февральской ре-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 125 – 126.

² Там же. Л. 126 об.

³ Там же. ЛЛ. 83 об. – 84, 95 – 96 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 83 об. – 84, 95 – 96 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 89 – 89 об.

⁶ ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 184.

волюции в его распоряжении находилась лишь сотня казаков, расквартированных в казармах л.-гв. Конного полка¹. Как представляется, указанные командующим Петроградским военным округом кавалерийские части входили в специальный отряд в составе 6-го и 9-го запасных эскадронов л.-гв. Кавалерийского полка в составе 200 человек, вызванный 27 февраля 1917 г. из Кречевицких казарм (Новгородская губ.) в Петроград для подавления беспорядков и размещившийся в казармах л.-гв. Конного полка. По-видимому, в составе специального отряда находились и кавалеристы л.-гв. Драгунского полка, также расквартированного в Кречевицких казармах. Не принимая непосредственного участия в подавлении революции, отряд в течение 27 февраля 1917 г. занимался патрулированием Невского пр., Садовой ул. и Литейного пр., и около 5 часов утра 28 февраля 1917 г. был выведен своими офицерами из Петрограда². При этом, как свидетельствовал житель дома по Морской ул., д. 24 А.Д. Скворцов драгуны из Дудергофа оставались на месте и утром 28 февраля 1917 г. сдались после пулеметного обстрела со стороны восставших³.

В рамках установления контроля Военной комиссией Временного комитета Государственной думы над гостиницами 28 февраля 1917 г., помимо гостиницы «Астория» была оккупирована гостиница «Регина», располагавшаяся на углу Морской ул., д. 16, Кирпичного пер., д. 8 и наб. р. Мойки, д. 61⁴. По делу о стрельбе из данного дома следствием было допрошено 13 свидетелей, в т.ч. пятеро военнослужащих и 8 служащих дома. Так, ефрейтор 4-й роты запасного батальона л.-гв. Кексгольмского полка И.И. Захаркин и рядовые той же роты Т.Я. Шипула, А.О. Ручис, Н.А. Новиков и И.С. Мацигора показали, что около 8 – 9 часов утра 27 февраля 1917 г. из дома доносилась ружейно-пулеметная стрельба. Она была подавлена приехавшим броневиком, а ворвавшиеся в дом восставшие обнаружили не менее полуроты (или сотни) стрелков с двумя пулеметами во главе с пятью офицерами. Свидетели добавляли, что солдаты тут же присоединились к восставшим, а офицеры арестованы и направлены в Государственную думу⁵. При этом А.О. Ручис показал, что солдаты заявляли, что их заставляли стрелять офицеры⁶, а Н.А. Новиков утверждал, что вместе с сослуживцами стащил один из пулеметов на улицу и погрузил на автомобиль, направлявшийся в Государственную думу⁷.

¹ Там же. С. 205.

² Николаев А.Б. Думская революция. Т. 1. С. 378.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 89 об. – 90.

⁴ Николаев А.Б. Думская революция. Т. 1. С. 379.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 85, 114 – 115 об., 119 – 120, 127 – 127 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 119 – 120.

⁷ Там же. ЛЛ. 127 – 127 об.

По-иному события освещали служащие дома. По словам временно заведующего домом Б.А. Фирстенберга с вечера 27 февраля 1917 г. на углу Морской ул. и Кирпичного пер. он наблюдал «заставы людей в солдатской форме, которые вели обстрел улиц»¹. Младший дворник Г.М. Александров утверждал, что около 5 часов дня 27 февраля 1917 г. у дома Русского для внешней торговли банка по Морской ул., д. 18 и Кирпичному пер., д. 5 он видел, как цепь солдат с двумя офицерами обстреливала из двух пулеметов Невский пр., передавая слухи о том, что они являлись переодетыми городовыми². Подтверждая эту версию, дворник дома по Морской ул., д. 16 А.Ф. Ляпишев указывал, что стрельба была подавлена броневиком, прибывшим с Невского пр., причем из дома было выведено двое раненых³.

Все служащие единогласно отрицали какую-либо стрельбу из пулеметов с крыш своего дома. По словам старшего дворника Т.А. Артемьева и младшего дворника Г.М. Александрова, помимо гостиницы «Регина» в доме размещались ресторан «Кюба» и правление Акционерного общества «Проволока». 26 февраля 1917 г. вечером в ресторан «Кюба» пить чай приходила по частям группа донских казаков⁴. По словам временно заведующего домом Б.А. Фирстенберга он вместе с дворниками днем или вечером 28 февраля 1917 г. наблюдал на крыше своего дома некую фигуру, скрывающуюся за трубами. Человек был одет в куртку, темные валенки и нес ручной пулемет. Задержать его не удалось, и, по словам свидетеля, пулеметчик скрылся на крыше соседнего дома по Морской ул., д. 14 и Невскому пр., д. 15. На дворе и крыше своего дома свидетелем были найдены пыжи⁵. Похожие показания оставил и младший дворник дома Г.М. Александров, показавший, что 28 февраля 1917 г. с крыши дома обстреливался черный двор. В сумерках свидетель увидел, что за трубой притаился человек в валенках, серой тужурке и заячьей шапке-ушанке с короткой винтовкой, вскоре перешедший на крышу дома по Морской ул., д. 14⁶. Любопытно, что Б.А. Фирстенберг пояснил, что в доме на углу Морской ул., д. 14 и Невского пр., д. 15 располагалась «некая полицейская часть»⁷, а по словам младшего дворника дома Г.М. Александрова там находились полицейские 1-го участка Адмиралтейской части, а в самом доме жил околоточный Д.Е. Маденский⁸.

---

¹ Там же. ЛЛ. 83 – 83 об.

² Там же. ЛЛ. 94 – 94 об.

³ Там же. ЛЛ. 87 об. – 88.

⁴ Там же. ЛЛ. 93 – 94.

⁵ Там же. ЛЛ. 83 – 83 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 94 об.

⁷ Там же. ЛЛ. 83 – 83 об.

⁸ Там же. Л. 95.

Действительно, недалеко от места события на углу ул. Гоголя, д. 4 и Кирпичного пер., д. 1 располагалось управление 1-го участка Адмиралтейской части¹. Из протокола допроса бывшего старшего помощника пристава В.А. Штенгеля следовало, что в первые дни революции полиция участка призывала толпу разойтись и не наступать на цепь солдат л.-гв. Преображенского полка, охранявших Полицейский мост. Уже утром 27 февраля 1917 г. были убраны все посты городских, а сами они, переодевшись в штатское, попрятались от возможной расправы в казармах². Этому предшествовал приказ пристава, подполковника В.Ю. Экгарда не стрелять в толпу и не сопротивляться войскам. Сам же пристав попытался собрать своих подчиненных и вместе с ними добровольно явиться в Государственную думу, однако в итоге пришел туда в одиночку утром 28 февраля 1917 г.³ Как можно полагать, причиной неявки подчиненных В.Ю. Экгарда стало то, что вечером 27 февраля 1917 г. начался пулеметный обстрел казармы, где находились городские. Действия нападавших были неплохо скоординированы: так, один из пулеметов был установлен на крыше дома по Невскому пр. и обстреливал ул. Гоголя, а другой – Кирпичный пер., т.е. оба выхода из казармы оказались под огнем⁴. Вскоре революционные солдаты захватили казарму, разгромили квартиру городских, а их самих обезоружили и доставили в Таврический дворец⁵.

Вероятно, именно об этих пулеметах свидетельствовал военный министр М.А. Беляев⁶, а также дворник А.Ф. Ляпишев, проживавший по Морской ул., 16⁷. Эти показания подтверждаются сведениями о том, что в течение 27 и 28 февраля 1917 г. вооруженные отряды рабочих и солдат, посылаемые Военной комиссией Временного комитета Государственной думы для занятия Телефонной станции и других объектов, несколько раз попадали под перекрестный обстрел со стороны арки Главного штаба и Кирпичного пер. За пулеметами, по слухам, находились переодетые полицейские, которым удалось даже захватить броневик восставших⁸. Однако дворник это фактически отрицал, заявляя: «я знал полицейских чинов участка, в районе коего нахо-

¹ Весь Петроград. Адресная и справочная книга на 1917 г. Пг., 1917. Ч. 1. Стб. 247.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 282 – 283.

³ Николаев А.Б. «Под красным флагом»: петроградская полиция в дни Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Санкт-Петербург, 16 ноября 2012. Сборник докладов. СПб., 2013. С. 44 – 45.

⁴ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.442. Л.282-283.

⁵ Николаев А.Б. Думская революция 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2017. Т. 2. С. 87.

⁶ ПЦР. Л., 1925. Т. 2. С. 234.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 87 – 88.

⁸ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 217 – 218, 240.

дился наш дом, но никого из них я не признал в людях в военной форме»¹. Ему вторил младший дворник Кирилл Степанов, сообщивший, что около 6 часов вечера 27 февраля 1917 г. он наблюдал стрельбу в сторону Невского пр., причем у пулемета находились солдаты и офицеры в военной форме². Возможно, таковыми являлись части л.-гв. Преображенского полка из числа последних защитников «старого режима», о которых свидетельствовал С.С. Хабалов³.

Настроения же полицейских весьма красочно передают показания В.А. Штенгеля: «Никто не был осведомлен. Говорили разные слухи, будто, как теперь выясняется, пулеметы привозили в гробах в церкви и после уже ставили на колокольни... Ведь из-за этих пулеметов озлобленная толпа, считая виновником полицию, уничтожила все имущество, и некоторые даже были убиты. И по своему глубокому убеждению, я скажу, что полиция ничего не знала о пулеметах, т.к. их поставили на крыши домов в последние дни, когда полиция была снята со своих постов и сидела в казармах»⁴. Оправдывая действия полиции, В.А. Штенгель добавлял: «ходили слухи, что из пулеметов стреляли нижние чины, присланные на усиление штатов полиции, некоторые высказывали предположение, что все это было организовано на немецкие деньги, но правда только одна, что наружная полиция из пулеметов не стреляла и снятые с крыш домов пулеметчики в форме городских – не были городскими»⁵.

Не обошлось в Адмиралтейской части и без задержания и убийств. Так, по словам солдата учебной команды запасного батальона л.-гв. Преображенского полка Д.Л. Наумова вечером 28 февраля 1917 г. из красного дома на углу Конюшенного пер. и наб. р. Мойки, под которым можно понимать дом Придворного конюшенного ведомства (Конюшенный пер., д. 2, М. Конюшенная, д. 6) слышалась отчетливая пулеметная стрельба. При обыске дома был обнаружен пулемет со старым, седым полковником. После того, как полковник ранил из револьвера одного из солдат, его застрелили на улице. Пулемет на автомобиле увезен в Государственную думу⁶.

Значительное число выявленных объектов в Адмиралтейской части и их расположение фактически по одной линии, от Главного штаба до гостиницы «Астория» и Исаакиевского собора, по-видимому, было связано не только с использованием восставшими пулеметов системы противовоздушной обороны, снятыми с крыши Главного штаба, но и пулеметов, оставшихся

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 87 – 88.

² Там же. Л. 88 об.

³ ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 201–202.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 28 – 283.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 441. ЛЛ. 200 – 200 об.

на вооружении военнослужащих, верных престолу. В связи с этим следует дополнить показания управляющего делами Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы (ВКГД), зауряд-капитана А.А. Чиколини, утверждавшего, что пулеметы, доставленные в Таврический дворец, были отобраны восставшими у защитников «старого режима»¹. Значительное число бесхозных пулеметов преимущественно использовалось как восставшими, так и сохранившими верность престолу воинскими частями. Так, из воспоминаний рядового учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка Ф.П. Чопенко, взводным которого был небезызвестный Т.И. Кирпичников, следует, что когда их 25 февраля 1917 г. вывели на Знаменскую площадь для подавления демонстрации, при себе они имели два пулемета². В свою очередь, председатель Петроградского комитета Всероссийского союза городов кадет В.А. Оболенский вспоминал, как 27 февраля 1917 г. вдоль Басковой ул. и на Литейном пр. он наблюдал воинскую команду с расставленными пулеметами, а около 1 часа ночи 28 февраля он был остановлен патрулем солдат, которые сообщили, «что на цирке Чинизелли и на окружающих его зданиях стоят пулеметы и кто-то палит по всем прохожим и проезжим»³.

Последняя фраза, на наш взгляд, как раз и отражает ситуацию с использованием пулеметов в столице в дни Февральской революции. Пулеметы активно использовались как восставшими, так и частями, остававшимися верными престолу, при этом подчас весьма хаотично. Точно подсчитать число жертв, пострадавших от пулеметного (или частого ружейного) огня по показаниям свидетелей практически невозможно, ориентировочно это число колеблется от 100 до 200 человек. Подобный вывод делается на основе точно установленных 138 адресов, откуда велась или могла вестись такая стрельба, поскольку в подавляющем числе случаев она производилась «поверх голов» и ее жертвами, по свидетельству очевидцев, обычно становилась пара человек. Такие случаи усиливали атмосферу массового психоза, так, что в общественном мнении тех дней пулеметная стрельба раздавалась по всему городу, которую вели, разумеется, «враги народа» в лице столичных полицейских. При этом фактически использование пулеметов стражами порядка носило единичный характер и чаще всего производилось в качестве самообороны.

---

¹ Там же. Л. 79. А.А. Чиколини, зауряд-капитан 86-й Вологодской пешей дружины Государственного ополчения, член Военной комиссии ВКГД, в начале марта 1917 г. подписывал документы как помощник военного министра (Николаев А.Б. Революция и власть. С. 599).

² «Так что же, мы и сегодня пойдем на площадь усмирять?»: воспоминания Ф.Д. Чопенко // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / Авт-сост. Н.В. Суржикова и др. М., 2015. С. 24.

³ «... Восстание развивалось и революция побеждала»: Воспоминания В.А. Оболенского // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. С. 14, 20 – 21.

**ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ: ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И
М.В. РОДЗЯНКО (МАРТ 1917 Г.)**

ГАВРОЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,
ассистент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.)
Института истории и социальных наук РГПУ им.
А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: gavroevae@herzen.spb.ru

История Православной Российской церкви в 1917 г. привлекала и привлекает внимание отечественных исследователей. В современной историографии стоит выделить работы М.А. Бабкина¹, Т.Г. Леонтьевой², П.Г. Рогозного³, А.В. Соколова⁴, С.Л. Фирсова⁵ и Т.Г. Фруменковой¹. Од-

---

¹ Бабкин М.А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 59 – 71; его же. Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 97 – 109; его же. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 109 – 124; его же. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России. (Участие духовенства в революционных торжествах) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2006. № 1. С. 70 – 90; его же. «Священство» против «царства»? // Родина. 2007. № 3. С. 27 – 33; его же. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011; его же. Святейший синод Православной российской церкви и свержение монархии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 3. С. 525 – 526 и др.

² Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 29 – 43; ее же. Революция. Духовенство. Приход // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Мат. междунар. науч. конф. М., 2017. С. 420 – 426 и др.

³ Рогозный П.Г. «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125). С. 275 – 322; его же. Синодальная церковь, общественное и революционное движение, или почему духовенство приветствовало революцию? // Историческая экспертиза. 2015. № 4. С. 142 – 153; его же. Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917 – 1920. М., 2018.

⁴ Соколов А.В. Министерство исповеданий Временного правительства и православная церковь // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 154 – 166; его же. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб., 2015 и др.

⁵ Фирсов С.Л. Революция 1917 г. и попытки «демократизации» Русской церкви // Церковно-исторический вестник. М., 2000. № 6 – 7. С. 196 – 208; его же. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002; его же. Отношение к монархии и монарху накануне революции 1917 г. и в первые месяцы после Февраля // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 24 – 43 и др.

нако специальных работ, в которых революционные события 1917 г. рассматриваются через призму «писем во власть» от представителей православного духовенства, нет². Граждане России обращались во Временный комитет Государственной думы (далее – ВКГД), Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство, используя это как способ общения с властью. Данная работа посвящена анализу «писем во власть», которые поступили в адрес ВКГД в марте 1917 г. от православного духовенства.

После создания ВКГД между Таврическим дворцом и местами возникла переписка³. Из Петрограда поступала телеграммы о падении старого режима. Одной из них была циркулярная телеграмма № 129 за подписью М.В. Родзянко от 2 марта 1917 года председателям губернских и уездных земских и городских управ об переходе власти в руки ВКГД, о необходимости соблюдать спокойствие и порядок⁴. Это способствовало распространению влияния думского Комитета за пределами столицы⁵. Достигнуто это было благодаря деятельности М.В. Родзянко⁶, А.А. Бубликова (комиссар

¹ Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен: Альманах. СПб., 1995. С. 75 – 92; ее же. Деятельность В.Н. Львова на посту обер-прокурора Св. Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996. С. 74 – 78; ее же. Письма на имя Обер-прокурора Синода (по материалам РГИА за 1917 г.) // Исследования источников по истории революции 1917 года: сб. науч. ст. СПб., 1996. С. 44 – 56; ее же. Синод и февральская революция // Революция 1917 г.: Сб. науч. статей. СПб., 1995. С. 27 – 34.

² В 2006 г. историк М.А. Бабкин опубликовал телеграммы от различных церковных съездов и собраний, которые были отправлены председателю ВКГД М.В. Родзянко в марте – мае 1917 г. Отметим, что исследователь использовал только одно дело из фонда Государственной думы в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1292). См. подробн.: Бабкин М.А. Телеграммы председателю Государственной думы М.В. Родзянко собраний духовенства Российской Православной Церкви (весна 1917 г.) // Клио. 2006. № 2. С. 80 – 90.

³ После Февральской революции в адрес Государственной думы поступило более 20 000 телеграмм и писем с выражениями сочувствия и поддержки. См. подробн.: Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2005. С. 809 – 821; его же. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 554 – 561; его же. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 220 – 225.

⁴ Можно говорить о том, что в ответ именно на телеграмму № 129 (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 32) за подписью председателя ВКГД отправлялись сообщения с мест, так как представители православного духовенства в своих обращениях подчеркивали необходимость сохранения спокойствия и поддержания порядка (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1255. Л. 150; Д. 1280. Л. 36; Д. 1292. ЛЛ. 29, 34, 92, 123, 135, 180).

⁵ Николаев А.Б. Лидеры Февральской революции 1917 года: почему М.В. Родзянко? // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. P. 96.

⁶ Николаев А.Б. Родзянко Михаил Владимирович // Государственная дума России: Энциклопедия: в 2-х т. М.; Челябинск, 2013. Т. 1. С. 602 – 604.

ВКГД над Министерством путей сообщения)¹ и П.П. Гронского (комиссар в Петроградском телеграфном агентстве)², а также других комиссаров ВКГД, которые отправлялись на места, имея полномочия от думского Комитета, Временного правительства, либо были комиссарами с двойными полномочиями³. В ответ на воззвания ВКГД с мест поступали обращения, в которых содержались просьбы о помощи, о возобновлении деятельности учреждений и т.д. Так, например, представители православного духовенства Гадячского уезда Полтавской епархии обещали способствовать «проведению в жизнь тех начал равенства и свободы, которые поставлены Временным думским Комитетом в основу нового строя»⁴.

На данный момент выявлено 208 обращений⁵ от представителей православного духовенства из Архангельской, Астраханской, Владимирской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Енисейской, Калужской, Киевской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Петроградской, Полтавской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Тульской, Харьковской и Ярославской губерний. «Письма во власть» обращены к председателю ВКГД М.В. Родзянко, в копиях же значатся министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов⁶, обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов, военный и морской министр А.И. Гучков⁷ и депутат IV Государственной думы священник В.И. Попов⁸.

¹ Николаев А.Б. Бубликов Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68 – 69.

² Николаев А.Б. Гронский Павел Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 150 – 151.

³ См. о комиссарах ВКГД подробн.: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – начало марта 1917 г.) // Революция 1917 года в России. Сб. науч. ст. СПб., 1995. С. 13 – 20; его же. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1995. № 5. С. 46 – 74; его же. Комиссары Временного комитета Государственной думы (март – апрель 1917 г.) // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной Думы). Сб. науч. ст. СПб., 1996. Ч. II. С. 18 – 20; его же. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1997. № 8. С. 26 – 46.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1292. Л. 2.

⁵ На 7 телеграммах есть надпись «Печать».

⁶ Пушкарева И.М. Львов Георгий Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 336 – 338.

⁷ Гучков Александр Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 154 – 155.

⁸ Николаев А.Б. Попов (Попов 3-й) Владимир Иоаннович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 482.

Сначала обратимся к строке адресата, где в большинстве случаев значились следующие сочетания: «господину председателю Государственной думы», «Председателю Исполнительного комитета Государственной думы», «председателю Временного исполнительного комитета», «Председателю Михаилу Владимировичу Родзянко». Эти фразы чаще всего встречались в адресной строке обращений от представителей православного духовенства.

Обратимся к самим текстам «писем во власть». Стоит сразу оговориться, что слова благодарности и признательности, в первую очередь, относятся к председателю ВКГД М.В. Родзянко, которого православное духовенство приветствовало как «первого гражданина России»¹, «великого борца за освобождение России»², «главного свободного народа»³, «великого героя»⁴, «одного из главных инициаторов и энергичных осуществителей новых, светлых, радостных начал возрожденной свободной Родины»⁵. Подчеркнем, что в своих телеграммах представители православного духовенства не раз характеризовали М.В. Родзянко как «вождя»⁶. В лице председателя ВКГД духовенство видело новую, обновленную, свободную Россию, с чувством восхищения следили за его работой, благодарили «за героические усилия»⁷, «за проявленное гражданское мужество»⁸. При анализе телеграмм с мест становится очевидным тот факт, что для православного духовенства народные представители (думцы) были героями⁹, «спасителями отечества»¹⁰, «борцам за свободу»¹¹, «лучшими сынами Родины»¹², «первыми правителями обновленной России»¹³, «создателями русской свободы»¹⁴, теми, кто сверг прежнее правительство, именно депутаты Думы совершили «подвиг на счастье» свободной России¹⁵. Небезынтересным представляется использование в обращениях от православного духовенства термина «вожди»¹⁶ по отношению к депутатам Государственной думы.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1292. ЛЛ. 57, 63, 115; Д. 1326. Л. 25.

² Там же. Д. 1286. Л. 118.

³ Там же. Д. 1334. Л. 94.

⁴ Там же. Д. 1292. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 1353. Л. 245.

⁶ Там же. Д. 1292. Л. 25; Д. 1326. Л. 25; Д. 1353. Л. 373.

⁷ Там же. Д. 1292. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 93.

⁹ Там же. Л. 101.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же. ЛЛ. 58, 81; Д. 1302. Л. 20; Д. 1307. Л. 201.

¹² Там же. Д. 1292. Л. 84.

¹³ Там же. Л. 131.

¹⁴ Там же. Д. 1307. Л. 157.

¹⁵ Там же. Д. 1292. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 1286. Л. 45.

Для православного духовенства имя председателя думского Комитета было связано с деятельностью Временного правительства¹, не отрицали они и роли ВКГД в создании новой власти². Именно через М.В. Родзянко они передавали свои горячие приветы и слова благодарности членам нового правительства³, так как верили «в окончательную победу <...> над старой властью»⁴, которая являлась «угнетательницей народа»⁵. Православное духовенство заявляло о верности Временному правительству, но при этом высказывало определенные условия для его функционирования и плодотворной работы. Представители съезда духовенства Ставропольской епархии в своем обращении высказывали надежду, что Временное правительство будет свободно от воздействия какой-либо партийной организации⁶. А священник Иоанн Севастьянов (председатель исполнительного комитета Садовской волости) настаивал на необходимости забыть о партийных расправах и следовать указаниями только Временного правительства⁷.

В телеграммах присутствует информация о соблюдении порядка в губерниях и уездах, данные о том, что происходило на местах. Председателя ВКГД информировали о состоявшихся выборах делегатов от духовенства в местные исполнительные комитеты⁸, собраниях местного духовенства⁹. В поступивших телеграммах от священников есть сведения о пожертвованиях хлеба¹⁰ и денег¹¹ для нужд армии, также заявлялось о готовности обеспечить столицу и другие города необходимым продовольствием¹².

В «письма во власть» от представителей православного духовенства содержатся сведения о популярности депутатов Государственной думы в марте 1917 г. среди населения России. Так, священник Выцков из села Корсовки 11 марта 1917 г. сообщал с сожалением М.В. Родзянко о том, что

¹ Там же. Д. 1292. ЛЛ. 5, 11.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. ЛЛ. 36, 40, 52, 61, 62, 63, 64, 79, 102.

⁴ Там же. Л. 87.

⁵ Там же. Л. 93.

⁶ Там же. Л. 108.

⁷ Там же. Д. 1341. Л. 46.

⁸ Там же. Д. 1292. ЛЛ. 2, 101.

⁹ Там же. ЛЛ. 49, 66, 75, 76, 82, 89, 101, 123.

¹⁰ Так, например, священник Александро-Невской церкви села Русского Пычаса Вятской губернии Сергей Скворцов в своем рапорте от 17 марта 1917 г. на имя председателя ВКГД доложил о готовности его прихожанами в знак выражения доверия Временному правительству пожертвовать для армии около 400 пудов хлеба, но просил оказать содействие в отправке хлеба в столицу (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1358. ЛЛ. 424 – 425а). М.В. Родзянко в своей ответной телеграмме поблагодарил священника и его прихожан, также уведомил о том, что ходатайство передано в Министерство земледелия (Там же. Л. 431).

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1307. Л. 177; Д. 1315. Л. 38.

¹² Там же. Д. 1255. Л. 150.

ему и гражданам села не удалось встретить и услышать думцев (в телеграмме они названы делегатами Государственной думы – Е.Г.): отца Филоненко¹, В.И. Дзюбинского², Н.О. Янушкевича³ и И.Н. Ефремова⁴, «чье горячее слово превратилось в великое дело»⁵.

На основе анализа поступивших «писем во власть» можно выделить ряд требований, которые выдвигались православным духовенством: в первую очередь, речь шла о продолжении войны до победоносного конца⁶, с заверением, что все силы должны быть направлены на сокрушение врага, в обращениях всячески подчеркивалось готовность православного духовенства работать и помогать правительству и армии. Еще одним пунктом был созыв Учредительного собрания⁷, которое выработает образ и форму правления в России, так как «новый государственный строй поведет дорогую родину по евангельским заветам любви, равенства и порядка»⁸. Третьим пунктом требований стал созыв Церковного собора⁹, который должен был определить положение православной церкви в России, а также защитить ее права и интересы. Встречались и единичные требования / предложения: преобразование духовного ведомства¹⁰, использование трезвости в качестве основы государственного строительства¹¹.

Заканчивали же свои приветственные телеграммы представители православного духовенства следующими фразами: «Да Здравствует Родзянко,

¹ Ф.Ф. Филоненко был комиссаром ВКГД И Временного правительства на Северном фронте в указанный период (Николаев А.Б. Филоненко Федор Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 646 – 647).

² С 6 и по 10 марта 1917 г. В.И. Дзюбинский был комиссаром ВКГД и Временного правительства на Северном фронте (Николаев А.Б. Дзюбинский Владимир Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 163 – 164).

³ И.Н. Ефремов с 6 марта был комиссаром ВКГД и Временного правительства на Северном фронте (Хайлова Н.Б. Ефремов Иван Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 188 – 189).

⁴ Н.О. Янушкевич с период с 6 и по 10 марта 1917 г. был комиссаром ВКГД и Временного правительства на Северном фронте (Николаев А.Б. Янушкевич Николай Осипович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 724 – 725).

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1300. Л. 12. Священник Выцков указал, что жители села Корсовки не были уведомлены о приезде думцев.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1285. Л. 140; Д. 1292. ЛЛ. 2, 16, 20, 21, 23, 24, 43, 44, 49, 61, 63, 65, 66, 68, 71, 73, 83, 86, 90, 95, 96, 101, 116, 117, 123, 125, 128, 137, 177; Д. 1302. Л. 20; Д. 1307. Л. 177; Д. 1313. Л. 67; Д. 1332. ЛЛ. 59, 95; Д. 1345. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 1302. Л. 20; Д. 1313. Л. 67; Д. 1326. Л. 26; Д. 1341. Л. 45.

⁸ Там же. Д. 1292. Л. 119.

⁹ Там же. ЛЛ. 71, 76, 98.

¹⁰ Там же. Л. 45.

¹¹ Там же. Д. 1259. Л. 19.

первый гражданин свободной России!»¹, «Да здравствует обновленная, свободная, сильная, богатая, просвещенная Святая Русь!»², «Да здравствует свободная Россия»³, «Да здравствует Государственная дума»⁴, «Да здравствуют народные представители»⁵, «Да здравствует Временное правительство»⁶, «Да здравствует демократическая республика»⁷, «Да здравствует Учредительное собрание»⁸, «Да здравствует будущий демократический, республиканский парламент»⁹.

Таким образом, «письма во власть» является ценным источником по истории революции 1917 года в России. В первую очередь, они позволяют утверждать, что и после Февральской революции думский Комитет в глазах православного духовенства продолжал оставаться важнейшим составляющим элементом механизма функционирования власти в России. Телеграммы, которые поступали от духовенства, несомненно, говорят и о популярности Думы и ее депутатов, особое место отводилось председателю ВКГД М.В. Родзянко как одному из активнейших участников Февральской революции, именно он был «первым гражданином свободной России». С помощью «писем во власть» можно выявить требования, которые выдвигались православным духовенством. Свести их можно к трем пунктам – доведение войны до победоносного конца, созыв Учредительного собрания и Церковного собора.

---

¹ Там же. Д. 1292. Л. 92.

² Там же. Л. 128.

³ Там же. Л. 40; Д. 1351. Л. 1; Д. 1351. Л. 1; Д. 1353. Л. 390 об; Д. 1345. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 1313. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 125.

⁶ Там же. Д. 1292. Л. 8.

⁷ Там же. Д. 1286. Л. 61.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 1292. Л. 78.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЕВРЕЕВ В 1917 Г. ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРЕЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru

Общество здравоохранения евреев (ОЗЕ, полное наименование – Общество охранения здоровья еврейского населения) было создано по инициативе группы еврейских общественных деятелей в 1912 г. в Петербурге. Изначально устав Общества определял в качестве основных задач, поставленных перед ОЗЕ, изучение санитарно-гигиенических условий жизни евреев, распространение среди них правильных гигиенических сведений, способствование научной постановке общественно-врачебного дела и вообще содействие охранению здоровья еврейского населения. Кроме того, Общество здравоохранения евреев стремилось создать единую общероссийскую еврейскую общественную службу здравоохранения, включая уже существовавшие общинные благотворительные организации и новые еврейские медицинские учреждения (например, Еврейская больница в Киеве; Еврейская детская больница в Варшаве). Вскоре ОЗЕ включило в круг своих обязанностей еще и попечение о детях дошкольного и школьного возраста (организация очагов, детских площадок, бесплатное снабжение грудных детей молоком, так называемая «Капля молока»).

В годы Первой мировой войны перед ОЗЕ встали новые задачи, изменившие прежнюю программу работы. Возникла необходимость оказания медико-санитарной поддержки еврейским беженцам и выселенцам в виде организации врачебно-питательных летучих отрядов (из врачей и медицинских сестер), которые организовывали поликлиники, передвижные больницы, дезинфекционные бани, кухни-столовые (большей частью для детей). В это же время ОЗЕ создавало дома инвалидов войны, общежития для беженцев, расширяло сеть детских лагерей, открывало очаги (ясли и так называемые детские площадки). В данной сфере ОЗЕ работало совместно с Центральным комитетом помощи жертвам войны (ЕКОПО), нередко получая от него финансирование на свою деятельность.

Кардинальные изменения политической ситуации в России, произошедшие в феврале – марте 1917 г., а также принятие «Постановления Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограни-

чений», стали вторым за время существования ОЗЕ (после 1914 г.) переломным моментом, который мог бы значительно повлиять на круг задач, стоявших перед организацией. Вопрос в том, насколько данные общественно-политические пертурбации оказали воздействие на работу ОЗЕ, учитывая, что сфера его деятельности, в отличие от того же ЕКОПО, в меньшей степени, казалось бы, зависела от политико-правовой ситуации в стране.

Как правило, в немногочисленных научных трудах, затрагивавших деятельность Общества здравоохранения евреев, события 1917 г. либо не упоминаются вообще¹, либо рассматриваются как период работы ОЗЕ без каких-либо значительных изменений в содержании работы, с отнесением проблемы преобразований к более позднему этапу². Чуть большее внимание проявившейся «политической» составляющей в работе ОЗЕ уделяется в статье М. Бейзера³ и трудах Г.М. Позина⁴, но подробно эту тему они не развивают, сосредоточившись на других аспектах.

Исправим это упущение, поскольку изменения в деятельности ОЗЕ в тот революционный год все-таки происходили, пусть и не столь масштабные, что были вызваны Первой мировой войной. Деятельность Общества здравоохранения евреев в 1917 году можно условно разделить на три направления: 1. Решение текущих, привычных проблем; 2. Участие в общих съездах, совещаниях, собраниях различных еврейских общественных и политических организаций (объединений); 3. Обсуждение на собственных съездах планов дальнейшей деятельности ОЗЕ и определение круга новых задач, поставленных перед Обществом изменившимися реалиями России 1917 г.

В первый постреволюционный месяц в прессе об ОЗЕ упоминали только в связи с участием членов данной организации в общих собраниях еврейских благотворительных учреждений. Например, в первом после революции заседании ЕКОПО 6 марта, где было принято решение начать подготовку к проведению Всероссийского еврейского съезда⁵. Или в со-

---

¹ Троцкий И.М. Самодеятельность и самопомощь русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Минск, 2002. С. 490 – 494; Туманова А. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Мировой кризис 1914 – 1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 124 – 141; Доценко В.О. Еврейский антипогромный рух в Україні 1917 – 1920-ті рр. // Гилея: научный вестник. 2014. № 89. С. 36 – 41.

² Некрич Г.Л. Хронология французской гуманитарной ассоциации ОЗЕ // Клиническая геронтология. 2006. Т. 12. № 4. С. 48 – 49.

³ Бейзер М. «Чтобы разогнулся согбенный еврей». Возникновение ОЗЕ: исторические обстоятельства и идеология основателей // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2017. С. 134 – 135.

⁴ Позин Г.М. ОЗЕ и дети // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. С. 329 – 330, 335; его же. Общество здравоохранения здоровья еврейского населения. Документы, факты, имена. СПб., 2007.

⁵ Еврейский съезд // Еврейская жизнь. 1917. № 12 – 13. С. 37.

единенном заседании всех еврейских политических партий и общественных организаций, состоявшемся 26 марта, посвященном все тому же вопросу – съезду¹.

Но в данных случаях речь шла скорее об активном отклике ЕКОПО на изменившиеся общественно-политические реалии. ОЗЕ, казалось бы, вело себя в новой ситуации совершенно безынициативно. Объяснение этому факту мы обнаруживаем в обращении, которое разослал Петроградский комитет Общества здравоохранения евреев к своим сотрудникам на места сразу после февральских событий 1917 г. В этом письме заявлялось, что ОЗЕ «было создано и питалось не только наличием еврейского бесправия, но, прежде всего, инстинктом самосохранения, и забота о народном здравии не исчезает при любом изменении политического строя страны». Поэтому Комитет ОЗЕ призвал сотрудников спокойно продолжать свою текущую работу на местах².

Однако во второй половине апреля Общество здравоохранения евреев все-таки созрело до обсуждения положения своей организации в новых общественно-политических условиях.

В прессе, причем как леворадикальной («Новый путь»), так и стоявшей на умеренно-национальных позициях («Еврейская неделя»), появилось объявление, что 23 апреля 1917 г. в Петрограде откроется конференция представителей отделений и уполномоченных ОЗЕ, представителей медико-санитарных комиссий для пересмотра основ работы и изменения ближайших задач Общества³. В заявленную программу конференции было включено три вопроса: о реорганизации ОЗЕ и отношении его к организуемым еврейским общинам; о предстоящих задачах Общества; о помощи увечным войнам.

Кроме того, в прессе вновь стали публиковаться сведения о текущих делах Общества. Например, об отправке медико-санитарных отрядов для оказания помощи беженцам в Киевской, Подольской и Волынской губерниях⁴.

Открытие конференции ОЗЕ состоялось 22 апреля. Мероприятие шло три дня, завершилось 24 апреля, и детально освещалось в еврейской прессе.

Конференцию открыл заместитель председателя Комитета Общества здравоохранения евреев адвокат Г.А. Гольдберг. В приветственной речи он отметил, что представители ОЗЕ в первый раз встречаются как свободные люди, что, опять же, подтверждало отсутствие более ранних, проведенных после Февральской революции собраний Общества, которые могли бы ка-

---

¹ Л. К созыву всероссийского еврейского съезда // Еврейская неделя. 1917. № 14 – 15. С. 48.

² М. С-ный. Роль ОЗЕ в организации общины // Еврейская неделя. 1917. № 26. С.10.

³ В Обществе охранения здоровья еврейского населения // Еврейская неделя. 1917. № 16. С. 31; Соповещение О.З.Е. // Новый путь. 1917. № 16. С. 22.

⁴ В Обществе охранения здоровья еврейского населения // Еврейская неделя. 1917. № 16. С. 31.

ким-то образом быть обойдены вниманием прессы. Избранный председателем конференции представитель Московского отделения ОЗЕ Е.И. Певзнер подчеркнул, что это собрание является предварительным и выработанные им постановления послужат лишь материалом для предстоящего съезда Общества. Но, как показали последующие события, решения, выработанные на этом совещании, были в дальнейшем приняты как основополагающие и без проведения общероссийского съезда ОЗЕ, который так и не был создан в 1917 г.¹

На конференции основной доклад на тему «Задача здравоохранения еврейского населения в свободной России» представил доктор М.М. Гран. После его выступления развернулась дискуссия вокруг вопроса «нужно ли сохранять в изменившихся политических условиях отдельную еврейскую общественную медицину». Сам М.М. Гран, и те, кто поддержали его мнение, выступали за компромиссное решение вопроса. Они отмечали тот факт, что деятельность ОЗЕ как при старом, так и при новом строе исходила из реальных жизненных условий еврейского населения, а не из политических лозунгов. Поэтому, несмотря на изменившиеся политические реалии и дарованные свободы, с одной стороны, следовало оставить в силе помощь развитию отдельной еврейской общественной медицины, создавая центральные и местные лечебно-санитарные учреждения, особо приспособленные к еврейским национально-бытовым нуждам. С другой стороны, предполагалось принимать активное участие в работе местных демократических общероссийских органов земского самоуправления, быть в тесной связке с ними. При этом и общероссийские, и особые еврейские медицинские учреждения должны были иметь право на дотации от государства, а также получать средства от общественных самоуправлений и самообложения евреев².

Противники этой позиции были как со стороны сионистов, принципиально включивших в свою программу особую еврейскую общественную медицину, так и среди бундовцев, исключивших из своей программы такую медицину и завивших, что это политический вопрос, и его может решить только Всероссийский еврейский съезд. При этом бундовцы подчеркивали, что в демократическом строе не должно быть отдельной еврейской общественной медицины³.

---

¹ М. Л-н. Конференция «Общества охранения здоровья еврейского населения» // Еврейская неделя. 1917. № 18. С. 27; Конференция Общества охранения здоровья еврейского населения // Новый путь. 1917. № 18 – 19. С. 27.

² М. Л-н. Конференция «Общества охранения здоровья еврейского населения» // Еврейская неделя. 1917. № 18. С. 28 – 29; Конференция Общества охранения здоровья еврейского населения // Новый путь. 1917. № 18 – 19. С. 28.

³ М. Л-н. Конференция «Общества охранения здоровья еврейского населения» // Еврейская неделя. 1917. № 18. С. 29; Конференция Общества охранения здоровья еврейского населения // Новый путь. 1917. № 18 – 19. С. 28.

В итоге по данному вопросу была принята резолюция, близкая к компромиссному варианту разрешения проблемы. «При пропаганде и осуществлении лозунга еврейского общественного здравоохранения следует иметь в виду все многообразие организации форм и возможности их применения соответственно местным условиям, провозглашая принцип основной роли в данной области государственных и общественных самоуправлений и самодеятельности еврейского населения»¹.

Вторым важным вопросом, поднятым на конференции, стала тема включения ОЗЕ в процесс реорганизации еврейских общин на демократических началах. В итоге было принято решение, что Общество здравоохранения евреев должно принять самое активное участие в зарождении и организации еврейских общин на демократических началах на основе всеобщего, без различия пола, равного, прямого и тайного избирательного права. При обязательном условии включения в задачи новообразованной общины сферы здравоохранения².

Кроме того, планировалось, что в дальнейшем, по мере оформления демократической еврейской общины, ОЗЕ должно было осуществить передачу ей своих учреждений на особо выработанных условиях. На этапе же переходного периода ОЗЕ следовало не только сохранить всю полноту активной деятельности по решению своего уже традиционного круга задач, но и развивать, наращивать свою работу. Вернувшись, таким образом, к рассмотрению текущих, повседневных проблем, на конференции обсудили и утвердили решения о более широком развитии деятельности на поприще дошкольного образования. О принятии мер к осуществлению всех видов помощи увечным войнам, больным беженцам, об открытии санаториев для больных туберкулезом и психическими заболеваниями³. На этом конференция завершилась.

Следует отметить, что ряд решений конференции сразу начал претворяться в жизнь. 26 апреля 1917 г. представители московского отделения ОЗЕ приняли участие в совещании общественных и политических организаций, посвященном процедуре реорганизации управления московской еврейской общины⁴. Собравшийся в мае 1917 г. на очередное заседание Ко-

¹ М. Л-н. Конференция «Общества охранения здоровья еврейского населения» // Еврейская неделя. 1917. № 18. С. 30.

² М. Л-н. Конференция «Общества охранения здоровья еврейского населения» // Еврейская неделя. 1917. № 18. С. 29 – 30; Конференция ОЗЕ // Еврейская жизнь. 1917. № 8. С. 30.

³ Бл. Конференция «Общества охранения здоровья еврейского населения» // Еврейская неделя. 1917. № 19 – 20 С. 36; Конференция Общества охранения здоровья еврейского населения // Новый путь. 1917. № 18 – 19. С. 29.

⁴ I. В Москве. Реорганизация московской общины // Еврейская неделя. 1917. № 18. С. 30.

митет ОЗЕ постановил, согласно принятой на конференции резолюции, содействовать всеми мерами организации еврейской общины на демократических началах, а также учредить попечительный совет для увечных воинов-евреев, содержащихся на средства Общества¹.

Отдав должное политической повестке дня, Общество здравоохранения евреев вернулось к решению текущих дел. Например, к устройству курсов для подготовки школьных врачей, на что было выделено 3 тыс. руб. Было открыто при содействии ОЗЕ в разных городах 24 летних колонии для 2400 детей. 28 мая 1917 г. в рамках программы по физическому развитию еврейского юношества в Петрограде был организован еврейский спортивно-гимнастический союз «Единение»².

Летом 1917 г. активных действий, кроме текущей работы, ОЗЕ не предпринимало. Лишь под конец августа ЦК ОЗЕ заявил о том, что приступает к организации районных совещаний для усиления своих учреждений по дошкольному воспитанию и по медико-санитарной помощи, а также для большего объединения своей работы с местными организациями. На конец сентября – начало октября 1917 г. планировалось провести в Петрограде съезд районных уполномоченных по дошкольному воспитанию и представителей делегатов от тех самых районных совещаний.

2 сентября состоялось первое после летнего перерыва заседание ЦК ОЗЕ, на котором не затрагивались ни политические вопросы, ни новая повестка дня, лишь было доложено о вернувшейся проблеме организации дела помощи еврейским беженцам в связи с последними событиями на фронте. И о том, что ОЗЕ успело и планирует для них сделать. В итоге собрание одобрило решение оказать помощь Особому совещанию по устройству беженцев, передав им часть своих врачебно-санитарных сил для оказания помощи жертвам войны без различия веры и национальности³.

1 – 7 октября 1917 г. прошло запланированное в конце августа, созванное ЦК ОЗЕ делегатское совещание сотрудников Общества здравоохранения евреев по вопросам дошкольного воспитания. На собрании был поднят три вопроса: о местных организациях по дошкольному воспитанию; об организации работы района и центра; о деятельности очагов в переходный период. И вновь основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о том, следует ли уже сейчас передавать дела ОЗЕ, в данном случае, дошкольное воспитание, в ведение городских и земских самоуправлений с созданными при них национальными секциями. Или стоит дождаться образования новых, построенных на демократических началах еврейских

---

¹ В ОЗЕ // Еврейская неделя. 1917. № 22. С. 27.

² Там же. С. 27 – 28; Открытие еврейского спортивно-гимнастического союза. В ОЗЕ // Новый путь. 1917. № 21 – 22. С. 27 – 28.

³ В ОЗЕ // Еврейская неделя. 1917. № 36 – 37. С. 19 – 20.

общин, и лишь потом уже именно на них возложить свои функции. В итоге, исходя из содержания принятой на совещании резолюции, победила первая точка зрения с элементами компромисса со вторым подходом. Городским и земским самоуправлениям позволялось взять в свое ведение дело дошкольного образования евреев, но при условии создания при них национальных секций. После же образования еврейских общин, созданных на демократических началах, дошкольное воспитание еврейских детей должно было быть передано под их (общин) контроль¹.

Стоит отметить, что осенью 1917 г., в рамках заявленных на апрельской конференции постановлений, члены ОЗЕ активно принимали участие в выборах Общинных советов, например, Петрограда и Москвы. Не забывали через прессу информировать о том, как справлялись с текущими делами: наибольшее количество упоминаний приходилось на сообщения об учреждении и содержании санаториев для больных туберкулезом и психическими расстройствами, а также о работе летучих отрядов ОЗЕ на фронте и в тылу страны².

Последнее в 1917 г. общее совещание ОЗЕ состоялось уже после октябрьского переворота, 4 декабря. Посвящено оно было юбилейной дате: 5-летию со дня образования Общества (собраться 28 октября, как планировалось ранее, не получилось). На собрании был представлен доклад о том, что успело сделать ОЗЕ на своем поприще. Также было оглашено сообщение о задачах еврейского здравоохранения в свободной России, по сути дела, были продублированы решения, принятые на апрельской конференции Общества здравоохранения евреев 1917 г. Ни события октября, ни какие-то новые задачи, связанные с процессами, происходившими осенью, не озвучивались и не комментировались³.

Таким образом, можно констатировать, что Общество здравоохранения евреев, хоть изначально и позиционировало себя как учреждение, далекое от сферы политики, имеющее узкую специализацию (еврейское здравоохранение, дошкольное, физическое воспитание, помощь детям и жертвам войны), не смогло в 1917 г. не быть затронутым сменой общественно-политических реалий жизни российского государства и общества. ОЗЕ было втянуто в обсуждение и частично в сам процесс строительства еврейских общин на новых демократических началах. Периодически оно ставилось перед выбором: слиться с общероссийскими органами самоуправления для совместных решений (без различия вер и национально-

¹ М.С. Совещание ОЗЕ по дошкольному воспитанию // Еврейская неделя. 1917. № 41. С. 10–12.

² См., напр.: В Москве. Перед выборами в общину // Еврейская неделя. 1917. № 40. С. 20; В Москве. К выборам в еврейскую общину // Новый путь. 1917. № 29. С. 24–25; [Б/а]. В Обществе охранения здоровья еврейского населения // Новый путь. 1917. № 29. С. 26.

³ В ОЗЕ // Еврейская неделя. 1917. № 47–48. С. 27–28.

стей) проблем в области здравоохранения и воспитания детей, или же идти по пути выстраивания своих обособленных национальных организаций, заведующих данными вопросами. Как правило, при столкновении мнений различных еврейских партий (бундовцы, сионисты и пр.¹), получивших благодаря событиям февраля – марта 1917 г. возможность открыто излагать свои программы и надеяться на реализацию в жизни своих политических планов, побеждал компромиссный подход. Общество здравоохранения евреев, в отличие от более политизированного ЕКОПО, старалось обходить слишком острые политические углы стороной, продолжая сосредотачивать основное внимание на своих первостепенных задачах.

**ИЗВОЗЧИКИ ПЕРЕД ВРЕМЕННЫМИ СУДАМИ (ПЕТРОГРАД,
МАРТ – ИЮЛЬ 1917 Г.): ЗА ЕЗДУ БЕЗ НОМЕРОВ, НА БОЛЬНЫХ
ЛОШАДЯХ, В ПЬЯНОМ СОСТОЯНИИ, ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ
МИЛИЦИОНЕРОВ, НАРУШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТИШИНЫ И
НЕОСТОРОЖНУЮ ЕЗДУ**

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Министр юстиции А.Ф. Керенский своим приказом № 2 от 3 марта 1917 г. создал временные суды в Петрограде, которые должны были «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими»². Можно утверждать, что на скамье подсудимых временных судов могли оказаться и легковые извозчики.

В отечественной историографии о преследовании извозчиков во временных судах, которые просуществовали с марта по июль 1917 года включительно, не упоминалось. Вместе с тем о легковых извозчиках и их преследовании за нарушения извозного промысла в дореволюционный пе-

¹ На рубеже XIX – XX вв. интересы еврейского народа представляли 10 еврейских политических партий: Бунд, Еврейская народная группа, Еврейская народная партия, Еврейская независимая рабочая партия, Еврейская территориалистическая рабочая партия, Поалей-Цион, Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП), Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), Союз достижения равноправия для евреев России и Трудовая сионистская партия Цейре-Цион.

² Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта; Приказы министра юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 50 – 51.

риод отечественные исследователи писали. Так, например, М. Вострышев замечает в своей работе, что до революции извозчиков за быструю езду присуждали по ст. 123 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹, которая предусматривала арест не свыше 7 дней или денежное взыскание не свыше 25 рублей. В этой же статье Устава о наказаниях говорилось об управлении лошадьми пьяными извозчиками, которые подвергались такому же наказанию².

Для раскрытия темы исследования использовались разнообразные источники. В частности, необходимо было установить нормативно-правовую базу, на основе которой регламентировался извозный промысел в Петрограде накануне Февральской революции. Можно утверждать, что извозный промысел регулировался обязательным постановлением Санкт-Петербургской городской думы, которое вступило в силу с 1 мая 1876 г. Первый раздел его был посвящен легковому извозу³.

Регламентация деятельности извозчиков осуществлялась и приказами градоначальника, целая серия которых была издана, например, в 1909 году⁴. Всего в этом году было опубликовано 6 приказов, в которых речь шла о легковых извозчиках. Среди них, в частности, «об усилении надзора за точным исполнением легковыми извозчиками обязательного постановления о езде по городу» (приказ от 24 июля 1909 г. за № 157)⁵. Определенный интерес представляет «Отчет С.-Петербургского градоначальства за 1909 год», в котором сообщается о полномочиях полиции в вопросе регулирования извозного промысла. В частности, указывались нарушения, за которые следовали задержания и штрафы в административном порядке. Им подвергались извозчики, которые не соблюдали обязательного постановления Санкт-Петербургской городской думы об извозном промысле и обязательного постановления градоначальника о безопасности на улицах столицы. Задержанию и ответственности подвергались

---

¹ Вострышев М. Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860 – 1920-е годы. М., 2004. С. 106.

² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извлечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 274.

³ О производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных каретах // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции. 1876. 16 апреля. См. также: Сборник обязательных для городских жителей постановлений, изданных С.-Петербургской городской думой, на основании ст. 108 и последующих статей Городового положения, высочайше утвержденного 16 июня 1870 (Св. Зак. Т. 2, ч. 1, ст. 2050 и последующие). СПб., 1883. С. 39 – 45.

⁴ Отчет С.-Петербургского градоначальства за 1909 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. СПб., 1911. С. 53 – 54.

⁵ Там же. С. 53.

лица, замеченные «в езде по городу без установленных жестянок»¹. Задерживались легковые извозчики, которые ездили на больных лошадях и в неисправных экипажах². В отчете указывалось, что неосторожная езда преследуется по суду, но в том случае, если нарушено обязательное постановление градоначальника о безопасности на улицах столицы, то тогда виновный привлекается и к административной ответственности³.

С началом Первой мировой войны власти вновь обратили внимание на легковой извозный промысел. Так, в обязательном постановлении градоначальника от 14 сентября 1914 г. есть раздел IV «О безопасности движения на улицах», в котором говорилось и о легковых извозчиках⁴. Приказом от 19 сентября 1916 г. петроградский градоначальник, «за отменой в текущем году (1916 – А.Н.) осмотров легковых извозчицких экипажей», ввел новый порядок выдачи номерных жестянок и предложил чинам полиции «иметь постоянный надзор за исправным их состоянием при езде по городу и, в случае неисправности экипажа, лошади или принадлежности закладки, снимать номерные жестянки, которые препровождать в Полицейский резерв»⁵. 17 октября Петроградский градоначальник подписал составленное Петроградской городской думой изменение § 2 обязательного постановления об извозном промысле от 16 апреля 1876 г., согласно которому извозным промыслом теперь могли заниматься «лица женского пола»⁶.

Некоторый интерес представляют публицистические произведения, относящиеся к дореволюционному периоду. Петербургский писатель, сотрудник «Петербургского листка» и «Петербургской газеты» Н.Н. Животов в своем физиологическом очерке⁷ «На извозчицких козлах», рассказывая о том, как он работал извозчиком, упомянул о том, что городской мог

---

¹ Там же. С. 46.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 46.

⁴ Обязательное постановление, изданное 19 сентября 1914 года петроградским градоначальником, на основании ст. 18. и п. 1 ст. 19 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении // Сборник некоторых обязательных постановлений по г. Петрограду: За время с 19 сентября 1914 г. по 27 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 10.

⁵ Приказ по Петроградскому градоначальству и столичной полиции, 19 сентября 1916 г., № 203 // Ведомости Петроградского градоначальства. 1916. 20 сентября.

⁶ Составленные Петроградской городской думой, согласно ст. 99 Положения 8-го июня 1903 года и изданные мной, на основании ст. 101 того же Положения, порядком, определенным ст. 424 Общ[его] учр[еждения] губ[ернского], изменения §§2 и 26 обязательного постановления об извозном промысле от 16-го апреля 1876 года, 17 октября 1916 года // Ведомости Петроградского градоначальства. 1916. 18 октября.

⁷ См.: Исупов К.Г. Петербургский тезаурус. Физиология Петербурга // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 199.

записать номер за остановку в неполюженном месте¹ и оштрафовать легкового извозчика за это нарушение на 2 – 3 рубля², а дворник – отправить в полицейский участок, записать номер и т.д.³

Любопытные сведения о легковых извозчиках дореволюционного периода содержатся в воспоминаниях жителей Петербурга конца XIX – начала XX вв. Например, П.А. Пискарев и Л.Л. Урлаб приводят факты, когда извозчики совершали правонарушения: не давали сдачи и обирали пьяных седоков⁴. Какую ответственность несли легковые извозчики за эти правонарушения Пискарев и Урлаб не сообщали.

В дни Февральской революции извозный промысел в Петрограде не осуществлялся. Он был восстановлен с 4 марта 1917 г. распоряжением общественного градоначальника В.А. Юревича⁵.

Фактологическая сторона преследования легковых извозчиков во временных судах раскрыта, главным образом, на основе милицейских суточных рапортов и отчасти протоколов, которые отложились в фонде 131 (Петроградская городская народная милиция) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). При работе с суточными рапортами подрайонных комиссариатов выяснилось, что комиссариат 1-го Адмиралтейского подрайона направлял некоторые протоколы с обвинениями извозчиков в XXI временный суд⁶. Но на этот подрайон распространялась территориальная подсудность I временного суда. Почему нарушалась подсудность временных судов? Дело в том, что собрание временных судей 7 июня 1917 г. определило закрыть I временный суд, а дела по 1-му подрайону Адмиралтейского района передать в XXI временный суд. Эти меры приводились в исполнение с 12 июня 1917 г. Заметим, что и после 12 июня I временный суд еще работал. В одном из документов сообщалось, что в производство этого суда по 17 июня поступило 774 дела⁷. Среди делопроизводственных документов обращают на себя внимание суточные рапорты комиссара 1-го Спасского подрайона, в которых указывается, что милицейские протоколы с обвинениями извозчиков направлены в Ми-

¹ Животов Н.Н. Петербургские профили: На извозчицких козлах. Шесть дней в роли извозчика. СПб., 1894. Вып. 1. С. 4.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 4, 17, 18.

⁴ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века / Сост., вступ. статья и коммент. А.М. Конечного. СПб., 2007. С. 116.

⁵ РНБ. Фл / 1 (Петроградское общественное градоначальство. Объявление петроградского общественного градоначальника. № 3: [листовка]. 4 марта 1917).

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 16. Д. 16. ЛЛ. 47, 52, 50 об., 59 об.

⁷ См.: Николаев А.Б. Из истории временных судов (Петроград, 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Научно-теоретический журнал. 2009. № 2. С. 233.

ровой суд¹ и Мировой суд 21-го района². Речь в данных случаях идет, конечно, о XXI временном суде, т.к. мировые суды во время функционирования временных судов рассматривали только гражданские дела³.

Привлекались также материалы петроградской периодической печати 1917 года. В прессе сообщалось о нарушениях, которые совершали извозчики, и содержались сведения о судебном их преследовании во временных судах крайне редко⁴.

С момента восстановления извозного промысла в Петрограде 4 марта 1917 года извозчики стали совершать различные правонарушения, за которые они оказывались на скамье подсудимых во временных судах.

Привлечение легковых извозчиков к ответственности за отсутствие номеров или использование устаревших номеров

Насколько можно понять по суточному рапорту комиссара 1-го Спасского подрайона, у легковых извозчиков номера («жестянки») действовали по 1 июня⁵, а со 2 июня они должны были пользоваться новыми номерами. Вместе с тем в милицеских суточных рапортах встречались случаи привлечения к ответственности извозчиков за это нарушение и ранее окончания срока действия номера. Так, в суточном рапорте за 26 – 27 мая комиссариата 1-го Александрo-Невского подрайона содержатся сведения о задержании извозчиков Каракозова, Анифимова, Иванова и Петипа «за езду со старой жестянкoй»⁶. 30 мая комиссар того же подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о задержании извозчика Фомина «за езду со старым номером»⁷. Протоколы о задержании извозчиков направлены, видимо, во II временный суд⁸. Заметим, что задержания до окончания срока действия

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 23.

² Там же. ЛЛ. 36 об., 56 об.

³ См. подробн.: Николаев А.Б. К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2009. С. 37 – 38.

⁴ См., напр.: Хроника // Новое время. 1917. 20 июля; Четыре месяца тюрьмы за хулиганство. Эпилог стрельбы на Знаменской площади / Изо дня в день // Петроградская газета. 1917. 20 июля.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 66. Номерные жестянки для легковых извозчиков, действовавшие с 1 июня 1916 г. по 1 июня 1917 г., были малинового цвета с белыми цифрами (Приказ по Петроградскому градоначальству и столичной полиции, 29 марта 1916 г., № 71 // Ведомости Петроградского градоначальства. 1917. 30 марта).

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 32. Л. 18 об.

⁷ Там же. Л. 21 об.

⁸ Там же. ЛЛ. 18 об. – 21 об. В этих суточных рапортах номер Временного суда отсутствует, кстати, как и в подавляющем большинстве других случаях. Вместе с тем в некоторых других рапортах указано, что протокол препровожден во II временный суд (Там же. ЛЛ. 9, 10, 14 об., 17, 33, 74 об.). Ни разу не указан в протоколах III временный суд, территориаль-

прошлогодних «жестянок» легковых извозчиков и препровождение их во Временный суд выявлены только в 1-м Александро-Невском подрайоне.

В суточном рапорте за 26 – 27 мая комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской городской милиции о задержании «за езду без жестянки» извозчика Куклика. Протокол о задержании направлен во II временный суд¹. 27 мая в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Алексея Грачева за езду «без номерного знака». Протокол направлен в XXI временный суд². 30 мая комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о задержании извозчика Задровского «за езду по городу без номера»³. На следующий день комиссар того же подрайона сообщал о задержании Корнеева «за езду по городу без номера»⁴. Протоколы направлены во II временный суд. 3 июня в комиссариате 2-го Московского подрайона составлен протокол на извозчика Воробьева «за езду без номера», направленный в XII временный суд⁵. В этот же день милиционеры 1-го Спасского подрайона отобрали просроченные «жестянки» у 9 извозчиков. Протоколы с отображенными «жестянками» направлены в XXI временный суд⁶. 4 июня в комиссариате того же подрайона составлены протоколы по обвинению извозчиков Владимира Гавриловича Румянцева «за езду по городу со старым номером», Дулитова и Ивана Степановича Щербатина «за езду по городу без установленного номера»⁷. 14 июня в комиссариате того же подрайона составлен протокол на извозчика Петра Якушина за езду «без номера»⁸. Протоколы на Румянцева, Дулитова, Щербатина и Якушина направлены в XXI временный суд. В этот же день комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал в рапорте о задержании извозчика Аксенова «за езду по городу» без номера⁹; 17 июня – о задержании «за езду по городу со старой жестянкой» извозчиков Сорокина, Коротина, Григорьева, Юдина, Богданова, Калинина, Подовинчикова, Беляева, Талинского и Скворцова¹⁰; 19 июня – о задержании «за езду со старой жестянкой» извозчиков Василия Трубина,

---

ная подсудность которого тоже распространялась на Александро-Невский район. Иначе говоря, 1-й Александро-Невский подрайон находился на территории, которая была подсудна II временному суду.

¹ Там же. Л. 18 об.

² Там же. Д. 211. Л. 59 об.

³ Там же. Д. 32. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Д. 119. Л. 38.

⁶ Там же. Д. 211. Л. 66.

⁷ Там же. Л. 67 об.

⁸ Там же. Л. 77 об.

⁹ Там же. Д. 32. Л. 35.

¹⁰ Там же. Л. 38.

Максима Сергеева, Максима Рослякова, Антона Остафьева, Степана Лобкова и за езду без номера Ивана Ильина¹; 22 июня – о задержании у Николаевско-го вокзала за езду со старым номером извозчиков Николая Меньшикова, Калимулу Утяшева и Андрея Касимова²; 7 июля – о составлении акта на извозчика Шекирдзяна Бойкеева «за езду по городу без номера»³; 22 июля – о составлении акта на извозчика Андрея Осечкина «за езду со старой жестяной»⁴; 24 июля – о составлении акта на извозчика Сергея Фокичева за выезд со старым номером⁵. Протоколы на извозчиков препровождены во II временный суд.

Протоколы составлялись и по обвинению сразу в двух правонарушениях, во-первых, за езду со старым номером или без него и за неосторожную езду по городу; во-вторых, за езду со старым номером или без него и за нанесения ущерба другим участникам дорожного движения. Так, 27 июня комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о составлении акта на Семена Латонина «за езду без номера и за поломку колеса у извозчика Георгия Ермакова»⁶, а 28 июня – о задержании на Знаменской пл. извозчика Федора Кононова «за езду со старой жестяной и за неосторожную езду»⁷, 24 июля – о составлении акта на извозчика Николая Николаева «за неправильную езду» и без номера⁸. Протоколы направлены, видимо, во II временный суд.

Заметим, что милицейская практика в вопросе о задержании легковых извозчиков за езду с устаревшими номерами или вообще без номеров в полной мере не была связана с дореволюционными нормативно-правовыми актами управления, а точнее – с приказом по Петроградскому градоначальству и столичной полиции от 19 сентября 1916 г. за № 203, который устанавливал срок действия номеров по 1 июня. Доказательством этому утверждению служат задержания 5 извозчиков в конце мая 1917 года в 1-м Александро-Невском подрайоне. Любопытно, что протоколы в комиссариатах по указанным правонарушениям в марте – июле 1917 года составлялись только на легковых извозчиков, их и направляли во временные суды. Вместе с тем до революции административную ответственность за езду с устаревшими номерами или без номеров несли как извозчики, так и извозопромышленники. Штрафы накладывались на них петроградским градоначальником. Теперь же этим должны были заниматься временные суды.

¹ Там же. Л. 39.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. Л. 58 об.

⁴ Там же. Л. 72 об.

⁵ Там же. Л. 74 об.

⁶ Там же. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 49.

⁸ Там же. Л. 74 об.

Привлечение легковых извозчиков к ответственности за езду на больных лошадях, истязание лошадей и оставление их без присмотра

В суточном рапорте комиссара 1-го Спасского подрайона за 24 апреля есть краткая запись: «жестокое обращение с лошадыю». Можно лишь предположить, что речь идет о жестоком обращении легкового извозчика с лошадыю. Но извозчик мог быть и ломовым. Дознание, проведенное в комиссариате, направлено в суд¹. 13 мая в комиссариате 2-го Московского подрайона составлен протокол на Маркова по обвинению его в езде на больной лошади. Протокол направлен в XII временный суд². 21 мая в комиссариате 1-го Петроградского подрайона составлен протокол по заявлению С.В. Иванова на извозчика Егора Афанасьевича Осипова, который ездит на больной лошади. Протокол направлен во Временный суд³. 12 июня в комиссариат 3-го Литейного подрайона поступило заявление прапорщика 9-го запасного кавалерийского полка А. Лайкуна об истязании извозчиком Иваном Серовым лошади. Протокол направлен в X временный суд⁴. 20 июня в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Болеслава Платача (жестянка № 3264) «за езду на больной лошади». Протокол направлен в XXI временный суд⁵. В суточном рапорте за 13 июля комиссара 2-го Казанского подрайона говорится о том, что в комиссариат был доставлен Василий Феоктистович Соловьев «за езду на сильно замороженной искалеченной лошади». Протокол препровожден в VIII временный суд⁶. 18 июля комиссар 3-го Спасского района сообщал в рапорте о заявлении Александра Красне об истязании извозчиком К. Ложкиным (№ 2843) лошади. Протокол № 1765, составленный по этому заявлению, направлен в XX временный суд⁷. Крайне редко на извозчиков составлялись протоколы за оставление лошади без присмотра. О таком случае сообщал комиссар 2-го Московского подрайона в рапорте за 17 и 18 июня. Протокол, составленный на извозчика Мельникова, направлен в XII временный суд⁸. 9 июля в комиссариат 1-го Адмиралтейского подрайона явился солдат 3-го Прибалтийского полка Д. Кондратенко, проживающий по Владимирской ул., д. № 1, который заявил, что лошадь извозчика И.Е. Ионова (бляха № 1917) «укусила его». Протокол, составленный по за-

¹ Там же. Д. 211. Л. 24 об.

² Там же. Д. 119. Л. 18.

³ Там же. Д. 173. Л. 71. В заявлении речь шла и о владельце лошади (извозпромышленнике).

⁴ Там же. Д. 111. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 211. Л. 83 об.

⁶ Там же. Д. 74. Л. 94.

⁷ Там же. Д. 220. Л. 76 об.

⁸ Там же. Д. 119. Л. 54.

явлению Кондратенко, 10 июля был направлен в XXI временный суд¹. Можно предположить, что в данном случае речь идет о лошади, оставленной без присмотра, которая и укусила солдата Кондратенко.

До революции обращение с лошадьми регулировалось обязательным постановлением Санкт-Петербургской городской думы об извозном промысле 1876 г. Согласно § 16 этого постановления извозчики обязаны были содержать лошадей в исправности². В годы Первой мировой войны этому вопросу тоже уделялось внимание. Петроградский градоначальник приказом за № 154 от 15 июля 1916 г. вновь подтвердил всем чинам полиции обязанность точно исполнять его приказ от 23 февраля 1916 г. за № 42 о защите лошадей «от жестокого обращения возчиков»³. Несомненно, что эти приказы – от 23 февраля и 15 июля 1916 г. – имели непосредственное отношение к ломовым извозчикам, но могли применяться и к легковым извозчикам. Подчеркнем, что до революции легковые извозчики наказывались за жестокое обращение с лошадьми в административном порядке петроградским градоначальником. Какие приговоры выносили временные суды по этим делам неизвестно.

Привлечение легковых извозчиков к ответственности за выход на работу в пьяном состоянии

В суточных милицейских рапортах есть сведения о легковых извозчиках, которые находились на работе в пьяном виде. Так, 10 мая милицией 1-го Литейного подрайона задержан извозчик Алексеев (№ 1711) за появление на улице в нетрезвом виде. Протокол на извозчика направлен во Временный суд⁴. 17 мая в 11 час. 30 м. вечера в комиссариат 3-го Казанского подрайона был доставлен извозчик Андрей Паддур «в сильно нетрезвом состоянии». При осмотре пролетки были найдены следующие вещи: «под сидением бумажник со 169 рублями и с карточкой на сахар, ¼ ведра денатурированного спирта, стакан, 9 десятков папирос и вареное яйцо». Кроме этого, в кармане у извозчика был «бумажник с шестью рублями и 8 коп.». Протокол, составленный в комиссариате, с задержанным и найденными вещами препровожден в VIII временный суд. В рапорте ука-

¹ Там же. Д. 16. Л. 52.

² О производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных каретах // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции. 1876. 16 апреля. См. также: Сборник обязательных для городских жителей постановлений, изданных С.-Петербургской городской думой, на основании ст. 108 и последующих статей Городового положения, Высочайше утвержденного 16 июня 1870 (Св. Зак. Т. 2, ч. 1, ст. 2050 и последующие). СПб., 1883. С. 42.

³ Приказ по Петроградскому градоначальству и столичной полиции, 15 июля 1916 г., № 154 // Ведомости Петроградского градоначальства. 1916. 16 июля.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 103. Л. 11.

зано, что «лошадь и пролетка переданы владельцу легкового извоза»¹. 1 июня комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о составлении акта «на извозчика № 8293 за езду в нетрезвом виде»²; 26 июня о составлении акта на доставленного в комиссариат нетрезвого извозчика Федора Говора³; 27 июня – на нетрезвого извозчика Петра Моисеева⁴. По вытрезвлении извозчики освобождены, а протоколы (акты) направлены во II временный суд. 17 июля в комиссариат 2-го Спасского подрайона доставлен извозчик Яков Шитов, «в нетрезвом виде ехавший в пролетке». Шитов препровожден «по месту жительства», а протокол на него – в IX временный суд⁵. 22 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о задержании в нетрезвом виде извозчика Аникина⁶, а 27 июля – извозчика Ивана Ефимова⁷. Протоколы направлены, видимо, во II временный суд.

Извозчики привлекались к ответственности и за то, что, находясь в пьяном виде, оскорбляли граждан и милиционеров, буйствовали. Так, 3 июня комиссар 1-го Петроградского подрайона рапортовал начальнику Петроградской милиции о том, что извозчик Василий Семенович Варюшин был задержан «за пьянство и оскорбление». Дело направлено во Временный суд⁸. 2 июля в комиссариате 1-го Адмиралтейского подрайона был составлен протокол за № 26 о задержанном извозчике (№ 56-30) М.Г. Махирине, проживающего по Сергиевскому пер., д. № 14, который «будучи в нетрезвом виде ругал неприличными словами проходившую публику». Протокол вместе с задержанным извозчиком в этот же день был направлен в XXI временный суд⁹. 6 июля милицией 2-го Казанского подрайона был задержан извозчик Александр Иванов «за появление на улице в нетрезвом виде и буйства». Протокол на извозчика препровожден в VIII временный суд¹⁰. В ночь на 12 июля в комиссариат 1-го Александро-Невского подрайона доставлен извозчик Иван Мештуков «за буйство в нетрезвом виде». Акт, составленный в комиссариате, направлен, видимо, во II временный суд¹¹. 15 июля комиссар 3-го Казанского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о задержании извозчика Григория Михеева (№ 1771), проживающего по

---

¹ Там же. Д. 78. Л. 45.

² Там же. Д. 32. Л. 23 об.

³ Там же. Л. 46 об.

⁴ Там же. Л. 45 об.

⁵ Там же. Д. 216. Л. 36.

⁶ Там же. Д. 32. Л. 73 об.

⁷ Там же. Л. 77 об.

⁸ Там же. Д. 173. Л. 90.

⁹ Там же. Д. 16. Л. 47.

¹⁰ Там же. Д. 74. Л. 87.

¹¹ Там же. Д. 32. Л. 62.

Воронежской ул., д. 86 – 88. Извозчик, «будучи в нетрезвом виде, производил шум на улице и ругал пришедшего милиционера». Составленный протокол препровожден в VIII временный суд¹. В рапорте за 21 июля комиссар 1-го Петроградского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о составлении протокола на извозчика Ф.П. Фомушкина («жест[янка] за № 6251») «за выезд в пьяном виде и буйство». Комиссар писал, что Фомушкин отправлен в Петровский арестный дом «для вытрезвления и последующего направл[ения] во Временный суд»². 21 июля в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Афанасия Яковлевича Куликова за появление на углу Невского пр. и Екатерининской ул. «в явно нетрезвом состоянии» и буйство. Куликов по вытрезвлении отпущен, а протокол направлен в XXI временный суд³.

В дореволюционный период за выход извозчика на работу в пьяном состоянии наступала ответственность, о которой было указано в постановлении Санкт-Петербургской городской думы об извозном промысле 1876 г. Согласно § 13 этого постановления содержатели извоза несли «ответственность за трезвое поведение» своих извозчиков, а в § 17 указывалось, что извозчики должны быть трезвы⁴. До Первой мировой войны извозчик за выезд в «явно нетрезвом состоянии» / «пьяном виде» нес ответственность по ст. 123 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и подвергался «аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей»⁵. Наказание вроде бы должно было возрасти с изданием обязательного постановления петроградского градоначальника от 19 сентября 1914 г., п. 2 раздела XVII которого запрещал появление в публичном месте в нетрезвом виде. Виновные в нарушении этого постановления должны были подвергаться в административном порядке заключению в тюрьму или крепости сроком на три месяца или аресту на тот же срок или денежному штрафу до 3000 руб.⁶ Закон от 10 июля 1915 г. содер-

¹ Там же. Д. 78. Л. 108.

² Там же. Д. 173. Л. 179 об.

³ Там же. Д. 211. Л. 114 об.

⁴ О производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных каретах // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции. 1876. 16 апреля. См. также: Сборник обязательных для городских жителей постановлений, изданных С.-Петербургской городской думой, на основании ст. 108 и последующих статей Городового положения, Высочайше утвержденного 16 июня 1870 (Св. Зак. Т. 2, ч. 1, ст. 2050 и последующие). СПб., 1883. С. 42.

⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извлечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 274.

⁶ Обязательное постановление, изданное 19 сентября 1914 года петроградским градоначальником, на основании ст. 18. и п. 1 ст. 19 правил о местностях, объявленных состо-

жал более мягкие наказания за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения: в первый раз виновные подвергались «аресту на время от семи дней до двух недель или денежному взысканию от двадцати пяти до пятидесяти рублей» (п. VII)¹.

Известен лишь один приговор, вынесенный Временным судом извозчику по «пьяному делу». В суточном рапорте комиссара 3-го Московского подрайона за 8 мая 1917 г. сообщалось о задержании «в безобразно пьяном виде» извозчика Никиты Князева, проживающего по Лиговской ул., д. 204. Протокол на него был передан в XII временный суд, который приговорил его к штрафу в 20 руб. с заменой, в случае несостоятельности, арестом на 4 дня². Наказание, вынесенное извозчику Князеву, говорит о том, что он понес ответственность по ст. 123 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Судя по всему, обязательные постановления петроградского градоначальника от 19 сентября 1914 г. и закон от 10 июля 1915 г. к легковым извозчикам, находившимся на работе в нетрезвом виде, не применялись.

Привлечение легковых извозчиков к ответственности за оскорбление и отказ подчиняться распоряжениям милиционеров

В суточном рапорте за 17 – 18 мая комиссара 1-го Александроневского подрайона указано: «Доставлен легковой извозчик Маметов за оскорбление милиционера». Маметов был отпущен «под расписку явиться в суд»³. 3 июня милиционер Гирц доставил в комиссариат 3-го Спасского подрайона извозчика Кучерова (№ 1582) «за грубое обращение и непослушание милиционеру». Дело направлено в VI временный суд⁴. 4 июня в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол по обвинению извозчика № 3073 Антона Степановича Кошица «в неисполнении требования и оскорблении милиционера». Протокол направлен в XXI временный суд⁵. 10 июня комиссар I Александроневского подрайона сообщил начальнику Петроградской милиции о составлении акта «за оскорбление извозчиком милиционера». Дело направлено, видимо, во II временный

ящими на военном положении // Сборник некоторых обязательных постановлений по г. Петрограду: За время с 19 сентября 1914 г. по 27 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 18.

¹ Об ответственности за некоторые нарушения постановлений уставов об акцизных сборах и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый (далее – СУ). 1915. 16 июля. № 204. Ст. 1604.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 38 об.

³ Там же. Д. 32. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 220. Л. 43.

⁵ Там же. Д. 211. Л. 67 об.

суд¹. 17 июня в 1 ½ ч. ночи в комиссариате Коломенского района составлен протокол на легкового извозчика Егорова за оскорбление милиционера. Протокол передан в IX временный суд². 19 июня комиссар того же района сообщал в суточном рапорте за 16/17 июня о составлении протокола на извозчика «за неподчинение распоряжениям дежурного милиционера». Протокол на извозчика направлен в IX временный суд³. 22 июня комиссар I Александро-Невского подрайона рапортовал о задержании извозчика Ивана Ефимова за оскорбление милиционера. Акт на Ефимова был направлен, видимо, во II временный суд⁴. 23 июня комиссар Коломенского района писал в суточном рапорте о составлении протокола на извозчика Ивана Александрова (№ 5626), проживающего по Лейхтенбергской ул., д. 29, «за непослушание и дерзкие ответы милиционеру Коломенского комиссариата Исааку Вальштейну». Протокол на Александрова направлен в IX временный суд⁵. 29 июня комиссар I Александро-Невского подрайона сообщал о задержании извозчика Ильи Шишкова «за ругань на Знаменск[ой] пл. и неисполнение требования милиционера»⁶; 2 июля – о задержании извозчика «за неисполнение требования милиционера и за ругань»⁷. В 22 ч. 5 июля был задержан милицией 1-го Александро-Невского подрайона извозчик Яков Жердиляев «за буйство у Никол[аевского] вокз[ала] в нетрезвом виде и за отказ подчиняться требованиям милиционера», о чем был составлен акт⁸. 6 июля комиссар того же подрайона сообщил начальнику Петроградской милиции о заявлении помощника комиссара Осипова, «об оскорблении его извозчиком Иваном Красновым и не пожелавшего подчиниться приказанию не мешать проезду артиллерии с казаками»⁹; 10 июля – о задержании извозчика Сергея Копышена «за оскорбление милиционера»¹⁰; 12 июля – о задержании извозчика Ивана Вязинова «за отказ исполнить приказание комиссара»¹¹. Акты на этих извозчиков препровождены, видимо, во II временный суд. В комиссариат 2-го Спасского подрайона 12 июля был доставлен извозчик Терентий Мелентьев, назвавший милиционера «фараоном». Протокол на Мелентьева

¹ Там же. Д. 32. Л. 32 об. Фамилия извозчика в рапорте отсутствует.

² Там же. Д. 82. Л. 21 об. Фамилия милиционера в рапорте написана неразборчиво.

³ Там же. Л. 22 об.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 43.

⁵ Там же. Д. 82. Л. 29 об.

⁶ Там же. Д. 32. Л. 49 об.

⁷ Там же. Л. 51 об. Фамилия извозчика в рапорте отсутствует.

⁸ Там же. Л. 55.

⁹ Там же. Л. 55.

¹⁰ Там же. Л. 60 об.

¹¹ Там же. Л. 62.

направлен в IX временный суд¹. 14 июля в комиссариате 1-го Петроградского подрайона составлены протоколы на легковых извозчиков № 5136 и № 6176 «за неисполнение приказаний старших милиционеров и оскорбление милиционера Шабана». Дело направлено во Временный суд². 17 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщил начальнику Петроградской милиции о задержании извозчиков Егора Ишунина «за оскорбление и неисполнение приказа милиционера» и Тихона Савенкова «за оскорбление и отказ подчиниться требованию милиционера». Акты, составленные в комиссариате, вместе с задержанными извозчиками были направлены во Временный суд³. 17 июля комиссар Коломенского района сообщал о составлении протокола «на извозчика за неподчинение распоряжениям дежурного милиционера». Протокол направлен в IX временный суд⁴. 18 июля комиссар I Александро-Невского подрайона рапортовал начальнику Петроградской городской милиции о составлении акта на извозчика Александра Панкратова «за отказ подчиниться приказанию милиционера»⁵; 20 июля – о задержании извозчика Дмитрия Воронина «за неподчинение требованию милиционера»⁶. Акты на Панкратова и Воронина из комиссариата препровождены, видимо, во II временный суд. 22 июля в комиссариат 2-го Нарвского подрайона доставлен извозчик Михаил Аббакумович Титов за неисполнение «распоряжений милиционера». Протокол направлен в XV временный суд⁷. 24 июля комиссар I Александро-Невского подрайона сообщал о составлении акта на извозчика № 5018 «за отказ подчиниться требованию милиционера»⁸; 27 июля – о задержании извозчиков Афанасия Николаева «за отказ повиноваться приказу комиссара», Василия Груздева «за отказ подчиниться требованию милиционера» и Ивана Харитоновича «за отказ повиноваться приказанию милиционера»⁹; 28 июля – о составлении актов на извозчиков Мирона Афонина и Степана Кимочкина «за отказ подчиниться требованиям милиционера»¹⁰; 29 июля – о составлении акта о задержании извозчика Михаила Михеева «за сопротивление и неподчинении милиции»¹¹. Протоколы направлены, предположительно, во II временный суд.

¹ Там же. Д. 216. Л. 30.

² Там же. Д. 173. Л. 171 об.

³ Там же. Д. 32. Л. 66 об.

⁴ Там же. Д. 82. Л. 23.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 67 об.

⁶ Там же. Л. 70 об.

⁷ Там же. Д. 135. Л. 123.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 74 об.

⁹ Там же. Л. 77 об.

¹⁰ Там же. Л. 78 об.

¹¹ Там же. Л. 79 об.

До революции взаимоотношения извозчиков и полиции регулировалось, например, обязательным постановлением Городской думы 1876 года, § 23 которого устанавливал, что «извозчики обязаны беспрекословно исполнять распоряжения полиции относительно порядка езды по улицам и направления экипажей»¹. В годы Первой мировой войны вопрос этот вновь был поднят в обязательном постановлении градоначальника от 14 сентября 1914 г. В разделе IV его «О безопасности движения на улицах» говорилось о том, что при движении по городу извозчики «обязаны исполнять распоряжения полиции относительно направления экипажей, подчиняться указаниям полиции об уменьшении скорости езды и останавливаться по первому требованию полиции» и др.² Пункт 4 раздела VII «Об исполнении требований полиции, направленных к ограждению порядка» того же постановления воспрещал демонстративно-дерзкие выходы «по отношению к чинам полиции»³. Виновные в неисполнении или нарушении данного обязательного постановления в административном порядке подвергались «заключению в тюрьме или крепости на три месяца или аресту на тот же срок или денежному штрафу до 3000 руб.»⁴. Кроме этого, за неподчинение полиции виновные привлекались к судебной ответственности по ст. 30 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по которой «за ослушание полицейским» следовало денежное взыскание «не свыше пятнадцати рублей»⁵ и «аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей», когда «ослушание оказано» полицейским «наряженным для соблюдения порядка при многочисленном стечении народа»⁶. Какие приговоры вынесли временные суды извозчикам за неподчинение или оскорбление милиции неизвестно.

¹ О производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных каретах // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции. 1876. 16 апреля. См. также: Сборник обязательных для городских жителей постановлений, изданных С.-Петербургской городской думой, на основании ст. 108 и последующих статей Городового положения, Высочайше утвержденного 16 июня 1870 (Св. Зак. Т. 2, ч. 1, ст. 2050 и последующие). СПб., 1883. С. 44.

² Обязательное постановление, изданное 19 сентября 1914 года петроградским градоначальником, на основании ст. 18. и п. 1 ст. 19 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении // Сборник некоторых обязательных постановлений по г. Петрограду: За время с 19 сентября 1914 г. по 27 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извлечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 143.

⁶ Там же. С. 144. До Первой мировой войны применялась ст. 31 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями «за оскорбление полицейских» виновные подвергались: «1) в случае словесной обиды, аресту не свыше одного месяца или денежному взыска-

Привлечение легковых извозчиков к ответственности за продажу клиентам спирта, нарушение общественной тишины, оскорбления, угрозы, насилие, намеренное повреждение чужого имущества и кражи

Незаконная торговля спиртосодержащей продукцией получила широкое распространение в 1917 году в столице. Оказались причастными к ней и легковые извозчики. Справедливости ради, отметим, что выявлены единичные случаи привлечения к ответственности извозчиков за это правонарушение. Так, 9 мая в комиссариат 2-го Нарвского подрайона был доставлен извозчик Иван Дмитриев по обвинению «в продаже спирта» солдату 307-го Спасского полка Василию Скобелеву. Протокол на Дмитриева за № 503 направлен в XV временный суд¹. 18 июля был задержан старшим милиционером Егоровым легковой извозчик И. Лебедев, который «пытался провезти 16-ть бутылок разного вина, принадлежащего В.Н. Фельдману», проживающего по Екатерининскому кан., д. № 52 и «взятого им из своего подвала» в д. № 4 по Кирпичному пер. Протокол, составленный в комиссариате 1-го Адмиралтейского подрайона, направлен в XXI временный суд².

Значительно чаще встречались заявления на легковых извозчиков, на основании которых в комиссариатах составлялись протоколы по обвинению их в нарушении общественной тишины, оскорблениях, угрозах, насилии, кражах и намеренном повреждении чужого имущества. Так, 8 мая 1917 г. в комиссариат 2-го Московского подрайона явился Пермыкин и заявил, что извозчик Корсаков оскорбил его. По заявлению Пермыкина был составлен протокол, направленный в XII временный суд³. 24 мая в комиссариат 1-го Спасского подрайона поступило заявление Елены Шапас «об оскорблении ее извозчиком Евграфом Крыловым на Михайловской площади». Протокол, составленный по заявлению Шапас, направлен в XXI временный суд⁴. 26 мая в комиссариате 1-го Литейного подрайона составлен протокол на извозчика Буданова, который «оскорбил словами студента медика Магарадзе». Протокол направлен в XI временный суд⁵. В рапорте комиссара 1-го Казан-

---

нию не свыше ста рублей, и 2) в случае обиды действием, аресту не свыше трех месяцев» (там же. С. 144). Но с принятием обязательного постановления, изданного 19 сентября 1914 года петроградским градоначальником, на основании ст. 18. и п. 1 ст. 19 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении эта статья была изъята из общей подсудности и рассматривалась в административном порядке (Сборник некоторых обязательных постановлений по г. Петрограду: За время с 19 сентября 1914 г. по 27 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 18).

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 135. Л. 23.

² Там же. Д. 16. Л. 59 об.

³ Там же. Д. 119. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 211. Л. 56 об.

⁵ Там же. Д. 103. Л. 27 об.

ского подрайона за 7 и 8 июня есть сведения о заявлении П.В. Дерябина, дворника дома № 26 по Невскому пр. В нем Дерябин рассказывает о том, что когда он вместе со сторожем стоял у своего дома «подъехал извозчик, который стал к ним придирается, называя их взяточниками и т.п.». С помощью милиционера извозчик был доставлен в комиссариат, где «он назвался Иваном Сергеевичем Балакиревым», проживающим по Тамбовской ул., д. 48, кв. 1. Протокол на извозчика направлен во Временный суд¹. 11 июня в комиссариат 1-го Спасского подрайона явился китаец Цай и подал заявление об оскорблении его извозчиком Иваном Котловым. Протокол направлен в XXI временный суд². В суточном рапорте комиссариата Коломенского района за 15 – 16 июня содержится запись о составлении протокола на извозчика Богомолова «за ругань». Он был составлен по заявлению младшего унтер-офицера Б. Элпашева и направлен в IX временный суд³. 22 июня комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщил начальнику Петроградской милиции о задержании извозчика Василия Колесова в 10 ч. 30 м. утра того же дня за нарушение ст. 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. На извозчика был составлен акт, направленный во Временный суд⁴. Согласно ст. 38 «за нарушение общественной тишины» виновные подвергаются наказанию «аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей»⁵. 23 июня в комиссариате 1-го Рождественского подрайона составлен протокол на извозчика Иванова, который «нанес оскорбление Евдокии Бузуновой действием». Протокол направлен в XIX временный суд⁶. В рапорте комиссара 1-го Казанского подрайона за 4 – 6 июля, содержится запись о С.А. Котоне, который заявил, что «его оскорбил извозчик, везший его». Протокол, составленный в комиссариате, направлен во Временный суд⁷. 6 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщил начальнику милиции о поступившем заявлении от прапорщика 7-го Финляндского стрелкового полка Ю. Кескюля «об оскорблении его извозчиком Ульяной Ефимовой на Знаменской пл.»⁸. Протокол направлен во Временный суд. 16 июля комиссар 3-го Казанского подрайона рапортовал начальнику Городской милиции о том, что на углу Казанской ул. и Фонарного пер. у Варшавского ресторана извозчик Василий

¹ Там же. Д. 70. Л. 29

² Там же. Д. 211. Л. 74 об.

³ Там же. Д. 82. Л. 20.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 45 об.

⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извлечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 152.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 198. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 70. Л. 52.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 55.

Яропольский и Виктор Иванович Ефимов «нанесли обоюдное оскорбление на словах». Комиссар подчеркнул, что «Ефимов был в нетрезвом состоянии». Из-за чего возник конфликт в рапорте не указано. В комиссариате был составлен протокол по обвинению извозчика и седока в нарушении тишины в публичном месте, направленный в VIII временный суд¹. 17 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщил начальнику Петроградской милиции о задержании извозчика Федора Щербакова «за оскорбление граждан»²; 18 июля – о составлении акта на извозчика Семена Гальцева «за оскорбление словами и действием Тихомирова»³. Протоколы направлены во Временный суд. 18 июля в комиссариат 2-го Лесного подрайона поступило заявление Лойко, живущей на хуторе «Череп» д. Бугры, по обвинению извозчика № 4511 в «умышленном повреждении» ее шарабана. Комиссариат сделал запрос в Городскую управу об адресе извозчика и направил заявление Лойко во Временный суд⁴. В тот же день в комиссариате 1-го Спасского подрайона по заявлению Дмитрия Попова составлен протокол «об оскорблении его на Невском пр. легковым извозчиком № 1188 Александром Труу. Протокол направлен в XXI временный суд»⁵. В суточном рапорте за 18 – 19 июля комиссара 2-го Московского подрайона указано, что составлен протокол «об избиении китайца палкой по голове извозчиком А.И. Голубевым». Протокол направлен в XII временный суд⁶. 19 июля ротмистр Александр Федорович Кольт, проживающей в гостинице «Астория» в комнате № 352, подал в комиссариат 2-го Казанского подрайона заявление, в котором обвинил извозчика Геннадия Дементьевича Териковского (№ 6386), проживающего на Малой Охте по Приволжской ул., д. 16, кв. 4, в нанесении ему оскорбления «на словах». Протокол на извозчика направлен в VIII временный суд⁷. 28 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона рапортовал начальнику Петроградской милиции о составлении акта на извозчика № 3802 «за безобразное поведение у Николаевского вокзала». Акт препровожден во Временный суд⁸.

Между извозчиками возникали конфликты, которые заканчивались применением насилия, кражами и др. Не исключено, что причины этих преступлений необходимо искать не столько в личной неприязни, а в конкурентной борьбе, которая сопровождала извозный промысел. Так, 27 мая в комиссариат 1-го Спасского подрайона поступило заявление извозчика Гри-

¹ Там же. Д. 78. Л. 109.

² Там же. Д. 32. Л. 66 об.

³ Там же. Л. 67 об.

⁴ Там же. Д. 99. ЛЛ. 96, 107 об.

⁵ Там же. Д. 211. Л. 112 об.

⁶ Там же. Д. 119. Л. 81.

⁷ Там же. Д. 74. Л. 101.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 78 об.

горя Васильева о краже у него жилетки «у театра “Би-ба-бо”», совершенной другими извозчиками Михаилом Синельщиковым и Павлом Алексеевым. Протокол вместе с задержанными Синельщиковым и Алексеевым направлены в XXI временный суд¹. 18 июня в том же комиссариате составлен протокол на извозчика Дмитрия Самохина за буйство на углу Невского пр. и Караванной ул., «желавшего перерезать гужи у др[угого] извозчика». Протокол и извозчик «с отобранным ножом, нигде не прописанным удостоверением Ивана Самохина и кошельком с 10 руб. 50 коп.» препровождены в XXI временный суд². В 12 час. ночи 11 июля в комиссариате Коломенского района был составлен протокол на извозчика Михаила Миткина. Милиционер Валенштейн, доставивший извозчика в комиссариат, показал, что Миткин «избил кнутом» извозчика Воляева и «оказал сопротивление при попытке доставить его в комиссариат». Протокол на Миткина направлен в IX временный суд³.

Отношение извозчиков к седокам до революции регулировалось обязательным постановлением Городской думы 1876 года, § 17 которого предписывал извозчикам «не позволять себе грубого обращения с седоками <...> и не употреблять бранных и непристойных слов»⁴. Извозчики привлекались и в дореволюционный период, и в 1917 году по ст. 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями «за ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах или вообще за нарушение общественной тишины». Виновные в совершении этих преступлений подвергались «аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей»⁵. Заметим, что приговоров временных судов по делам о нарушении извозчиками общественной тишины не выявлено.

---

¹ Там же. Д. 211. Л. 59 об.

² Там же. Д. 211. Л. 81 об.

³ Там же. Д. 82. Л. 60 об.

⁴ О производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных каретах // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции. 1876. 16 апреля. См. также: Сборник обязательных для городских жителей постановлений, изданных С.-Петербургской городской думой, на основании ст. 108 и последующих статей Городового положения, Высочайше утвержденного 16 июня 1870 (Св. Зак. Т. 2, ч. 1, ст. 2050 и последующие). СПб., 1883. С. 42.

⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 152.

Привлечение легковых извозчиков к ответственности за неосторожную езду, в т.ч. и такую, в результате которой нанесен ущерб другим участникам дорожного движения или получены травмы прохожими

23 апреля в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол за неосторожную езду, направленный в суд¹. 6 мая в комиссариат 3-го Спасского подрайона поступило заявление о неосторожной езде извозчика № 3117. Дело направлено в XX временный суд². В комиссариате 2-го Московского подрайона составлены протоколы по обвинению «в неосторожной езде» извозчиков: 8 мая – Панфилова (№ 119), протокол направлен в XIII временный суд³; 9 мая – Вязелова, протокол направлен в XII временный суд⁴. 10 мая в комиссариат 2-го Нарвского подрайона доставлен извозчик Семен Михайлович Назаров по обвинению «в неосторожной езде по городу». Протокол № 519 на извозчика направлен в XV временный суд⁵. В комиссариате 2-го Московского подрайона составлены протоколы по обвинению «в неосторожной езде» извозчиков: 12 мая – Царева, протокол направлен в XIII временный суд⁶; 15 мая – Важенова, протокол направлен в XIII временный суд⁷. 23 мая в комиссариате 3-го Литейного подрайона был составлен протокол на извозчика Красовцева за неосторожную езду. Протокол направлен в X временный суд⁸. 14 июня в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Константина Иванова за неосторожную езду. Протокол направлен в XXI временный суд⁹. 22 июня в комиссариат 2-го Нарвского подрайона доставлен извозчик Степан Терехов за неосторожную езду по городу. Протокол направлен в XIV временный суд¹⁰. В суточном рапорте комиссара 2-го Спасского подрайона за 1 – 2 июля сообщалось о протоколе, который был составлен по жалобе И.М. Волжуда, на извозчика Павла Фролова (№ 313) «за неосторожную езду». Протокол направлен в IX временный суд¹¹. В рапорте комиссара 1-го Казанского подрайона за 4 – 6 июля, содержится запись о заявлении В.В. Поруменского (П.С., Большой пр., д. 56), в котором он сообщил, что задержал кучера «за слишком быструю езду». Дело

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 23.

² Там же. Д. 220. Л. 18. Фамилия извозчика в рапорте не указана.

³ Там же. Д. 119. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Д. 135. Л. 24.

⁶ Там же. Д. 119. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Д. 111. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 211. Л. 77 об.

¹⁰ Там же. Д. 135. Л. 76.

¹¹ Там же. Д. 216. Л. 24.

направлено в VIII временный суд¹. 12 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщил начальнику Петроградской милиции о доставлении 11 июля в комиссариат «по требованию граждан» извозчика Михея Рыбушкина «за неосторожную езду на Знаменской пл.» и о задержании в тот же день извозчика Григория Богданова «за неимоверно быструю езду»²; 15 июля – о задержании извозчика Викентия Виркина «за быструю езду на Знаменской пл.»³. Протоколы направлены, скорее всего, во II временный суд. 17 июля в комиссариате 2-го Московского подрайона составлен протокол на извозчика И. Фатюшина по обвинению «в неосторожной езде». Протокол направлен в XII временный суд⁴. 19 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона рапортовал начальнику Петроградской милиции о составлении акта на извозчика № 233 «за неосторожную езду»⁵. Протокол направлен во Временный суд. 20 июля в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен рапорт по обвинению извозчика Петра Борисова (№ 802) «в нарушении правил езды по Садовой улице». Протокол направлен в XXI временный суд⁶. В суточном рапорте комиссара 3-го Спасского подрайона за 23 – 24 июля есть запись о заявлении Залунского о том, что «на него, едущего на велосипеде, наскочил извозчик № 6425». Дело направлено в XX временный суд⁷. О том, что пострадал велосипедист или велосипед был поврежден в результате наезда, в рапорте не указано. Видимо, Залунский отделался легким испугом. 24 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о составлении акта на извозчика Петра Малкова «за неправильную езду»⁸. 24 июля в комиссариате 1-го Петроградского подрайона составлен протокол на извозчика Д.А. Малинова «за неосторожную езду»⁹. Протоколы на задержанных Малкова и Малинова отправлены соответственно во временные суды.

Извозчики привлекались к ответственности за неосторожную езду и грубое поведение. Так, 21 июля в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Ермолая Сергеева по обвинению в неисполнении правил езды и грубое поведение на углу улиц Садовой и Итальянской. Протокол направлен в XXI временный суд¹⁰.

---

¹ Там же. Д. 70. Л. 52.

² Там же. Д. 32. Л. 61.

³ Там же. Л. 64 об.

⁴ Там же. Д. 119. Л. 78.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 68 об.

⁶ Там же. Д. 211. Л. 113 об.

⁷ Там же. Д. 220. Л. 78 об.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 74 об.

⁹ Там же. Д. 173. Л. 183.

¹⁰ Там же. Д. 211. Л. 114 об.

Установлены случаи составления актов на извозчиков за неосторожную езду и оскорбление милиционеров: 15 июля комиссар 1-го Александро-Невского подрайона сообщил начальнику Петроградской городской милиции о задержании извозчиков Кирилла Фаламеева и Алексея Максимова «за неправильную езду и оскорбления милиционера». Акты направлены во Временный суд¹.

Неосторожная езда приводила к повреждению чужого имущества. Так, в суточном рапорте за 26 – 27 мая комиссара 1-го Александро-Невского подрайона сообщается о поступившем заявлении «о поломке экипажа лошадей Мичурина»², которая произошла, несомненно, в результате неосторожной езды. Протокол направлен во Временный суд. 19 июня в комиссариате 2-го Спасского подрайона по заявлению Степана Васильевича Власова составлен протокол на извозчика Николая Павлова, который поломал ему колесо. Протокол направлен в IX временный суд³. 6 июля в комиссариате 1-го Адмиралтейского подрайона составлен протокол за № 282 о задержании извозчика № 267 А.У. Степанова за неосторожную езду, в результате которой он повредил велосипед милиционера резерва Городской милиции А.М. Ручкина. Протокол для привлечения извозчика к ответственности направлен в тот же день в XXI временный суд⁴. 10 июля в комиссариате 2-го Спасского подрайона явился С. Лихачев и заявил, что на него «наехал извозчик № 2121 и поломал велосипед». Протокол на извозчика направлен в IX временный суд⁵.

В ряде случаев неосторожная езда заканчивалась дорожно-транспортными происшествиями с пострадавшими. 15 апреля в комиссариате 2-го Выборгского подрайона явился извозчик Ян Рейнарт, который дал объяснение по заявлению за № 62 о «сшибленной с ног девочки и с большими поранениями отправленной в Георгиевскую общину». Рейнарт, не отрицая этого факта, заявил, что не виноват, т.к. девочка «попала не под колесо, а сшиблена была левой подножкой». Извозчик также назвал имя свидетеля, который мог подтвердить его показания – Илья Беляев. Протокол за № 93 и заявление за № 62 отправлены 16 апреля в VI временный суд⁶. 17 апреля милиционер 1-го Казанского подрайона Здуняк задержал извозчика Харькова, переехавшего Шадрину на углу Невского пр. и Большой Конюшенной ул. Извозчик вместе с протоколом препровожден в VIII временный

¹ Там же. Д. 32. Л. 64 об.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Д. 216. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 16. Л. 50 об.

⁵ Там же. Д. 216. Л. 28.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 7. ЛЛ. 197 – 197 об.

суд¹. 5 мая в комиссариате 2-го Лесного подрайона по заявлению составлен протокол на извозчика Абдулу Урусова, «сбившего с ног девочку». Протокол направлен во Временный суд². 13 мая в комиссариат 2-го Нарвского подрайона поступило заявление о том, что извозчик казенного Трубочного завода Никита Осипов «вследствие быстрой езды» сбил мальчика 3-х лет 7-ми месяцев, которому помял грудь и «передним колесом разбил голову». Протокол о происшествии направлен в XV временный суд³. 17 мая комиссар 1-го Петроградского подрайона сообщал, что в комиссариат явился дворник Михаил Иванович Гурнач, подавший заявление на извозчика Николая Никитича Воженова (№ 6418), который «наехал на него и повредил правую ногу». Протокол, составленный на извозчика, направлен во Временный суд⁴. 20 мая в комиссариате того же подрайона составлен протокол на извозчика Андреева за неосторожную езду, в результате которой была «сшиблена девочка». Пострадавшей «причинены незначительные ушибы головы и ноги». Дело направлено во Временный суд⁵. 24 мая в том же комиссариате принято заявление Я.И. Семашко о том, что 21 мая извозчик фэтона № 8619 «сшиб юнкера Владимирского военного училища Кудряшова, ехавшего на велосипеде, переехал через него и удрал». Дело направлено во Временный суд⁶. 2 июня в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Андрея Тарасенко за неосторожную езду, в результате которой «лошадь понесла и сшибла на углу Невского [пр.] и Садовой [ул.] Кирилла Афанасьева и Иосифа Рабиновича». Протокол направлен в XXI временный суд⁷. 4 июня в комиссариат 2-го Нарвского подрайона доставлен извозчик Иосиф Антонович Чикамонес по обвинению в том, что он наехал у Балтийского вокзала «на Надежду Власову с малолетним сыном Владимиром». Протокол за № 1019 на извозчика направлен во Временный суд⁸. 9 июня в комиссариат 2-го Казанского подрайона доставлен извозчик И.А. Соловьев (№ 2737) за то, что «сбил девушку с ног [на] уг. Казанской [ул.] и Вознесенского пр.». Протокол направлен в VIII временный суд⁹. 10 июня в комиссариате 1-го Спасского подрайона составлен протокол на извозчика Михаила Фомина за неосторожную езду, в результате которой он столкнулся милиционера Зака на углу Невского пр. и Екатерининской ул.

¹ Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 9.

² Там же. Д. 99. Л. 12.

³ Там же. Д. 139. Л. 16.

⁴ Там же. Д. 173. Л. 66.

⁵ Там же. Л. 29.

⁶ Там же. Л. 33.

⁷ Там же. Д. 211. Л. 65 об.

⁸ Там же. Д. 135. Л. 51.

⁹ Там же. Д. 74. Л. 65.

Протокол направлен в XXI временный суд¹. 11 июня милиционер Зендин (повязка № 4064) задержал и доставил в комиссариат 2-го Спасского подрайона извозчика Ивана Романова (№ 2572) за то, что извозчик «переехал» М.Л. Горева на углу Невского пр. и Садовой ул. Дело направлено в IX временный суд². 28 июня комиссар 2-го Александро-Невского подрайона сообщал начальнику Петроградской милиции о том, что извозчиком Афанасием Павловичем Калининым (№ 1354) «раздавлена девочка 6 лет Екатерина Скотникова», проживающая по Глазовской ул., д. 22, кв. 5. Пострадавшая направлена в больницу, а протокол на извозчика – в III временный суд³. В суточном рапорте комиссариата того же подрайона от 12 июля говорилось о том, что извозчик Семен Кульба «по неосторожной езде по Лиговской ул. переехал через мальчика Федора Бирбасова 12 лет». Пострадавший отправлен в Обуховскую больницу, а на Кульбу составлен протокол, препровожденный во Временный суд⁴. В рапорте от 12 июля комиссар 2-го Московского подрайона сообщал начальнику Петроградской городской милиции, что 11 июля составлен протокол по обвинению в неосторожной езде на извозчика Х. Дуланова, сбившего с ног Юрлову. Протокол направлен в XII временный суд⁵. Выявлена запись в суточном рапорте, которая не содержит указания на неосторожную езду извозчика, а пострадавший был. Речь идет о деле извозчика Кирилина (жестянка № 1821), который 1 июня «сшиб мальчика Царева». В комиссариате I Литейного подрайона составлен протокол, направленный в XI временный суд⁶.

Привлекались извозчики за неосторожную езду в пьяном состоянии и за наезды на граждан. Так, 26 июля в комиссариат 2-го Нарвского подрайона был доставлен извозчик Андрей Трофимович Илюшин (№ 140594) по обвинению «в неосторожной езде в пьяном виде». Протокол направлен в XV временный суд⁷. В рапорте комиссара 1-го Нарвского подрайона за 19 – 20 июля сообщалось о задержании извозчика Андрея Степанова «за езду по улице в пьян[ом] виде, вслед[ствие] чего задавил женщину». Протокол 20 июля направлен в XIV временный суд⁸.

Заметим, что в некоторых случаях неизвестно, за какой конкретно проступок извозчик привлекается к ответственности. Так, 28 июня в комис-

---

¹ Там же. Д. 211. Л. 73 об.

² Там же. Д. 216. Л. 6 об.

³ Там же. Д. 35. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ Там же. Д. 119. Л. 12а.

⁶ Там же. Д. 103. Л. 33.

⁷ Там же. Д. 135. Л. 127.

⁸ Там же. Д. 131. Л. 16а об.

сариате 1-го Петроградского подрайона составлен протокол на извозчика Петра Бирина «за самоуправство». Дело направлено во Временный суд¹.

До революции езда извозчиков регулировалась обязательным постановлением Городской думы 1876 года, § 19 которого, например, запрещал извозчикам наезжать на другие экипажи². В время Первой мировой войны этот вопрос был поднят в обязательном постановлении градоначальника от 14 сентября 1914 г., в котором целый раздел (IV) был посвящен безопасности движения на улицах³. Ответственность за неосторожную езду наступала по ст. 123 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а в случае причинения «кому-либо ран или повреждений в здоровье» по ст. 128, по которой виновные подвергались наказанию «аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей»⁴. Вред и убытки виновные на основании ст. 24 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, «обязаны были вознаградить на основании законов гражданских». Н.С. Таганцев в связи с этим писал: «<...> вознаграждение за вред и убытки определяются мировыми судьями в порядке, указанном в законах гражданских<...>»⁵. Видимо, к вреду и убыткам можно отнести и повреждение чужого имущества, которое происходило в результате неосторожной езды.

Известен один приговор, вынесенный Временным судом за неосторожную езду. Широкую известность получило дело о ночной стрельбе на Знаменской площади, среди участников которой был извозчик-лихач. О происшествии писали «Петроградская газета», «День» и «Новое время». «Петроградская газета» сообщала, что в первом часу ночи 18 июля «публика, проходившая по Невскому пр., вблизи Николаевского вокзала и прилегающих улиц, была напугана выстрелами на Знаменской площади». По сообщению газеты, остановились вагоны трамвая, часть его пассажиров «выскочила на мостовую», а часть «забралась под скамейки», большинство

¹ Там же. Д. 173. Л. 116.

² О производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных каретах // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции. 1876. 16 апреля. См. также: Сборник обязательных для городских жителей постановлений, изданных С.-Петербургской городской думой, на основании ст. 108 и последующих статей Городового положения, Высочайше утвержденного 16 июня 1870 (Св. Зак. Т. 2, ч. 1, ст. 2050 и последующие). СПб., 1883. С. 43.

³ Обязательное постановление, изданное 19 сентября 1914 года петроградским градоначальником, на основании ст. 18. и п. 1 ст. 19 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении // Сборник некоторых обязательных постановлений по г. Петрограду: За время с 19 сентября 1914 г. по 27 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 10.

⁴ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извлечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 277.

⁵ Там же. С. 91, прим. 1 к ст. 24.

же гулявшей публики «кинулось в вокзал и в ворота ближайших домов». «Петроградская газета» утверждала, что некоторые из публики были сбиты с ног и получили травмы. Вскоре выяснилось, что «на Знаменской площади появился лихач, в пролетке которого находилось несколько мужчин», которые открыли по толпе стрельбу из револьверов. Появились милиционеры, скорее всего, 1-го Александро-Невского подрайона, которые «стали стрелять из винтовок в извозчика и его седоков». По утверждению «Петроградской газеты», «дав по публике до тридцати выстрелов, неизвестные скрылись». На место стрельбы были направлены воинские наряды и «произведено несколько арестов»¹. На следующий день «Петроградская газета сообщала, что «после долгой погони стрелявших удалось задержать» и толпа попыталась «расправиться с задержанными самосудом». Доставленные в комиссариат участники ночной стрельбы назвали себя – парикмахер Антонов, Крохин, А. Иванов и извозчик-лихач Иевлев. Все задержанные, по словам «Петроградской газеты», были в нетрезвом состоянии. При обыске были найдены два револьвера системы «Маузер» и два браунинга, а также запасные патроны к ним. У Антонова оказалось более 2 000 руб. Извозчик показал, что своих седоков он не знает. По его словам, они «наняли его на Михайловской улице, обещая ему платить за бешеную езду по 100 рублей за конец». Когда же Иевлев услышал выстрелы, он хотел остановить лошадь, но его наниматели приказали гнать дальше, грозя, в противном случае, «стрелять в лихача»². Дело о ночной стрельбе рассматривал II временный суд. В суд были доставлены трое – парикмахер Я. Крохин, служащий прачечной И. Антонов и извозчик-лихач С. Иевлев. Всем им было предъявлено обвинение по ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Обвиняемые были приговорены к тюремному заключению на 4 месяца³. Напомним, что ст. 29 Устава о наказаниях в новой редакции, принятой Временным правительством, предусматривала следующие наказания: заключение в тюрьме на срок не свыше 6 месяцев или арест не свыше трех месяцев или денежное взыскание не свыше 300 рублей⁴.

¹ Стрельба возле Николаевского вокзала. Неизвестные произвели более тридцати выстрелов в толпу // Петроградская газета. 1917. 18 июля.

² Парикмахер в роли Ленина. Ночная стрельба у вокзала / Изо дня в день // Петроградская газета. 1917. 19 июля.

³ Четыре месяца тюрьмы за хулиганство. Эпилог стрельбы на Знаменской площади / Изо дня в день // Петроградская газета. 1917. 20 июля. См. о приговоре также: Эпилог стрельбы на Знаменской площади / Дневник происшествий // День. 1917. 20 июля; Хроника // Новое время. 1917. 20 июля.

⁴ О новом изложении ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Постановление Временного правительства // СУ. 1917. 23 марта. № 66. Ст. 376. С. 570.

Таким образом, установлено, что комиссариаты направили во временные суды протоколы на 176 легковых извозчиков. Наибольшее количество из них было передано комиссариатами 1-го Александро-Невского подрайона (74), видимо, во II временный суд и 1-го Спасского подрайона (30) в XXI временный суд. Напомним, что в 1-м Александро-Невском подрайоне располагался Николаевский вокзал, где потребность в легковых извозчиках была высока. Что касается Спасского района, то в 1-м его подрайоне, в частности, находились Невский пр. и ул. Садовая, загруженные транспортом, в том числе и легковыми извозчиками. Именно этими обстоятельствами объясняются столь большое количество протоколов с обвинениями легковых извозчиков, переданных во временные суды.

Приведенный материал позволяет утверждать, что наибольшее количество милицейских протоколов, направленных во временные суды, содержало обвинение легковых извозчиков в отсутствии номеров или использовании устаревших номеров (49), а также в неосторожной езде (46), в результате которой было повреждено чужое имущество (4) и пострадали пешеходы (18). Значительная часть милицейских протоколов содержала обвинения легковых извозчиков в оскорблении милиционеров и отказе подчиниться их распоряжениям (30); в нарушении общественной тишины, оскорблениях, угрозах, насилии, намеренном повреждении чужого имущества и кражах (24).

Реже оказывались легковые извозчики во временных судах по обвинению в выходе на работу в пьяном состоянии (16); в езде на больных лошадях, истязании лошадей и оставлении их без присмотра (9), а также в нанесении лошадьми травм прохожим (1).

Можно утверждать, что подсудность по делам об извозчиках у временных судов была шире, чем у Мирowego суда. Объясняется это тем, что временные суды были вынуждены рассматривать те дела, которые решались полицией во время Первой мировой войны в административном порядке. К ним, например, относится езда без номеров или с устаревшими номерами. И это говорило о том, что временные суды не были связаны по этим делам с дореволюционным материальным законом. Несвязанность определялась и тем, что временные суды, вынося приговоры, занимались правотворчеством. В частности, они выносили обвинительные приговоры извозчикам за ездy на больных лошадях и в неисправных экипажах. До Февральской революции извозчики за ездy на больных лошадях и в неисправных экипажах задерживались полицией, но к ответственности не привлекались.

Н.С. ЧХЕИДЗЕ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ 3 – 24 ИЮНЯ 1917 Г.

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ИННОКЕНТЬЕВИЧ,
выпускник аспирантуры кафедры русской истории
(XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, учи-
тель истории ГБОУ гимназии № 73 «Ломоносовская
гимназия» Выборгского района Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: alexander.petrov1994@gmail.com

С 3 по 24 июня 1917 г. в Петрограде проходил Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Его целью, как писали «Известия», должно было стать «окончательное организационное оформление воли революционной демократии» через создание нового всероссийского центра революции, «которому Петроградский Совет передаст то дело, которое до сих пор он выполнял, насколько хватало у него силы и разума»¹.

В историографии деятельность Н.С. Чхеидзе на посту председателя съезда Советов получила частичное освещение. В советское время подчеркивался буржуазно-предательский курс меньшевиков и их лидеров по отношению к рабоче-солдатским депутатам при главенствующей на Съезде деятельности партии большевиков². В современных исследованиях обычно отмечают либо справочные³, либо общие факты участия политика в работе Съезда без каких-либо выводов, относящихся к данной деятельности¹.

---

¹ К открытию Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Известия. 1917. 3 июня.

² Бурджалов Э.Н. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1938; Шитилов Л.А. Большевики и Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта – 3 апреля 1917 г.): Автореф. дис. ... к. ист. н. Л., 1972; Злоказов Г.И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции: (февраль – июнь 1917 г.). М., 1969. С. 238; Лантух В.В. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Автореф. дис. ... к. ист. н. Харьков, 1976.

³ Ильяшук Г.И., Миллер В.И. Чхеидзе Николай (Карло) Семенович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 353 – 355; Николаев А.Б. Чхеидзе Николай Семенович // Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906 – 1917 гг.). М., 2006. С. 714 – 715; его же. Чхеидзе Николай Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 687 – 688; его же. Чхеидзе Николай Семенович // Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Государственная дума Российской империи, 1906 – 1917 / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.; Челябинск, 2013. С. 794 – 795; Морозова А.Ю. Чхеидзе Николай Семенович // Россия в Первой мировой войне. 1914 – 1918: Энциклопедия: В 3 тт. / отв. редактор А.К. Соро-

Подготовкой Съезда занимались Бюро и Исполком Петросовета, некоторые решения выносились на общее собрание. Однако личное участие Н.С. Чхеидзе прослеживается не везде. Более того, задачи созыва Съезда Советов тесно переплетались с другой задачей, которую он должен был решить и которая выносилась на заседания Петросовета – созданием Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов². На проходившем Всероссийском совещании Советов 29 марта – 3 апреля 1917 года в итоговой резолюции мероприятия также была подтверждена необходимость созыва общероссийского органа Советов.

В течение апреля – мая 1917 г. постепенно были определены время³, порядок проведения⁴, доклады и выступающие с ними⁵, а также выбраны депутаты на Съезд⁶. Н.С. Чхеидзе не упоминался ни в качестве докладчика, ни с какими-либо комментариями относительно процедуры и содержания работы Съезда и его будущих ораторов. При этом Н.С. Чхеидзе мог числиться на заседаниях, где обсуждался будущий Съезд Советов. Можно

кин. М., 2014. Т. 3: Р – Я. С. 599 – 600; Ненароков А.П., Якобашвили И.П. Чхеидзе Николай Семенович // Россия в 1917 году: энциклопедия / Отв. редактор А.К. Сорокин. М., 2017. С. 1049 – 1050.

¹ Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции: Социальные реалии и политическая стратегия: [Пер. с англ.]. М., 1993; Покровский А.С. Первый рабоче-солдатский Парламент России: I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (3 – 24 июня 1917 г.): Опыт реконструкции списка участников. Контурь социального портрета. М., 2001; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 224, 364; Смирнова А.А. От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае – ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 8 – 33; Архипов И.Л. Н.С. Чхеидзе: «икона» революционной демократии // Звезда. 2014. № 8. С. 110 – 130. Статья без изменений была опубликована в издании: Архипов И.Л. Глава 7. Н.С. Чхеидзе: «папаша» и «икона» революционной демократии // его же. Созвездие обреченных: Двенадцать в революции. СПб., 2016. С. 297 – 337.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). Т. 1 (27 февраля – 31 марта 1917 года) / Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. (далее – Протоколы). С. 94, 382; Т. 3 (6 мая – 2 июля 1917 года) / Отв. ред. Б.Д. Гальперина, М., 2002. С. 268; Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов // День. 1917. 19 марта.

³ Протоколы. Т. 2 (1 апреля – 5 мая 1917 года) / Отв. сост. Б.Д. Гальперина. СПб., 1995. С. 84, 476, 582.

⁴ Там же. Т. 3. С. 133, 264 – 265, 266 – 267.

⁵ Там же. С. 86, 173 – 174, 236 – 237; Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов // Голос солдата. 1917. 3 июня.

⁶ 29 и 30 мая должно было состояться заседание фракции меньшевиков с обсуждением выборов на предстоящий Съезд ([Объявление] // Рабочая газета. 1917. 27 мая; [Объявление] // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее – Известия). 1917. 30 мая.

предположить, что, в целом, лидер думских меньшевиков, либо солидаризировался со своими коллегами по партии, либо устранился от обсуждения.

Вечером 3 июня Н.С. Чхеидзе открыл заседание Всероссийского съезда Советов, поприветствовав его «от имени Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Петрограда и от Исполнительного Комитета Совета», что вызвало аплодисменты¹. В своей речи лидер меньшевиков указывал, что Петросовет предоставлял отчет о своей деятельности с Всероссийского совещания Советов тогда, как нынешний Съезд Советов – «это преддверие будущего Всероссийского Учредительного Собрания». Отметив исключительность русской революции, происходившей во время мировой войны, политик завершал свое выступление призывом к единению всех революционных сил, что было вновь встречено бурными аплодисментами². Затем Н.С. Чхеидзе предложил выбрать председателя и президиум Съезда, на что раздались голоса «Чхеидзе!» Сам лидер меньшевиков выразил «глубокую признательность за доверие», поскольку оно являлось также «доверием к революции»³. Н.Н. Суханов вспоминал, что «Чхеидзе открыл съезд довольно безразличной речью», а на Съезде «обращало на себя внимание большое число кавказских людей, земляков Чхеидзе, разместившихся за столом президиума», некоторые из которых, как Гегечкори, находились в «любезных отношениях» с председателем Петросовета⁴. В.М. Чернов отмечал, что «было трудно представить эту трибуну без него [Н.С. Чхеидзе]» даже несмотря на преобладание эсеров, которые не стремились «воспользоваться этим бесспорным формальным правом и лишить рабочих и солдат Петрограда того председателя, с которым они так сжились и сроднились с первых дней революции и который показал себя не просто достойным занимаемого им места, но занявшим его по праву»⁵.

После избрания президиума был оглашен регламент заседаний Съезда, который общее собрание единогласно приняло. Были зачитаны приветствия Съезду⁶. Судя по отчету, Н.С. Чхеидзе исполнял председательские функции в том же объеме, что и в Петросовете. 3 июня стоял «в первую очередь вопрос об отношении к Временному Правительству» в связи с высылкой из России Р. Гримма, о чем должны были выступить Р.И. Абрамович и Ю.О. Мартов⁷. Судя по дальнейшим записям, выступление последнего докладчика затянулось. Н.С. Чхеидзе сделал ему замечание «вести засе-

¹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: [В 2-х т.]. Т. 1 / Под общ. ред. М.Ф. Владимирского. М., 1930. (далее – Первый съезд). С. 3.

² Первый съезд. Т. 1. С. 4.

³ Там же.

⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 2. Кн. 3 – 4. С. 257, 261.

⁵ Чернов В.М. Перед бурей: воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 321.

⁶ Первый съезд. Т. 1. С. 5.

⁷ Там же. С. 6.

дание с наибольшей целесообразностью»¹. При этом лидер меньшевиков согласился на продление доклада Мартова на 10 минут, выставив сначала данное предложение общему собранию депутатов, затем переведя на голосование и получив от присутствовавших одобрение, разрешил докладчику продолжить². Подобным образом председатель Съезда поступил и во время выступления И.Г. Церетели³. Отчасти, такое соблюдение процедуры, входившее в обязанности председателя, и постоянное апеллирование к мнению большинства позволяет дополнить характеристику демократизма Н.С. Чхеидзе в подобных заседаниях. После выступления А.Ф. Керенского, Н.С. Чхеидзе предложил закрыть запись ораторов и давать следующим ораторам от фракций по 15 минут⁴. Под конец заседания Н.С. Чхеидзе предложил прекратить прения, призвал депутатов к порядку и спокойствию во время выступлений ораторов⁵, а во время итогового выступления Мартова просил докладчика «не обращаться к собранию с вопросами», а зал не отвечать на них, в связи с необходимостью соблюдать регламент заседания⁶. В последний раз председатель Съезда отметился постановкой на голосование резолюции по делу Роберта Гримма, после чего заседание было закрыто⁷.

Механизм работы Съезда подразумевал проведение в первые дни общих заседаний, которые чаще всего подразделялись на утренние и вечерние. С 12 июня Съезд разбился на секции, которые заседали отдельно. Общие собрания должны были проходить раз в несколько дней, в связи с чем их проведение возобновилось 16 июня. Поскольку Н.С. Чхеидзе был сосредоточен только на председательствовании в общих собраниях Съезда, рассмотрим их по проблемному принципу, выделив как используемые им практики ведения заседаний, так и мнения политика по различным вопросам. Большая часть работы председателя Съезда Советов заключалась в необходимости ведения хода мероприятий: он оглашал повестку дня, зачитывал приветствия, наблюдал за соблюдением регламента заседаний, объявлял баллотировку по различным вопросам, связанных как с ходом заседаний, так и с их содержанием и, наконец, сообщал дату следующего общего собрания. При этом сам процесс председательствования иногда был, видимо, тяжелым для лидера меньшевиков, на что указывали газеты. Например, 5 июня у председателя Петросовета был «болезненный и уста-

---

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 30 – 31. Это повторялось еще несколько раз в этот день во время итогового выступления И.Г. Церетели (Там же. С. 34).

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же. С. 37 – 38.

лый вид» вкупе с перевязанной головой¹. С 3 по 24 июня состоялось 24 заседания Съезда (без учета фракционных). Н.С. Чхеидзе числился на 20 заседаниях Съезда, в том числе на 18 – председателем: 3, 5 (утро и вечер), 6 (утро и вечер), 7 (вечер), 8 (вечер), 11 (день и вечер), 12 (вечер), 16 (вечер), 17 (утро), 19, 21, 22 (вечер), 23 (день и вечер) и 24 июня.

Можно заметить, что многие моменты в организации работы Съезда, связанные с Н.С. Чхеидзе и отразившиеся в первом заседании, неоднократно проявлялись в его деятельности в последующие дни. Если провести их типологизацию, то получается следующая картина. На заседаниях Съезда с 5 по 23 июня Н.С. Чхеидзе обращался не менее 11 раз к депутатам с предложением о продлении речей докладчиков², 9 раз о порядке или прекращении прений³, о баллотировке по предоставлению выступлений (не менее 3 раз)⁴, по принятию резолюций и внесению в них поправок (не менее 13 раз)⁵ и определении порядка баллотировки (не менее 7 раз)⁶, по мотивам голосования (около 3 раз)⁷ и объявления по организации текущей⁸ (около 7 раз) и дальнейшей работы (не менее 20 раз)⁹. В некоторых случаях Н.С. Чхеидзе выступал как инициатор каких-либо действий на Съезде, носивших, порой, символический характер или не вписывавшийся в традиционный технический регламент председательствования (8 мероприятий)¹⁰. Частым явлением на Съезде становилось использование его площадки различными депутатами для выражения своих политических идей или резких для аудитории выражений, направленных против эсеро-меньшевистского президиума. Это приводило к возмущениям депутатов и необходимости Н.С. Чхеидзе указывать и пресекать нарушения регламента Съезда. Всего удалось насчитать около 27 случаев, когда председателю Съезда пришлось напоминать о правилах хода работы заседаний¹¹.

Председателем Съезда часто зачитывались приветствия от или в сторону различных организаций. Всего было 9 таких выступлений. 6 июня в

¹ Сегодняшнее заседание // Вечернее время. 1917. 5 июня.

² Первый съезд. Т. 1. С. 114 – 115, 135, 141, 145, 146, 191, 214, 221, 223, 279; Т. 2. С. 102.

³ Там же. Т. 1. С. 252, 270, 424; Т. 2. С. 95, 132, 134, 135, 139, 218.

⁴ Там же. Т. 1. С. 117, 245, 266.

⁵ Там же. С. 269, 283; Т. 2. С. 148, 226, 239, 241, 255 – 256, 295 – 296, 315 – 316, 329, 335, 338, 365 – 366.

⁶ Там же. Т. 1. С. 153, 159, 290 – 291; Т. 2. С. 10 – 17, 66 – 68, 105, 296.

⁷ Там же. Т. 1. С. 262; Т. 2. С. 10 – 17, 104.

⁸ Там же. Т. 1. С. 160, 167, 175; Т. 2. С. 310, 373 – 374, 378 – 379.

⁹ Там же. Т. 1. С. 158, 236, 259, 289, 291, 384, 421, 434; Т. 2. С. 10 – 17, 30, 64, 73 – 74, 80 – 81, 121 – 122, 276, 316.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 289; Т. 2. С. 58, 76, 78, 145, 214 – 215.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 111 – 112, 154, 171, 176, 177, 229, 253, 265, 391, 412, 431, 397, 414; Т. 2. С. 18, 20 – 21, 73 – 74, 90 – 93, 95 – 96, 108 – 109, 112 – 113, 115, 116, 117, 123 – 126, 221, 241, 260, 349 – 350.

начале утреннего заседания Съезда Н.С. Чхеидзе предложил выслушать приветствия представителю русских войск во Франции и другие похожие телеграммы¹. 11 июня Н.С. Чхеидзе открыл вечернее заседание приветствием Э. Вандервельде о понимании страданий бельгийского пролетариата, которому он просил передать ответные приветствия, и обратил внимание на необходимость скорейшей ликвидации войны совместно «со свободным европейским пролетариатом»². 12 июня лидер меньшевиков приветствовал американского социалиста Ч. Русселя, согласившись с последним, что российская революция является мировой, просив передать американской демократии необходимость заключения мира на провозглашенных Советом началах³. 16 июня Н.С. Чхеидзе предложил заслушать приветствие-лекцию Американской федерации труда⁴, по окончании которой лидер меньшевиков указал, что самый важный вопрос – это ликвидация войны⁵. 17 июня лидер меньшевиков открыл утреннее заседание Съезда оглашением ряда приветствий, которые, однако, остались незафиксированными в стенограммах⁶. 19 июня по окончании доклада И.Г. Церетели о начавшемся наступлении на фронте, Н.С. Чхеидзе предложил почтить память павших на фронте⁷. 21 июня Н.С. Чхеидзе открыл заседание Съезда, попросив заслушать приветствия от разных национальных партий⁸. 22 июня вечером после выступления представителя американской социалистической партии Уильямса, председатель Съезда поблагодарил последнего и попросил от имени Съезда передать привет американскому пролетариату и социалистам, а также отметил необходимость зарубежных социалистов давить на свои правительства для достижения справедливого мира в происходящей мировой войне⁹. 23 июня после выступления Гольдфарба-Липеца о социалистическом движении в Америке, председатель Съезда отметил значение тех приветствий, «которые исходят из недр социалистических партий» и которые, как полагал Н.С. Чхеидзе, «полностью подтверждают то содержание, которое мы вкладываем в понятие «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей»¹⁰. Кроме

---

¹ Там же. Т. 1. С. 160.

² Там же. С. 423 – 424. Н.Н. Суханов вспоминал, что «Чхеидзе, креня влево, отвечал сдержанно, с достоинством и тактом <...> но он не мог дать больше, чем имел» (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. С. 270 – 271).

³ Первый съезд. Т. 2. С. 10.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 197 – 198.

⁹ Там же. С. 235.

¹⁰ Там же. С. 319.

этого, политик отметил гордость в связи с обращениями зарубежных социалистов с просьбой оказать им помощь в ситуации с запретом американским правительством выезда своих граждан на представительские конференции¹. На приветствие К. Раковского от имени румынских социал-демократов председатель Съезда подчеркнул, что румынское крестьянство и рабочие могут опираться на лозунги русской революции, а те, кто правят Румынией должны знать эту перспективу, чтобы не осмеливаться «сделать те шаги, жертвою которых стал товарищ Векслер»².

Лидер меньшевиков упоминался не менее 6 раз различными ораторами в качестве примера. 9 июня на вечернем заседании Съезда Н.С. Чхеидзе упоминался Мартовым как человек, которому в свое время задавали вопросы, «сколько он получил денег от немцев за то, что пропагандирует в России демократические идеи»³. В свою очередь, после получения известия о планируемых на 10 июня демонстраций, Е.П. Гегечкори от имени президиума предложил «организовать или создать бюро которое поведет дело решительной борьбы <...> с выступлениями тех которые служат темным силам», для чего предполагалось выделить Чхеидзе, Гоца и др.⁴ 17 июня неизвестным оратором было предложено от имени Бюро предложить Съезду считать первым членом Всероссийского исполнительного комитета Н.С. Чхеидзе, как «товарища который с самого начала русской революции был вознесен на самую вершину и стоял на ней оттуда управляя нашими делами, <...> [в чьих руках] находилась координация сил русской демократии»⁵. 20 июня имя Н.С. Чхеидзе было упомянуто Брамсоном в качестве примера, что в списках депутатов от партий все ее кандидаты равны, в случае если на выборах в Учредительное собрание будет использоваться пропорциональная избирательная система⁶. 23 июня выступавший от имени делегатов-воинов евреев Северного и Западного фронта Балаховский положительно оценил заявление лидера меньшевиков, что русская революция проведет принцип самоопределения национальностей любой ценой⁷. В свою очередь, депутатом Саакьяном было предложено убрать из проекта резолю-

---

¹ Там же. С. 319.

² Там же. С. 321.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 379.

⁵ Это вызвало рукоплескания. Другим неизвестным оратором, а затем депутатом Виленкиным было предложено включить Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели, М.И. Скобелева, В.М. Чернова, А.Ф. Керенского и А.В. Пешехонова в состав ВЦИК сверх установленного числа. Голосование по Н.С. Чхеидзе не вызвало протестов и было единогласным, тогда как голосование по министрам-социалистам не устраивало фракцию большевиков (Там же. Т. 2. С. 76).

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Там же. С. 321.

ции по декларации прав солдата слово «контрреволюционный» [в отношении военных приказов – А.П.], поскольку не все доверяют «Известиям» и может возникнуть ситуация в полках, когда «тов[арищ] Чхеидзе должен [будет] написать, что <...> воззвание [Совета к армии – А.И.] не контрреволюционно»¹.

Несмотря на сосредоточенность на председательских функциях, несколько раз Н.С. Чхеидзе выступал и со срочными заявлениями. 5 июня на вечернем заседании Н.С. Чхеидзе сделал внеочередное заявление о захвате анархистами типографии газеты «Русская воля», в связи с чем им была оглашена резолюция президиума, осуждавшая захват типографии, и предлагавшая Съезду обратиться к анархистам, чтобы последние немедленно освободили занятые помещения². 6 июня на вечернем заседании Н.С. Чхеидзе объявил о приглашении на 7 июня всех членов фронтовой группы на закрытое заседание по вопросу о действующей армии, в котором будет присутствовать военный министр А.Ф. Керенский³. 9 июня, на вечернем заседании Съезда, председатель Петросовета выступил в качестве обычного оратора после речи Лапинского, объявив о появившейся информации о запланированных на 10 июня демонстрациях, которые могут быть роковыми, если Съезд не примет меры⁴. Лидер меньшевиков призвал товарищей не расходиться, поскольку должен был быть сделан «подробный доклад о положении дела и <...> предложены соответствующие меры и резолюции, которые выработает ваш президиум»⁵. 20 июня, во время выступления А.М. Коллонтай по финскому вопросу, Н.С. Чхеидзе, видимо, появился на заседании Съезда и попросил членов президиума и членов президиума секции пройти в комнату, где заседает президиум «для выяснения некоторых вопросов»⁶. Вскоре Н.С. Чхеидзе вновь вернулся на заседание, где объявил о намеченной президиумом повестке дня на ближайшие несколько дней, где должны были выступить представители секций, поскольку было решено, что «Съезд ни в коем случае больше трех дней заседать уже не может» из-за предстоящего начала работы Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов⁷. Предложение президиума было принято.

¹ Там же. С. 346.

² Там же. Т. 1. С. 120.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 375.

⁵ Н.Н. Суханов вспоминал: «Редакция заявления Чхеидзе была не совсем ясна. Но она была крайне внушительна. И она вызвала величайшее волнение среди делегатов. Поднялся шум, возгласы, вопросы с мест. Все требовали сведений, что же именно случилось <...> Для успокоения и частного осведомления делегатов пришлось объявить перерыв» (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. С. 283).

⁶ Первый съезд. Т. 2. С. 188.

⁷ Там же. С. 195.

Официальные стенограммы Съезда не зафиксировали председательство Н.С. Чхеидзе на официальных заседаниях 4¹, 9² и 20 июня³, а также частных заседаниях 10⁴ и 12 июня⁵. Лидер меньшевиков пропускал обсуждения, связанные с отношением Съезда к Временному правительству, а также по вопросам о необходимости упразднения Госдумы и Госсовета и об отношении Съезда к войне. Периодически Н.С. Чхеидзе мог покидать заседание на некоторое время в дни своего председательствования⁶. Во время председательствования Н.С. Чхеидзе мог давать разъяснения докладчикам в частном порядке, которые не протоколировались⁷. Кроме того, подробно известно лишь об одном участии Н.С. Чхеидзе в заседании фракции меньшевиков Съезда⁸.

Во время работы Съезда получила дальнейшее развитие такая практика, как личные приветствия и выступления Н.С. Чхеидзе на митингах. Установлено 5 таких случаев. 10 июня Н.С. Чхеидзе выступал в I пулеметном полку, в связи с появившимися накануне сообщениями о возможных демонстрациях, которые могли быть роковыми. Лидер меньшевиков отметил, что выступление перед пулеметчиками прошло успешно, несмотря на то что полк считался «душой и телом [преданным] большевизму», однако уверенности, что в будущем полк вновь не выступит, «у проникательного Николая Семеновича нет»⁹. В некоторых воспоминаниях также было отмечено, что Н.С. Чхеидзе выступал в пулеметном полку против демонстрации. Однако в конечном итоге он был освистан¹⁰ и, уезжая, «грозил кула-

¹ По стенограммам председателем числился Е.П. Гегечкори (Там же. Т. 1. С. 41 – 46).

² В частности, на вечернем заседании председателем был Л.М. Хинчук (Там же. С. 334).

³ Там же. Т. 2. С. 149.

⁴ Вероятно, это было связано с выступлениями политика в этот день перед различными полками с целью недопущения их выхода на улицы (Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов // Известия. 1917. 11 июня).

⁵ Первый съезд. Т. 2. С. 3.

⁶ Там же. Т. 1. С. 219; Т. 2. С. 21, 30, 351, 357, 362.

⁷ Там же. Т. 1. С. 176.

⁸ На нем состоялись жаркие прения относительно проекта отношения Совета к Временному правительству, принявшие «характер ожесточенного турнира, привлекающего на заседание необычное количество делегатов» и завершившиеся тем, что Н.С. Чхеидзе поддержал Гегечкори, «указывающего на необходимость выразить доверие <...> всему правительству в целом» (Меньшевики в 1917 году. В 3 т. М., 1994. Т. 1. От января до июльских событий / Под общ. ред. З. Галили. С. 530).

⁹ Несостоявшееся выступление // Дело народа. 1917. 11 июня. Примерно так же охарактеризовал это событие и Н.Н. Суханов (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. С. 287).

¹⁰ Микрюков И.К. Воспоминания бывшего солдата 1-го пулеметного полка о революционных событиях в Петрограде в 1917 году и автобиография // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1725. Л. 5 об.

ком»¹. Впоследствии некоторые депутаты пулеметного полка, входившие в Петросовет, подчеркивали, что пока в органе рабочих и солдат находились «соглашатели» в лице председателя Н.С. Чхеидзе, до тех пор решения о прекращении войны нельзя было добиться².

Газеты же отмечали, что Н.С. Чхеидзе посетил полк вместе с Шумятским и Н.Д. Авксентьевым; солдаты, выслушав ораторов, вынесли постановление о полном согласии с Советом и откладывании своего выступления на три дня для подготовки демонстрации в пользу мира и хлеба³.

14 июня Н.С. Чхеидзе присутствовал на митинге рабочих Путиловского завода, однако выступление председателя Петросовета не захотели слушать, считая, что «Совет не желает считаться с интересами рабочих, что он должен сложить свои полномочия, так как в нем слишком много кадетов и солдат, “продавшихся буржуазии”»⁴.

Центральной, во время проходившего в Петрограде Съезда Советов, стала манифестация 18 июня в поддержку начала наступления на фронте. Как сообщали газеты, к 10 ч. утра к могилам жертв Февральской революции на Марсовом поле подошли делегаты Съезда со своим знаменем и во главе с Чхеидзе, Даном, Гегечкори и др. Они заняли места в оцепленной части⁵. Конкретных выступлений председателя Петросовета во время манифестации пресса не зафиксировала. Вместе с тем было отмечено, что после прохождения представителей Конференции военных организаций большевиков последние обратились к Н.С. Чхеидзе с требованием освобождения редактора «Окопной Правды» Ф.П. Хаустова «не позже вечера», на что лидер меньшевиков обещал «делать все возможное»⁶. Газеты писали, что Н.С. Чхеидзе и другие деятели Петросовета в целом выражали сдержанность, несмотря на наличие на демонстрациях некоторых большевистских лозунгов⁷.

21 июня Н.С. Чхеидзе выступал перед манифестацией сорокалетних солдат, где заседал Всероссийский съезд советов, заявив, «что вопрос о

---

¹ Казаков И.Ф. Воспоминания бывшего солдата первого пулеметного полка // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 449. Л. 4; его же. Воспоминания бывшего солдата 1-го пулеметного полка о пребывании в тюрьме «Кресты» после июльских событий 1917 года и автобиография // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2065. Л. 6.

² Виноградов С.Е. Воспоминания бывшего солдата 2-го пулеметного полка о революционных событиях в Петрограде, о 2-м Всероссийском съезде Советов и о выступлениях В.И. Ленина в 1917 году // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1727. Л. 12.

³ 10 июня // Речь. 1917. 11 июня.

⁴ На Путиловском заводе // Петербургский листок. 1917. 16 июня.

⁵ Манифестация 18 июня // Известия. 1917. 20 июня.

⁶ Там же.

⁷ Вчерашняя манифестация // Вечернее время. 1917. 19 июня.

них будет решен в сегодняшнем заседании Съезда»¹. 22 июня газеты сообщали о выступлении Н.С. Чхеидзе на митинге в Егерском запасном батальоне, однако, речь председателя Петросовета «прерывали возгласами “буржуй”, и он вынужден был ретироваться»².

Во время Съезда Н.С. Чхеидзе также продолжал работу в Петроградском Совете, однако выступления политика зафиксированы не во всех заседаниях, что затрудняет ответ на вопрос о количестве его рабочих мероприятий. Известно, что Н.С. Чхеидзе участвовал в 2 общих собраниях (14³ и 20⁴ июня), упоминался на заседаниях Бюро и самого Исполкома (6⁵ июня). Кроме этого, 11 июня Н.С. Чхеидзе числился председателем на совместном закрытом заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета с президиумом Всероссийского съезда Советов, где решался вопрос о выработке резолюции о произошедших митингах 10 июня⁶. С 21 июня Н.С. Чхеидзе также начал работать во Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов, в котором он ежедневно председательствовал⁷.

За время работы на Съезде были подготовлены лишь два акта, скрепленные личной подписью Н.С. Чхеидзе. Чаще всего немногочисленные постановления политика продолжали публиковаться с сигнатурой именно председателя Петроградского Совета⁸. Поскольку механизм работы Петросовета и издания им постановлений оформлялся явочным порядком, предполагается, что, исходя из оценки той или иной ситуации, Исполком принимал решение о скреплении нормативного-правового акта личной подписью лидера меньшевиков только в случаях конфликтных или чрезвычайных, могущих иметь радикальное развитие. Чаще всего ими оказывались конфликты в трудовых органах, захваты зданий или сообщения о возможных вооруженных выступлениях и митингах. Можно предположить, что для усиления нормативной силы советских актов в ситуации вокруг дачи Дурново виза Н.С. Чхеидзе как председателя Всероссийского съезда Со-

---

¹ Манифестации солдат 40 лет // Дело народа. 1917. 22 июня. 22 июня Н.С. Чхеидзе вновь встречался с делегацией сорокалетних солдат, которым пообещал, что Съезд даст ответы на их вопросы к следующему дню – Первый съезд. Т. 2. С. 241.

² О чем говорят // Единство. 1917. 29 июня.

³ В Совете рабочих и солдатских депутатов // Известия. 1917. 15 июня.

⁴ Протоколы. Т. 3. С. 337, 346, 349).

⁵ Там же. Т. 3. С. 275.

⁶ Там же. С. 299, 301.

⁷ 21 июня были обсуждены вопросы конструкции ВЦИК, его состав и процедура передачи дел Петроградского Исполкома ЦИКу, а Н.С. Чхеидзе был единогласно избран председателем органа (В Центральном исполнительном комитете // Известия. 1917. 24 июня).

⁸ Протоколы. Т. 3. С. 330; Порядок вызова войск // День. 1917. 25 июня.

тов должна была указывать на чрезвычайную обязательность и серьезность¹. После этого 9 июня постановление было издано в газетах². Второй же акт видимо рассматривался как не столь серьезный, в связи с чем резолюция, где отмечалась необходимость исполнения приказа военного министра о возвращении 40-летних солдат по своим частям с целью защиты Родины, была подписана Н.С. Чхеидзе только в качестве председателя Съезда и не выносилась отдельно на заседания Петросовета или ЦИК³.

24 июня состоялось заключительное заседание съезда Советов. Председательство Н.С. Чхеидзе сопровождалось его заявлением о прекращении прений перед выступлением Захватаева⁴, постановкой на голосование резолюций военной секции о выполнении приказа военного министра о возвращении в свои части сорокалетних⁵ и о солдатском пайке⁶, а также баллотировки поправок по резолюции о боеспособности армии⁷. При этом на возникавшие просьбы повторно пересчитать голоса Н.С. Чхеидзе соглашался⁸. Председатель Съезда заявил, что президиум обсуждал возможность обращения к Германии и Австрии через нейтральные страны по вопросу о состоянии русских военнопленных и выразил пожелание передать вопрос на обсуждение ЦИК Советов, что было принято баллотировкой⁹. При этом после выступления М.И. Скобелева, Н.С. Чхеидзе спросил депутатов, будут ли последние выслушать еще одного оратора по вопросу о военнопленных, однако, в зале возник шум, а затем баллотировкой данное предложение было отклонено¹⁰. После принятия резолюций финансовой комиссии, а также комиссии по расследованию избиения демонстрантов в Петергофе, председатель Съезда предложил заслушать приветствие Рогова, после чего Лордкипанидзе предложил перед передачей дел Центральному исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов, приветствовать Петроградский Совет и «в лице тов[арища] Чхеидзе приветствовать революционный гарнизон и пролетариат г. Петрограда»¹¹. Сам Н.С. Чхеидзе поблагодарил за приветствия и выступил с заключительным словом, где выразил уверенность, что «внимание, <...> с которым относилась вся страна к работе Съезда <...>, является залогом, что <...> решения

¹ Протоколы. Т. 3. С. 284; Первый съезд. Т. 1. С. 262.

² Ко всему рабочему населению Выборгского района // Известия. 1917. 9 июня.

³ Резолюция Всероссийского съезда по вопросу о 40-летних // День. 1917. 25 июня.

⁴ Первый съезд. Т. 2. С. 392.

⁵ Там же. С. 394.

⁶ Там же. С. 398.

⁷ Там же. С. 405 – 412.

⁸ Там же. С. 410.

⁹ Там же. С. 412.

¹⁰ Там же. С. 417.

¹¹ Там же. С. 420.

[депутатов Съезда] <...> не останутся пустыми словами, и претворятся в жизнь». Председатель Съезда просил участников заседания «обратить свой взор туда, где беззаветные борцы за свободу России проливают кровь и еще раз приветствовать [их]». После призывов «да здравствует великая российская революция, да здравствует великая свободная Россия, пусть погибнет война, да здравствует международный мир, да здравствует пролетарская солидарность, да здравствует Интернационал» попросил «отнестись со снисходительностью» к дефектам работы Съезда и объявил его работу закрытой¹.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Избрание Н.С. Чхеидзе 3 июня 1917 г. председателем I Всероссийского съезда Советов стало проявлением компромисса между различными течениями российских социалистов. Компромисс стал возможен как по объективным причинам – работа политика в Петроградском Совете и на Всероссийском совещании Советов, так и по субъективным – из-за его умения сглаживать острые моменты в ходе заседаний советских форумов. Несмотря на это, большую роль в работе Съезда играли И.Г. Церетели, М.И. Скобелев и др. меньшевики.

Н.С. Чхеидзе в целом занимался канцелярской работой учреждения, не вдаваясь в подробные теоретические и политические игры и солидаризируясь со своими коллегами по основным вопросам, поднятыми на Съезде: поддержка Временного правительства, продолжение оборонительной войны до победы, решение аграрного вопроса Учредительным собранием и т.п.

Итоги работы Н.С. Чхеидзе на Съезде могли удовлетворить депутатов, которые считали необходимым участие деятеля в работе нового советского представительного органа, коим стал ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Из 24 заседаний I Съезда Советов лидер меньшевиков участвовал в 20, в том числе в 18 в качестве председателя.

Признаком приверженности политика демократическим принципам стало проведение им различных баллотировок, касавшихся как хода заседаний (предоставление дополнительного времени ораторам, уточнение вида голосования и т.п.), так и содержательной части документов, представляемых на Съезде (представление различных редакций резолюций и обращений, внесение к ним поправок, голосования по отдельным так и общим изменениям в документы). Сюда же относятся и приветствия уважаемых социалистов, и почтение павших борцов за свободу и солдат на фронтах.

Несмотря на авторитет Н.С. Чхеидзе и стремление политика дать возможность выступать представителям различным социалистических течений, его председательство практически постоянно проходило «проверку на прочность», в связи с периодическими проявлениями радикализма со стороны пробольшевистских деятелей и отсутствием длительной школы

---

¹ Там же. С. 420 – 421.

социально-политического активизма советских депутатов регионов России, которые только познавали практику работы демократических представительных учреждений.

РАБОЧАЯ МИЛИЦИЯ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА И ГОРОДСКАЯ МИЛИЦИЯ СПАССКОГО РАЙОНА В ДНИ ИЮЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1917 ГОДА

ШВЕДОВА ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА,
аспирант кафедры русской истории (XIX–XXI в) Ин-
ститута истории и социальных наук РГПУ, ассистент
кафедры теории и истории культуры Института фило-
софии человека РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-
Петербург, Россия;
e-mail: vvshvedova@herzen.spb.ru

Научный руководитель:
Николаев Андрей Борисович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) Института
истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Июльский политический кризис характеризовался массовыми выступлениями рабочих и солдат. Большинство демонстрантов являлись рабочими из Выборгского, Петергофского и Василеостровского районов¹, о колоннах вооруженных рабочих с Выборгской стороны писал А.Е. Рабинович². В отечественной и зарубежной историографии сложилось мнение о пассивности городской милиции и активных действиях рабочей милиции, принимавшей участие на стороне демонстрантов во время июльских дней. Например, В.И. Мусаев отмечал, что «городская милиция вела себя выжидательно и не вмешивалась в события»³, в отличие от городской милиции «рабочая милиция не была политически пассивна», «рабочие-милиционеры приняли участие в антиправительственных выступлениях», среди которых были милиционеры Нарвского и Василеостровского районов⁴. Похожую оценку деятельности городской

¹ Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964. С. 121.

² Рабинович А.Е. Кровавые дни: июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 201.

³ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917 – 1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 22.

⁴ Там же. С. 24.

милиции дал М.Ю. Гутман¹. О том, что городская милиция держалась в стороне, в отличие от рабочей милиции, писал Ц. Хасегава². Отчасти слабая работа Петроградской городской милиции объяснялась тем, что милиция «часто» не могла противостоять³ хулиганам. Вместе с тем сведений о деятельности рабочей милиции Выборгского района и городской милиции Спасского района в дни Июльского политического кризиса нет. Таким образом, на основе вводимого материала можно попытаться заполнить образовавшуюся лауну, т.е. рассмотреть действия рабочей и городской милиции, проанализировать отношение рабочей милиции Выборгского района и городской милиции Спасского района к демонстрации, рассмотреть действия рабочей и городской милиции во время июльских событий.

При написании статьи использовались разнообразные исторические источники, в том числе суточные рапорты милиции Спасского района, переписка комиссаров с Управой Спасского района, начальником Петроградской городской милиции и материалы периодической печати.

Милиция Выборгского района, созданная в дни Февральской революции на предприятиях силами рабочих⁴, отличалась по своему составу от городской милиции Спасского района, укомплектованной на основе «вольного найма»⁵, где старшие милиционеры были «достаточно интеллигенты»⁶ и зачастую являлись студентами⁷.

Так, рабочие-милиционеры Выборгского района 3 июля в 7 часов вечера у Литейного моста, вместо поддержания общественного порядка, совместно с большевиками, Красной гвардией и анархистами, занимавшими дачу бывшего министра П.Н. Дурново, «агитировали» людей⁸. Как писала газета «День» 5 июля, «на даче Дурново, на заводе Маркса и у дворца Кшесинской кипит неустанная и непонятная работа, здесь создаются буйные лозунги»⁹. В публикации «Дня» интересно упоминание дачи Дурново, где находился штаб анархистов¹⁰ и комиссариат рабочей милиции 1-го Выборгского подрайона¹. «Буй-

¹ Гутман М.Ю. Правовые вопросы организации и детальности милиции Временного правительства, рабочей милиции и Красной гвардии Петрограда (март – октябрь 1917 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (36), 2007. С. 39.

² Hasegawa T. Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, Mass., 2017. P. 148.

³ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003. С. 134.

⁴ Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 – апрель 1918). М.; Л., 1965. С. 43 – 44.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ ГА РФ. Ф. 5141. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

⁷ Там же. ЛЛ. 3 – 4, 16.

⁸ Начало волнений / События в Петрограде // День. 1917. 4 июля.

⁹ Впечатления / Новости дня // День. 1917. 5 июля.

¹⁰ Анархисты постояльцы // Петроградский листок. 1917. 21 апреля.

ные лозунги», скорее, исходили от анархистов, однако милиционеры тех не останавливали. Вдобавок, наравне с анархистами рабочая милиция принимала участие в захвате типографии газеты «Новое время», среди задержанных оказался один милиционер из Выборгского района. К тому же, было установлено, что занимавшие типографию анархисты поддерживали связь с комиссариатом рабочей милиции². Неудивительно, что после июльских событий комиссариат 1-го Выборгского подрайона обыскали «отряды юнкеров и “увечных воинов”»³, отобрали 53 винтовки, о чем комиссариатом было заявлено в Выборгскую районную управу⁴. Такого же рода «рейд» был совершен на комиссариат 2-го Выборгского подрайона⁵.

Кроме того, рабочие-милиционеры становились правонарушителями. Так, милиционер 1-го Выборгского подрайона Ф.Ф. Рулев (№ повязки 22554), будучи в нетрезвом виде и избитым, был задержан в ночь с 3 на 4 июля милиционерами 2-го Лесного подрайона, о чем 4 июля сообщено комиссару 1-го Выборгского подрайона⁶.

Несмотря на то, что в центральных районах Петрограда милиция в дни Июльского кризиса несла службу «весьма слабо»⁷, милиционеры городской милиции Спасского района не оставляли без внимания происшествия, имеющие политический характер. Так, 3 июля был задержан и доставлен в комиссариат 1-го Спасского подрайона рабочий В.М. Курочкин за оскорбления министра А.Ф. Керенского в трамвае № 3 по Садовой улице. Составленный протокол был направлен во Временный суд 21-го района⁸. 4-го июля милиционерами 1-го Спасского подрайона был задержан студент Психоневрологического института за стрельбу. После допроса студент был направлен в Совет рабочих и солдатских депутатов. Тогда же милиционеры 3-го Спасского подрайона задержали мужчину, «ударившего в колокола» на Сенной, когда проходила вооруженная манифестация, из-за чего далее «последовали выстрелы». Милиция задержала мужчину и его сообщника, они обвинялись в стрельбе с колокольни⁹. Кроме того, имели место попытки среди демонстрантов разгромить Александровский рынок¹⁰, находящийся в ведении милиции Спасского района¹.

---

¹ ГА РФ. Ф. 5141. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

² Освобождение типографии «Нового времени» // Речь. 1917. 6 июля.

³ Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 212.

⁴ Разоружение комиссариата // Вестник городского самоуправления. 1917. 16 июля.

⁵ Hasegawa T. Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, Mass., 2017. P. 149.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 13. Л. 17.

⁷ Городская милиция // День. 1917. 8 июля.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 96 об.

⁹ Аресты // Вестник городского самоуправления. 1917. 6 июля.

¹⁰ Происшествия // Речь. 1917. 5 июля.

Помимо преступлений политического характера городская милиция Спасского района продолжала борьбу с хулиганством², оскорблениями³, разгромами квартир⁴ и магазинов⁵, кражами среди солдат⁶ и простых граждан⁷, пьянством⁸, жалобами граждан на «неправильную продажу хлеба»⁹, за торговлю «недоброкачественными фруктами»¹⁰, с «непомерно высокими ценами» в кафе «Ампир»¹¹.

Многие комиссариаты подверглись разгрому¹², среди них комиссариат 4-го Спасского подрайона. В ночь с 3-го на 4-е июля комиссариат 4-го Спасского подрайона подвергся разгрому, о чем 5 июля рапортовал начальнику милиции комиссар¹³. Толпа из солдат и матросов ночью привела в комиссариат 5 неизвестных, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Задержанных отправили в арестную камеру для вытрезвления. В ходе проверки вещей были обнаружены ручные бомбы, револьверы и патроны. Как указывал комиссар, их задержали у автомобиля, «на котором находилось два пулемета». Спустя время возле комиссариата собралась толпа из рабочих Путиловского завода, милиционеров Петергофского района, а также пьяных солдат. Толпа, «угрожая дежурным, милиционерам винтовками» стала требовать отпустить арестованных и отдать все имеющееся оружие в комиссариате. Кончилось тем, что задержанные были отпущены, помимо отданного милиционерами оружия, преступники забрали спирт, вино, мешки с чаем – то, что относилось к протоколам, разрушили цейхгауз. Милиционера Подольского избили и забрали в Петергофский район, помощника комиссара и двух дежурных милиционеров милиционеры 2-го Петергофского подрайона отвели к себе в комиссариат, составили протокол и отпустили¹⁴.

---

¹ Петроградская городская народная милиция / Справочный указатель // Ведомости Общественного градоначальства. 1917. 30 марта.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 97 об.

³ Там же. ЛЛ. 98 об., 99 об.,

⁴ Там же. ЛЛ. 100 об., 101 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 104 об., 107 об.; Д. 216. Л. 31; Ф. 8816. Оп. 1. Д. 114. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 96 об.

⁷ Там же. ЛЛ. 96 об., 98 об.,

⁸ Там же. ЛЛ. 97 об., 99 об.,

⁹ Там же. Л. 96 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Нападение большевиков на комиссариат // Петроградская газета. 1917. 7 июля; Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 212.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 8816. Оп. 1. Д. 114. ЛЛ. 1 – 1 об.

¹⁴ Разгром комиссариата // Вестник городского самоуправления. 1917. 6 июля; Нападение на комиссариат // День. 1917. 6 июля.

Интересен и другой случай. Вечером 3 июля старший милиционер Гловацкий, дежурный по уголовному столу, принял телефонограмму, якобы от председателя Совета народной милиции. Приказывалось сдать комиссариат 2-го Спасского подрайона «в руки рабочих, а милиционерам немедленно удалиться под угрозой расстрела». Позже выяснилось, что за всем этим стоял недавно заступивший на службу милиционер Горецкий. Горецкий во всем сознался, однако мотивов не назвал и сумел скрыться¹.

Добавим, записи о происшествиях отсутствуют в 3-м Спасском и 4-м Спасском подрайонах. В первом случае записи обрываются на 1 июля², а возобновляются 6 июля³, то же самое касается суточных рапортов 4-го Спасского подрайона – они обрываются на 1 июля⁴ и начинаются 9 июля⁵. Отсутствие записей в 4-м Спасском комиссариате можно объяснить разгромом комиссариата, о чем было написано выше. Однако подобная небрежность с документацией характерна и для рабочей милиции Выборгского района. Записи о происшествиях в 1-м Выборгском подрайоне за июль полностью отсутствуют, сведения о нарушениях появляются только 25 августа⁶, во 2-м Выборгском подрайоне перестают фиксироваться 2 июля⁷, возобновляются – 13-го⁸. В 3-м Выборгском подрайоне записи обрываются 3-го июля⁹, появляются лишь 9-го¹⁰.

После июльских событий ввиду «нареканий на бездействие» Петроградской городской милиции и.о. начальника милиции Н.В. Иванов дал распоряжение комиссарам предоставить «подробный отчет» о деятельности милиционеров¹¹. Комиссару 1-го Выборгского подрайона была направлена телеграмма от прокурора Петроградского окружного суда с просьбой «установить случаи разгромов магазинов и чайных», протоколы следовало направлять участковому судебному следователю или во временные суды¹², однако обнаружить такие списки не удалось. Схожая процедура проходила и в Спасском районе: 6 июля комиссар 2-го Спасского подрайона направил председателю Спасской районной управы¹³ рапорт об убитых и раненых в

¹ ЦГА СПб. Ф. 8816. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

² Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 220. Л. 61.

³ Там же. Л. 62.

⁴ Там же. Д. 224. Л. 60.

⁵ Там же. Л. 61.

⁶ Там же. Д. 60. Л. 30.

⁷ Там же. Д. 63. Л. 33.

⁸ Там же. Л. 34.

⁹ Там же. Д. 189. Л. 100.

¹⁰ Там же. Л. 102.

¹¹ Расследование событий 4 – 5 июля // Речь. 1917. 9 июля.

¹² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 14. Л. 48.

¹³ Там же. Ф. 8816. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

подрайоне во время событий с 3 по 5 июля, такой же список был направлен 15 июля помощником комиссара 2-го Спасского подрайона и.о. начальника милиции Н.В. Иванову¹. 7 июля комиссар 1-го Спасского подрайона также направил в Спасскую районную управу списки убитых и раненных². Вместе с тем нельзя не отметить аресты, производимые 28 и 29 июля милицией Выборгского района. Рабочими-милиционерами были задержаны три участника июльских событий – рабочий с завода Лесснера – Мусатов, его товарищ Майоров, кузнец с завода «Динамо» Осипов³, т.е. рабочая милиция содействовала правительству в поимке демонстрантов.

Таким образом, рабочая милиция Выборгского района и городская милиция Спасского района в июльские дни стояли на противоположных позициях: рабочие-милиционеры выступили на стороне демонстрантов, а городская милиция Спасского района на подконтрольной ей территории старалась поддерживать общественный порядок, однако после июльского кизиса рабочая милиция Выборгского района задерживала рабочих, участвовавших в демонстрации, к подобной тактике милиционеров могли побудить произведенные обыски в комиссариатах 1-го и 2-го подрайонов.

ОТ ПОИСКА КОМПРОМИССА К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ (ОСЕНЬ 1917 Г.)

АБРОСИМОВА ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: tabrosimova@mail.ru

В статье поставлена задача показать пути и механизмы выработки тактической линии партии большевиков для осуществления прихода к власти. Акцент делается на многочисленных внутривнутрипартийных острых дискуссиях между умеренными и радикальными большевиками, далеко не всегда находившими точки соприкосновения.

В изучении этого вопроса явились бесценными, изданные в разное время, протоколы заседаний Центрального комитета РСДРП(б), протоколы засе-

¹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 216. ЛЛ. 33 – 34.

² Там же. Ф. 8816. Оп. 1. Д. 114. ЛЛ. 7 – 8 об.

³ Арест провокаторов / Происшествия // Речь. 1917. 30 июля.

даний Петербургского комитета РСДРП(б) (далее – ПК) за 1917 г.¹ А также протоколы районных комитетов большевиков за этот же период, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

После корниловского мятежа в августе 1917 г. лидеры петроградских большевиков считали возможным сближение с меньшевиками и эсерами и не настаивали на немедленном захвате власти пролетариатом. По их мнению, власть можно было взять мирным путем. Эта позиция была поддержана В. И. Лениным, который в тот момент оценил объединение разных сил в стране как «крайне редкую и крайне ценную возможность мирного развития революции». Подтверждением этому стала статья «О компромиссах», написанная Лениным 1 сентября. В ней провозглашался возврат к «мирной» доиюльской тактике и лозунгу «Вся власть Советам!»². На возможность и желательность мирного развития революции указывалось и в других его статьях первой половины сентября³.

Хотя тактика большевиков не всегда вытекала из ленинских идей, но в этой ситуации, как отмечал большевистский лидер, – «совпадение у нас получилось полное»⁴. Действительно, позиция Ленина была близка и понятна большинству большевистских руководителей. Отдельные протесты радикально настроенных большевиков и их призывы «готовиться к схватке» были скорее исключением⁵. Отчасти, ленинскими статьями большевики руководствовались на Демократическом совещании, проходившем с 14 по 22 сентября в Петрограде. У значительной части петроградских большевиков Демократическое совещание рассматривалось как возможность мирного развития революции.

Неожиданно, во время работы Демократического совещания В.И. Ленин, исходя из анализа ситуации, резко изменил тактику, изложенную в его статьях начала сентября. Он склонялся к возможности немедленного проведения восстания. С его точки зрения, нерешительность в этом вопросе непростительна, а большевики опозорили бы «себя навеки» и сошли бы на нет как партия. Уже 12 и 14 сентября В.И. Ленин пишет и от-

---

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б): август 1917 – февраль 1918. М., 1958; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний / под ред. Т.А. Абросимовой, Т.П. Бондаревской. СПб., 2003.

² Ленин В.И. О компромиссах // Ленин В.И. ПСС: в 55 т. М., 1969. Т. 34. С. 134 – 135.

³ Речь идет о статьях В.И. Ленина: «О компромиссах» (1 – 3 сент.) (Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 134 – 135); «Задачи революции» (Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 229 – 238); «Один из коренных вопросов революции» (Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 200 – 207); «Русская революция и гражданская война» (Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 214 – 228); «Как обеспечить успех Учредительного собрания» (5–10 сент.) (Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 208 – 213).

⁴ Ленин В.И. В Центральный комитет РСДРП(б) // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 121.

⁵ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. С. 434.

правляет в ЦК два письма «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Первое было адресовано ЦК, ПК и Московскому комитету РСДРП(б), второе только ЦК РСДРП(б). В них совершенно неожиданно для всех он требовал отозвать делегатов с Демократического совещания и, не теряя ни минуты, готовиться к организации вооруженного восстания, не дожидаясь Съезда Советов. «Наша партия, – писал В.И. Ленин, – теперь на Демократическом совещании имеет свой съезд, задача которого – на очередь поставить вооруженное восстание в Питере и Москве (с областью)»¹.

Во время работы Совещания, руководители большевиков получили от В.И. Ленина эти письма и совершенно растерялись: «Мы все ахнули, – вспоминал позже Н.И. Бухарин, – никто еще так резко вопроса не ставил, никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время»². Прежде всего, смущал вопрос о восстании как практической задаче для партии. В тот момент мнение, об относительно мирном способе передачи власти советам, однозначно преобладало у большинства большевиков.

Члены ЦК в срочном порядке 15 сентября приступили к обсуждению писем В.И. Ленина. Трудно было сразу сделать резкий поворот. В ЦК решили принять меры предосторожности, чтобы не просочилась информация с призывами В.И. Ленина к немедленному выступлению. На заседании решено было скрыть письма даже от ведущих комитетов партии – Петербургского и Московского, хотя первое письмо адресовалось непосредственно им. На представителей ЦК в Петербургском комитете А.С. Бубнова и Я.М. Свердлова была возложена личная ответственность о неразглашении писем В.И. Ленина из-за боязни преждевременных выступлений. О желании ЦК скрыть письма, вспоминал Г.И. Ломов: «<...> мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы, Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разноречивый в наши ряды <...> многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»³ По утверждению Н.И. Бухарина, в ЦК даже рассматривался вопрос об уничтожении ленинских писем, в результате чего единогласно постановили их сжечь⁴. По официальной версии, на заседании ЦК было принято решение оставить 1 экземпляр ленинских писем (каждое было в 10 экземплярах), а остальные уничтожить. За это предложение высказались 6 чел., против –

¹ Ленин В.И. Большевики должны взять власть // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 240 – 241.

² Из речи т. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319.

³ Ломов Г. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 166.

⁴ Из речи т. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319. Свидетельство о единогласном решении сжечь письма не подтверждено. Об этом вспоминал только Н.И. Бухарин.

4 чел., воздержались – 6 чел.¹ Кроме того, в заключение заседания было принято решение обязать членов ЦК, работающих в Петербургском комитете и в Военной организации, принять все меры к тому, чтобы не возникло каких-либо беспорядков в казармах и на заводах. Однако в целом было ясно, ЦК игнорировал указание Ленина, чем вызывал его негодование.

29 сентября в статье «Кризис назрел», во второй ее части, предназначенной не для печати, а для членов Центрального, Петербургского и Московского комитетов и Советов, В.И. Ленин выразил возмущение линией ЦК: «В ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов (намеченного на 20 октября. – Т.А.), против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение <...> “Ждать” съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели* (здесь и далее выделено Лениным. – Т.А.), а недели или даже дни решают теперь *все*»².

Несмотря на все старания ЦК скрыть ленинские письма, о них, стало известно Петербургскому комитету, о чем сообщил М.И. Лацис³. ПК РСДРП(б), узнав о письмах, сделал все возможное чтобы ленинские письма стали достоянием всех членов Петроградской организации большевиков. Воспоминания участников революции показывают, что письма были широко известны и обсуждались в большевистских организациях столицы. Так, член Выборгского РК большевиков И.М. Гордиенко вспоминает, что для знакомства с письмом «Большевики должны взять власть» группа партийного актива собралась в помещении Выборгского районного Совета на Лесной улице⁴. Присутствовавший на этом заседании Н.Ф. Свешников, отмечал: «Эти строки из первых рук служили нам заслуженной наградой за революционную четкость района»⁵. О том, что с письмом В.И. Ленина «Большевики должны взять власть» познакомил партактив Василеостровского района секретарь ПК РСДРП(б) Г.И. Бокий, стало известно из воспоминаний члена ПК Б.А. Ратнер⁶.

Параллельно с активным распространением ленинских писем, ПК, возмущенный их сокрытием, направил в ЦК письмо и потребовал созвать «совещание ЦК с питерскими и московскими работниками для определе-

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 55.

² Ленин В.И. Кризис назрел // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 281.

³ Лацис М.И. Роль Петроградского комитета в октябре // Петроградская правда. 1922. 5 ноября.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1174. Л. 10.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 422. Л. 7.

⁶ См.: Ратнер Б.А. Большевики должны взять власть // О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900 – 1922 гг. М., 1963. С. 283. Ратнер Б.А. введена в состав ПК от Василеостровского района после гибели Веры Слуцкой.

ния политической линии партии»¹. Не дождавшись созыва такого совещания, ПК РСДРП(б) 5 октября, проводит свое заседание, на котором обсуждает предложение В.И. Ленина о подготовке к восстанию. На этом заседании, проходившем у Нарвских ворот непосредственно в помещении, где располагался Петербургский комитет по адресу Петергофское шоссе, д. 2, собравшимся было зачитано письмо В.И. Ленина от 1 октября, в котором содержался призыв к немедленному свержению Временного правительства. Затем Ю. Рахья сделал доклад о текущем моменте. В докладе шла речь о необходимости немедленно переходить к практической подготовке восстания. Среди членов исполнительной комиссии ПК эта точка зрения была более популярна. Но были и те, кто сомневался в необходимости форсирования событий. Среди них, достаточно осторожно высказались В. Володарский и М.М. Лашевич. Мнения собравшихся разделились, дискуссия была горячей, заседание длилось несколько часов, но к единому решению не пришли. Резолюцию не приняли, и вопрос по предложению В. Володарского отложили до общегородской партийной конференции². К концу этого заседания появились члены Центрального комитета А.С. Бубнов, Г.Я. Сокольников и И.Т. Смилга. ЦК важно было почувствовать настрой столичного комитета. Несомненно, ЦК прислушивался к мнению ПК, прекрасно знавшего настроение рабочих.

Наблюдая за ситуацией, В.И. Ленин нервничал, убеждал, доказывал, настаивал на необходимости восстания. В руководящих кругах большевиков сомневались и выжидали. На это ушло несколько недель. 10 октября в квартире большевички Г.К. Флаксерман и ее мужа меньшевика Н.Н. Суханова состоялось ответственное заседание ЦК РСДРП(б) по вопросу о восстании. После острой внутрипартийной дискуссии, 10 голосами за была принята ленинская резолюция, против проголосовали Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев. Большевики А.И. Рыкова и В.П. Ногина, Д.Б. Рязанова, не согласных с точкой зрения В.И. Ленина, на заседании ЦК не было. Ленин сумел убедить присутствующих в необходимости брать власть вооруженным путем, радикальное течение возобладало. Но напряжение оставалось. Умеренные большевики, чей авторитет, несомненно, был высок, не собирались отступать от своей позиции. Они обратились к руководящим партийным органам Петрограда, Москвы и Финляндии с письмом, в котором возражали против организации восстания, доказывая, что оно обречено на провал³.

Л.Д. Троцкий не голосовал против резолюции о восстании, но, как известно, он был сторонником отсрочки восстания до Второго съезда Со-

¹ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март – октябрь). М., 1957. Т. 1. С. 315.

² Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 491 – 497.

³ См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 86.

ветов. По его мнению, Петросовет, к этому времени ставший большевистским, и так располагал властью в городе, а вооруженное восстание могло быть лишь дополнительным актом в решении вопроса о власти. На этом заседании В.И. Ленин участвовал впервые после долгого подполья. Принятое решение было его личной большой победой. Ленин умел убеждать.

Готовясь к вооруженному столкновению, большевики изучали реальную возможность и готовность взять власть до Всероссийского съезда Советов. Решение этой задачи было сопряжено с немалыми трудностями и широко обсуждалось в партийных кругах. Далеко не все были оптимистичны. Тактика умеренных большевиков сдерживала осуществление ленинского курса на немедленное проведение восстания.

Важным этапом на этом пути стали закрытое заседание ПК РСДРП(б) 15 октября и следом созванное 16 октября расширенное заседание ЦК РСДРП(б) с представителями Петербургского комитета, военной организации большевистской фракции Петроградского совета, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и других организаций.

Заседание ПК было закрытым, состоялось в помещении ПК у Нарвских ворот, проходило активно и дискуссионно. На нем присутствовало 35 человек представлявших 17 районов Петрограда¹, Военную организацию, Центральный Совет профессиональных союзов, большевистскую фракцию Центральной городской думы и Шлиссельбургский район. Председательствовал член исполнительной комиссии ПК С.В. Косиор. На заседании выступил 31 человек, причем 10 – дважды.

Доклад о текущем моменте сделал член ЦК РСДРП(б) А.С. Бубнов. Он подробно остановился на чрезвычайно сложном внутреннем положении в стране, охарактеризовал международную обстановку и, поддержав ленинский вывод о неизбежности и своевременности вооруженного восстания, перечислил ряд важных мероприятий по выполнению резолюции ЦК от 10 октября. Вторым докладчиком по этому вопросу выступил один из руководителей Военной организации В.И. Невский. Он обратил внимание на «массу трудностей» в деле подготовки восстания. Доклад был сдержанный. В нем видна позиция докладчика – отсрочить восстание с целью лучшей подготовки к нему². Это мнение в Военной организации разделяли еще двое –

---

¹ В протоколе ПК при перечислении районов не указан Эстонский район, хотя представитель от района на заседании был и выступал с информацией (Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 507).

² Узнав о выступлении В.И. Невского на заседании Петербургского комитета 15 октября, Г.Е. Зиновьев пригласил его к себе и пытался убедить, что начинать восстание не следует. Невский колебался... (Невский В. В Октябре // Каторга и ссылка. 1932. № 11 – 12 (96 – 96). С. 37).

Н.И. Подвойский и Е.Ф. Розмирович. В.Р. Менжинский и К.А. Мехоношин считали необходимым выступить немедленно, Н.В. Крыленко колебался.

После докладов А.С. Бубнова и В.И. Невского были зачитаны резолюции ЦК РСДРП(б) от 10 октября о текущем моменте и особое мнение Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, в котором они указывали на «отсутствие условий» для победоносного восстания, считая его преждевременным¹.

Пессимистическое выступление Невского и предупреждение Каменева и Зиновьева оказали определенное воздействие на настроение собравших.

В выступлениях представителей 16 районов², окружной организации и профессиональных союзов оценка ситуации была различна. Часть участников заседания склонялись к отказу от немедленных решительных действий. В таких районах как 1-й городской, 2-й городской, Московский, Рождественский, Петербургский, Эстонский и Железнодорожный в профессиональных союзах и в губернии – настроение рабочих было выжидательным. В.К. Слуцкая, говоря об обстановке в Василеостровском районе, указывала: «Выступать настроения нет»³. Такая же ситуация сложилась и в Нарвском районе, где, как отмечал С.М. Гессен, наблюдалось «равнодушие к политике»⁴. В тоже время другая часть участников заседания отмечала готовность трудящихся к немедленному выступлению. «<...> В массах наблюдается серьезная сосредоточенность и работа <...>, – говорил представитель Выборгского района М.Я. Лацис, – масса нас поддержит»⁵. Присутствовавший от Невского района В.Б. Винокуров констатировал «настроение в нашу пользу»⁶. От Пороховского района выступал рабочий Капсульного завода, который заверял, что «заводской комитет, в случае призыва к выступлению вполне подготовлен повести за собой массы»⁷. «Большинство масс пойдет за нами <...>!»⁸, – отмечал представитель Шлиссельбургского района. О готовности к выступлению, о боевом настроении масс говорили также представители Латышской, Эстонской и

---

¹ Письмо-обращение Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева было передано секретарю ПК РСДРП(б) Бокию 11 октября 1917 года специально для обсуждения в Комитете. (Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 515 – 521).

² Записки представителя Польского района Я.Г. Фенигштейна с информацией о положении в районе в протоколе заседаний нет. Из его выступления на заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября известно, мнение Я.Г. Фенигштейна – отсрочить восстание (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 100).

³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 504.

⁴ Там же. С. 505.

⁵ Там же. С. 504.

⁶ Там же. С. 505.

⁷ Там же. С. 506.

⁸ Там же.

Финской национальных организаций. «У финнов, – указывал И.А. Рахья, – такое настроение, что чем скорее, тем лучше»¹.

После информационных докладов выступили 12 человек. Обмен мнениями показал, что часть членов в столичном комитете сомневалась в готовности рабочих к выступлению, а часть стояла за немедленное проведение восстания. Мнения сторонников и противников разделились. Эта двойственность отразилась в выступлении М.И. Калинина: «Резолюция Центрального комитета – это одна из лучших резолюций, которые когда-либо выносил ЦК. Эта резолюция призывает организацию к политическому действию. Мы практически уперлись, подошли к вооруженному восстанию. Но когда это будет возможно – может быть через год – неизвестно. Может быть, подготовка к вооруженному восстанию снимет с очереди этот вопрос»².

Несмотря на разные мнения, исполнительной комиссией ПК были предложены тезисы, содержащие ряд неотложных мероприятий по подготовке восстания: немедленный созыв совещания активных районных работников для выяснения приемов и лозунгов текущей агитации, налаживания издания вечерней газеты, приведение организационного аппарата в соответствие с запросами времени, улучшение связи со всеми массовыми рабочими организациями и солдатскими частями, ускоренное обучение рабочих владению оружием³.

В ходе обсуждения была сделана одна поправка, точнее добавление, об устройстве, помимо собрания районных активных работников, также общих районных партийных собраний, а в целом тезисы приняты единогласно⁴. Это была конкретная программа Петроградской организации.

16 октября, поздно вечером в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы на Болотной ул., д. 13/17, открылось расширенное заседание ЦК РСДРП(б). На заседании присутствовало 25 человек, из них 11 членов ЦК, 8 членов ПК и 6 представителей других партийных и рабочих организаций⁵. С докладом, продолжавшимся около двух часов, выступил В.И. Ленин. Он огласил резолюцию ЦК о восстании, принятую 10 октября. На основе глубокого анализа внутреннего и международного положения страны В.И. Ленин сделал вывод: «<...> на очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции ЦК»⁶.

---

¹ Там же. С. 507

² Там же. С. 508.

³ Там же. С. 508 – 510.

⁴ Там же. С. 510.

⁵ См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 93 – 104.

⁶ Ленин В.И. Заседание ЦК РСДРП(б) 16(29) октября 1917г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 395.

Затем были заслушаны доклады представителей с мест. Я.М. Свердлов сообщил, что партия большевиков гигантски выросла и объединяет не менее 400 тыс. человек, возросло ее влияние в Советах, армии и флоте. Член ПК Г.И. Бокий повторил сведения о настроении и подготовке к восстанию в районах Петрограда, сообщенные на заседании Петербургского комитета 15 октября. Представитель Петербургского окружного (губернского) партийного комитета С.Ф. Степанов рассказал о боевом большевистском настроении рабочих Сестрорецка, Колпина, солдат гарнизонов Красного Села, Луги, Гдова¹.

Тем не менее, оптимизма и единства мнений на заседании не было. Значительная часть членов ЦК продолжала проявлять осторожность и несогласие с ленинским курсом. Даже среди тех, кто поддерживал Ленина, у некоторых чувствовалась неуверенность в необходимости организации восстания до Съезда Советов.

Н.В. Крыленко, выражая мнение «Военки», отмечал падение революционного настроения солдат, считал невозможным в настоящее время «форсировать» события. В. Володарский, еще 5 октября на заседании ПК высказавший свою осторожную позицию, выступал дважды и отметил, «что никто на улицу не рвется, <...> Если резолюция – приказ, то он уже не выполнен. Если вопрос о выступлении ставится как вопрос завтрашнего дня, то мы должны прямо сказать, что у нас для этого ничего нет. Я выступал ежедневно, но утверждаю, что массы с недоумением приняли наш призыв <...>»². Предостерегающими были и заявления руководителей профсоюзного движения А.Г. Шляпникова и В.В. Шмидта. Шмидт отмечал, что активного выступления членов профсоюза не будет из-за боязни закрытия предприятий и последующих увольнений. Шляпников в дополнение сообщал, что «большевистское выступление не является популярным; слухи об этом вызвали даже панику»³.

С поддержкой резолюции ЦК от 10 октября из 24 выступавших на заседании в прениях резолюцию о восстании поддержали 18 человек. Среди них, помимо уже названных, члены ПК М.И. Калинин, И.М. Москвин, И.А. Рахья.

Члены ЦК В.П. Милютин, С.И. Скалов, а также член ПК Я.Г. Фенигштейн, заняли неуверенную позицию, считая, что не стоит призывать к вооруженному выступлению до II съезда Советов. Страсти накалялись.

Однако Ленин, полемизируя с несогласными, убеждал и настаивал на необходимости подтверждения резолюции заседания ЦК 10 октября.

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 95, 96.

² Там же. С. 96, 101.

³ Там же. С. 96.

Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев на этом заседании продолжали отстаивать свою точку зрения. В противовес ленинской резолюции, Г.Е. Зиновьев предложил свою резолюцию: «Не откладывая разведочных, подготовительных шагов, считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов – недопустимы»¹. Обе резолюции ставятся на голосование. Ленин умел убеждать и голосование это показало.

За ленинскую резолюцию проголосовали: за – 19, против – 2, воздержалось – 4². За резолюцию Г.Е. Зиновьева: за – 6, против – 15, воздержались – 3³.

Несмотря на подготовку к восстанию, часть большевиков, по-прежнему, не соглашалась с Лениным. Каменев подал заявление о выходе из ЦК, объясняя это несогласием с последним решением Центрального комитета⁴. Он высказал предположение, что партию и пролетариат ждет тяжелое поражение. Умеренные большевики не отказались от своей «оборонительной» тактики. Эта тактика базировалась на необходимости свержения Временного правительства не посредством организации большевиками вооруженного восстания, а мирным путем, через Советы. Советы были чрезвычайно популярны у рабочих и солдат. Это, по их мнению, позволило бы, обеспечить значительную поддержку масс, а в дальнейшем сформировать широкое коалиционное правительство на предстоящем Всероссийском съезде Советов. Умеренные большевики в союзе с сомневающимися однопартийцами в спорах со сторонниками Ленина сумели притормозить начало восстания. Отсрочка восстания, определенно, сыграла положительную роль, помогла избежать преждевременности восстания и к нему сумели лучше подготовиться. Участники событий далеко не всегда успевали реагировать на происходящее, на реальность, меняющуюся под воздействием не столько объективных, сколько субъективных факторов. В этой ситуации чрезвычайно важными, для выработки правильной тактики, явились внутривнутрипартийные дискуссии и свободный обмен мнений между большевиками всех уровней. Избранная тактика способствовала успеху прихода к власти большевиков.

---

¹ Там же. С. 104.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Через несколько дней, в бурной обстановке Октябрьских событий, об этой отставке предпочли просто забыть, и Каменев продолжил работать в ЦК и даже вести его заседания.

ВОПРОС О РАЙОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОМИТЕТАХ В 1917 ГОДУ

РУДНЕВА СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА,

доктор исторических наук, профессор Российского университета транспорта (МИИТ) и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия;

e-mail: se_rudneva@mail.ru

Предпарламент или Временный совет Российской республики, временный совещательный орган при Временном правительстве с 7 по 25 октября 1917 г., деятельность которого должна была прекратиться за неделю до открытия Учредительного собрания¹. Впервые с начала Февральской революции 1917 г. в России временный парламент собрал в Мариинском дворце делегатов от разных классов и партий, став единым представительным учреждением для демократии и буржуазии².

19 октября 1917 г. в Предпарламенте состоялось заседание Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда. Присутствовали председатель комиссии Ф.А. Липкин-Череванин, секретарь М.А. Борунштейн, члены этой комиссии, продовольственной и контрольно-финансовой комиссий, представители Главного экономического комитета, а также Временного совета Российской республики. Предполагалось обсудить вопрос об упразднении Главного экономического совета, рассмотреть законодательное предположение о главном и районных комитетах снабжения³.

На заседании выступил председатель Главного экономического комитета (ГЭК) С.Н. Третьяков. Он напомнил собравшимся, что в июле 1917 г. Временное правительство утвердило Положение о Главном экономическом комитете и Совете. Структура и цель этого учреждения заключались в объединении всех экономических вопросов по организации тыла и армии, а также в выработке полного экономического плана государства, рассчитанного не только на военное время, но и на послевоенный период. Такого объединяющего органа до Февральской революции 1917 г. не существовало, из-за отсутствия экономической программы страдали сельское хозяйство и промышленность.

---

¹ Руднева С.Е. Временное правительство и конструирование Предпарламента // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 149.

² Руднева С.Е. Предпарламент (октябрь 1917 г.): опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 3.

³ Там же. С. 251 – 252.

По мнению Третьякова, работа учрежденного после Февральской революции Главного экономического совета была малопродуктивна. За все время своего существования Главный экономический совет провел только девять заседаний, потратив почти все время на выслушивание докладов отдельных ведомств по различным вопросам. К основному вопросу – о выработке общего экономического плана – Совет так и не приступил. Поэтому, с открытием Предпарламента и образованием в нем Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда, Временное правительство единогласно признало возможным упразднить Главный экономический совет, полагая, что все функции Экономического совета должны перейти к Временному совету Российской республики и Главному экономическому комитету, которые должны были стать высшими органами, объединяющими всю экономическую жизнь страны. С.Н. Третьяков сообщил также об уже имевшемся проекте Положения о Главном экономическом комитете, который на днях планировало рассмотреть Временное правительство и затем препроводить его в Предпарламент. Согласно проекту, ГЭК представлял бы собой рабочий орган. В него вводились представители промышленности, кооперации и профессиональных организаций. Функции комитета намечались крайне широкие, требовались значительные расходы на его содержание. Для участия в Комитете предполагалось пригласить специалистов по экономическим вопросам, теоретиков, практиков.

Третьяков считал, что останавливаться перед неизбежными расходами было нельзя, учитывая огромное значение проектируемого учреждения. При этом на местах планировалось образовать районные комитеты, которые объединяли бы разрозненные организации на местах и стали бы филиальными отделениями ГЭК. Заводские совещания и совещания по обороне постепенно передали бы свои функции ГЭК. В ведении каждого районного комитета должна была находиться конкретная территория в строго определенных границах. Предусматривалось создание при каждом районном комитете особых совещаний для планомерной работы комитета с распорядительными и законодательными функциями. Соборания должны были проходить не реже двух раз в месяц. Для Московского района такое совещание составило бы 90 человек, с обязательным привлечением к участию в работах всех общественных организаций и научных сил.

По предложению председателя Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда Ф.А. Липкина-Череванина члены комиссии задавали вопросы С.Н. Третьякову. М.А. Боруштейн уточнял, в частности, в чем заключалось расхождение проектов Положений о Главном экономическом комитете и районных комитетах, выработанных, с одной стороны, Всерос-

сийским съездом комитетов снабжения, и с другой – Главным экономическим комитетом¹.

Третьяков отметил, что в проектах Положений о Главном экономическом комитете и районных комитетах, выработанных Всероссийским съездом комитетов снабжения и Главным экономическим комитетом, существенных расхождений не было. Разница заключалась исключительно в понимании тех или иных принципов. Главный экономический комитет, вырабатывая свой проект Положения, прислушивался к постановлениям съездов комитетов снабжения, но установленные в проекте принципы оставались самостоятельными.

Вслед за С.Н. Третьяковым представитель ГЭК дал разъяснения по вопросу о составе и функциях ГЭК и районных комитетов, проектируемых Положением. В состав Главного экономического комитета с правом решающего голоса входили назначаемые Временным правительством представители министерств труда, финансов, земледелия, продовольствия, торговли и промышленности, внутренних дел, военного, морского, путей сообщения, иностранных дел, по одному от каждого; назначаемые Временным правительством, по представлению соответствующих организаций, через председателя Главного экономического комитета, представители Совета Всероссийских съездов, Всероссийского Совета профессиональных союзов, Совета съездов представителей промышленности и торговли, Всероссийского Союза торговли и промышленности по одному от каждого; заместитель председателя, товарищ председателя и управляющий делами комитета в качестве непременных членов. С правом совещательного голоса в Главный экономический комитет входили представитель Государственного контроля, назначаемый Временным правительством, или его заместитель, назначаемый тем же порядком; представители социальных органов снабжения или их заместители и главноуполномоченные; представители районных экономических комитетов при обсуждении вопросов, касавшихся их районов.

Для общего руководства мероприятиями по снабжению районов и по регулированию его хозяйственной жизни, для объединения и согласования деятельности местных специальных органов снабжения в соответствии с устанавливавшимся Главным экономическим комитетом общегосударственным планом снабжения, учреждались районные экономические комитеты. В Положении давались подробные разъяснения по вопросу о составе районных экономических комитетов.

Проект положения о районных комитетах совета Главный экономический комитет принял в окончательной редакции в последних своих заседаниях под председательством С.В. Лурье. Эти районные комитеты пред-

---

¹ Там же. С. 252 – 253.

полагалось учредить для общего руководства мероприятиями по снабжению и урегулированию хозяйственной жизни района, а также для согласования деятельности местных специальных органов снабжения.

Районные комитеты, согласно положению, являлись местными органами Главного экономического комитета и действовали под его контролем. В состав районных комитетов входили по одному представителю от учреждений, заведующих хозяйственной частью района, от профессиональных рабочих организаций, предпринимательских организаций, кооперативов, органов городского и земского самоуправления. Председатели районных комитетов назначались Главным экономическим комитетом из числа кандидатов, предложенных районными комитетами¹.

На районных экономических комитетах, главным образом, сосредоточился интерес на последних заседаниях Всероссийского съезда комитетов снабжения, проходившего в Петрограде с 6 по 9 сентября 1917 г. Из представленных пяти проектов в основу был положен проект, выработанный московскими представителями, предоставлявший районным экономическим комитетам широкие права по регулированию местного производства и по снабжению промышленных предприятий и населения. По этому проекту районные комитеты организовывались для урегулирования всей хозяйственной экономической жизни районов, для проведения в жизнь заданий Главного экономического комитета и для урегулирования деятельности специальных органов снабжения в районах. По вопросу о составе районных комитетов большинством принято было предложение о том, чтобы профессиональные союзы и представители местных революционных организаций давали не менее половины состава членов районных экономических комитетов².

Всероссийским съездом комитетов снабжения проект «Положения о районных экономических комитетах» был выработан 9 сентября 1917 г. В Положении отмечалось, что районные экономические комитеты учреждались для регулирования всей хозяйственно-экономической жизни в районе в соответствии с нуждами общегосударственными и местными, для проведения в жизнь общегосударственного плана снабжения и заданий по регулированию хозяйственной жизни, выработанных Главным экономическим комитетом и для направления деятельности специальных регулирующих хозяйственную жизнь районных органов. Район деятельности каждого районного экономического комитета определялся Экономическим совещанием при Главном экономическом комитете и утверждался последним. К предметам ведения районных экономических комитетов относились: выяснения всех потребностей района – населения, промышленности,

¹ Речь. 1917. 20 октября.

² Современное слово. 1917. 10 сентября.

транспорта и прочего – в топливе, материалах и орудиях производства, рабочем персонале, перевозках, продовольствии и предметах первой необходимости; учет в районе сырья, полупродуктов и изделий, рабочей силы, орудий и прочих средств производства; принятие мер по обеспечению потребностей обороны и хозяйственных нужд населения, сельского хозяйства, промышленности и торговли; установление оснований и планов распределения в районе общегосударственных плановых заготовок, утвержденных Главным экономическим комитетом; установление планов распределения заказов между предприятиями: установление, какими предприятиями какие заказы и в каком количестве могут быть исполнены; принятие мер к наиболее полному использованию производительных сил района как в промышленности, так и сельском хозяйстве;¹ установление оснований распределения рабочей силы, материалов, топлива, орудий производства, изделий, предметов продовольствия и широкого потребления между населением, отраслями промышленности и торговли и отдельными предприятиями района в соответствии с общегосударственным планом снабжения; разработка вопросов и проведение мероприятий по переходу промышленности, работающей на оборону, на мирную деятельность; согласование плана перевозок в пределах района в соответствии с общегосударственным планом; объединение и согласование деятельности специальных районных органов, регулировавших хозяйственную жизнь районов с разграничением между ними функций; объединение и направление статистических работ и технических обследований специальных органов, регулировавших хозяйственную жизнь; контроль над соответствием деятельности специальных районных органов с общегосударственным и местным планом снабжения; учреждение новых специальных органов и реорганизация существовавших, по соглашению, в подлежащих случаях, с соответствующими центральными учреждениями; руководство подрайонными, городскими и вообще местными органами районных экономических комитетов.

Кроме того, на районные экономические комитеты возлагалось согласование мероприятий по проведению на местах государственных монополий; наблюдение за торговлей материалами и изделиями; наблюдение и содействие выполнению плановых перевозок по железным дорогам, водным и гужевым путям; сообщение Главному экономическому комитету и довольствующим учреждениям заключений по предстоящим выдачам и распределениям заказов; наблюдение на местах за выполнением обязательных постановлений Главного экономического комитета;² выполнение поручений Главного экономического комитета; возбуждение перед Главным экономическим комитетом вопросов, касавшихся регулирования хо-

¹ ГА РФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

зяйственной жизни района; представление Главному экономическому комитету отчетов о деятельности районного комитета за периоды и в сроки, установленные Главным экономическим комитетом.

В «Положении о районных экономических комитетах» (РЭК) отмечалось, что районная экономическая организация должна состоять из районного экономического совещания; районного экономического комитета; районного экономического бюро; местных органов районного экономического комитета. Районное экономическое совещание состояло из представителей, заинтересованных в деле снабжения района организаций: специальных органов снабжения местных органов районных экономических комитетов, государственных, общественных, промышленных, профессиональных, революционно-демократических и научно-технических организаций, причем состав его определялся на специально обозначенных основаниях. В частности, в состав входили представители революционно-демократических организаций – советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рабочих профессиональных союзов, союзов железнодорожных, торгово-промышленных служащих и фабрично-заводских комитетов. Они должны были составлять не менее половины районного экономического совещания. Представители торгово-промышленных организаций составляли бы не менее четвертой части районного экономического совещания. Число представителей от каждой из перечисленных организаций устанавливалось учредительным съездом, с соблюдением положения, что представители революционно-демократических организаций составляют не менее половины районного экономического совещания, а представители торгово-промышленных организаций – не менее четвертой его части. Совещанию предоставлялось право включать в свой состав новых членов, по особому обсуждению, каждый раз, заявленных представительств, но с сохранением обозначенных выше пропорций.

Районное экономическое совещание созывалось по постановлению Районного экономического комитета не менее одного раза в три месяца или же по письменному заявлению об этом не менее четверти состава совещания. Совещание считалось состоявшимся при наличии не менее трети постоянного состава совещания¹. Совещание избирало из своей среды президиум на каждую сессию. В случае отсутствия кворума, совещание созывалось вторично, но не позднее, чем в двухнедельный срок, считалось состоявшимся при всяком наличии явившихся членов.

Компетенции Районного экономического совещания подлежало избрание Районного экономического комитета; рассмотрение и разрешение принципиальных вопросов, вносимых по постановлению районного комитета; рассмотрение и утверждение о деятельности районных экономиче-

---

¹ Там же. Л. 20.

ских комитетов; избрание из состава членов совещания ревизионной комиссии для проверки денежной отчетности.

Районный экономический комитет в своем составе определялся принципиальными положениями о том, что представители революционно-демократических организаций составляли не менее половины районного экономического совещания, а представители торгово-промышленных организаций – не менее четвертой его части, в количестве, определяемом совещанием. Причем в состав Районного экономического комитета обязательно должны были входить представители каждого из специальных районных органов по регулированию хозяйственной жизни. Районный экономический комитет избирался сроком на 1 год.

Районный комитет созывался Бюро РЭК по мере надобности или письменному заявлению об этом десяти членов комитета, но не реже одного раза в месяц. Заседание его считалось состоявшимся при наличии не менее 1/3 всего его состава.

Компетенции Районного комитета подлежали избрание председателя Районного экономического комитета, заместителя председателя и членов Бюро Районного экономического комитета. На должность председателя РЭК и заместителей могли быть набраны лица, не входившие в состав районного экономического комитета. Такие лица, тем самым, получали все права членов РЭК. Председатель РЭК утверждался Главным экономическим комитетом и являлся председателем и Районного комитета, и Бюро РЭК.

Также компетенции Районного экономического комитета подлежало рассмотрение и разрешение вопросов, выходящих за пределы компетенции бюро РЭК, а также принципиальных вопросов¹, вносимых Бюро или отдельными членами районного комитета. В случаях, не терпящих отлагательств, решения по вопросам, подлежащим ведению Комитета, принимались Бюро, с последующим докладом о том Комитету. В компетенцию районного экономического комитета входило рассмотрение и утверждение отчетов о деятельности Бюро РЭК.

В состав Бюро РЭК входили представители специальных районных органов снабжения или же их заместители, по одному от каждого органа, причем кандидатов указывали соответствующие органы по равному числу представителей от революционно-демократических и торгово-промышленных организаций, по выбору районного экономического комитета. Число членов Бюро устанавливалось РЭК. Члены бюро являлись постоянными работниками РЭК и их труд оплачивался из средств, отпускаемых РЭК. Размер и формы вознаграждения определялись Районным комитетом в пределах сметных ассигнований, утвержденных Главным экономическим комитетом. Бюро РЭК избиралось сроком на 1 год.

---

¹ Там же. Л. 21.

Заседания Бюро созывались председателем РЭК по мере надобности не реже одного раза в неделю. К обязанностям Бюро РЭК относились: приведение в жизнь постановлений Районного комитета; разработка и подготовка материала для внесения на обсуждение Районного комитета; организация постоянных или временных комиссий с приглашением сведущих лиц; разрешение всех текущих вопросов, за исключением имеющих принципиальное значение и передаваемых в Комитет. В экстренных случаях, не терпящих отлагательства, решение принималось президиумом с последующим доведением о том до сведения Бюро.

Как выборы, так и все дела во всех органах РЭК – в Бюро, Комитете и Совещании – должны были решаться простым большинством голосов с перевесом голоса. Выборы председателя считались бы состоявшимися в случае равенства голосов¹. По заседаниям Совещания, Комитета и Бюро должны были вестись особые журналы, подписываемые Председателем и членами Бюро. РЭК имел бы Управление делами, работающее под общим руководством председателя, а в отдельных своих частях под руководством его заместителей или членов Бюро. Управление делами ведало также секретарской частью Комитета и Бюро. Порядок действий Управления делами и распределения его на отделы определялся инструкцией, утвержденной Бюро РЭК.

Во исполнение возложенных на РЭК задач, последним предоставлялись все права, принадлежавшие специальным районным органам, регулировавшим хозяйственную жизнь, а также: производить обследование деятельности предприятий в отношении использования ими своих технических средств, материалов и рабочей силы; производить фактическую проверку наличности и потребностей промышленных и торговых предприятий в топливе, материалах и орудиях производства, рабочем персонале и перевозках; производить обследование предприятий в финансовом отношении как по месту нахождения предприятия, так и его Правления, с каковой целью знакомиться с документами и книгами в частных, общественных и государственных кредитных учреждениях, относящимися к деятельности обследуемых учреждений. РЭК могли перераспределять между отдельными предприятиями заказы полностью, по основным операциям или по деталям, перемещать орудия производства, инструменты, материалы, технический персонал, рабочих и прочее с одних предприятий на другие; устанавливать контроль за ходом исполнения заказов, принятых предприятиями и за целесообразным, согласно назначению, использованием материалов и технических средств; изменять характер и объем производства отдельных предприятий и разрешать учреждение новых предприятий; сокращать и прекращать, с установлением сроков² и без такового, деятель-

¹ Там же. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

ность существующих предприятий и производимых ведомствами работ, а также выдавать разрешения на полную или частичную и временную приостановку предприятий и работ.

РЭК наделялись возможностями ограничивать и прекращать строительство в связи с недостатком материалов и условиями транспорта; принимать необходимые меры по эвакуации предприятия и перераспределению заказов в районе в связи с разгрузкой крупно населенных центров и условиями подвоза необходимых для производства материалов; назначать в отдельные предприятия за их счет отдельных уполномоченных или комиссаров, с определением каждый раз порядка их деятельности и компетенции; принимать необходимые меры по охране заводов фабрик, складов, запасов и посевов, с изданием по сему поводу, по соглашению с местными органами государственной власти, соответствующих обязательных постановлений; производить в пределах района учет как сырья, полупродуктов, готовых изделий, предметов продовольствия и широкого потребления в предприятиях, складах и среди населения, так и потребность в них населения; вести в пределах района, а по поручению РЭК – и между районами, распределение означенных материалов и предметов и контроль за его выполнением; требовать сообщения всех необходимых сведений от специальных органов регулирования хозяйственной жизни района и возлагать на них специальные поручения. РЭК могли приостанавливать исполнение постановлений специальных районных органов по регулированию хозяйственной жизни района, нарушающих общегосударственный или местные планы снабжения, с доведением до сведения соответствующих органов; требовать от казенных, общественных и частных кредитных учреждений, промышленных и торговых предприятий, от их владельцев, правлений и управляющих сообщения всех необходимых сведений и данных, касающихся деятельности этих учреждений;¹ производить осмотр торговых и промышленных предприятий, складов и требовать от них, а также от кредитных учреждений предъявления торговых книг и документов, а также снимать с упомянутых книг и документов копии и извлекать из них необходимые сведения.

РЭК имели право требовать от довольствующихся ведомств, военно-общественных и прочих организаций исполнения плана распределения заказов и заданий между предприятиями, установленного Главным и Районным экономическими комитетами; требовать от промышленных и торговых предприятий, принадлежащих отдельным лицам, частным обществам, товариществам и общественным установлениям принятия и исполнения передаваемых им, согласно плану ГЭК и РЭК, заказов и заданий поставок преимущественно перед всеми прочими; делать постановления о наложении ареста на принадлежащие частным лицам и предприятиям материалы

---

¹ Там же. Л. 24.

и орудия, о производстве частных реквизиций, с правом оценки реквизируемого имущества, и о принудительном временном занятии недвижимых имуществ, с правом пользования ими; налагать секвестр на всякого рода торговые и промышленные предприятия, за исключением тех, кои имеют общегосударственное значение. РЭК наделялись возможностями издавать обязательные постановления по предметам ведения Комитета; устанавливать нормы потребления предметов широкого потребления в пределах, необходимых для регулирования всей хозяйственно-экономической жизни района в соответствии с нуждами общегосударственными и местными; обращаться за содействием ко всем местным правительственным и общественным учреждениям и должностным и частным лицам, равно и к частным обществам; привлекать к законной ответственности всех виновных¹ в неисполнении постановлений РЭК в пределах полномочий, возложенных на него Положением о районных экономических комитетах.

Все мероприятия и постановления РЭК и распоряжения уполномоченных на то его представителей, которые не входили в пределы полномочий, предусмотренных «Положением о районных экономических комитетах», являлись, безусловно, обязательными для всех правительственных и общественных учреждений, торгово-промышленных, фабричных и кредитных предприятий, профессиональных организаций, а также для всех должностных и частных лиц, причем лица, виновные в неисполнении требований, подвергались в судебном порядке заключению в тюрьму на время от двух месяцев до 1 года и четырех месяцев или денежному штрафу до 10 000 рублей.

Бюро РЭК представляло председателю РЭК свои соображения и заключения о необходимости устранения от службы членов правлений, замещения устранимых лиц другими лицами и назначения особых правлений, советов наблюдательных комитетов и других административных органов торговых и промышленных предприятий, принадлежащих отдельным лицам, частным обществам, товариществам, общественным установлениям и казне, а также лиц, стоящих во главе управления торговыми предприятиями, заводами, мастерскими и другими заведениями и отдельными имуществами таких предприятий; о назначении особых правлений и замещении устранимых лиц другими докладывалось бы Комитету. В нетерпящих отлагательств случаях председателю РЭК предоставлялось право принимать меры к временному устранению лиц упомянутых категорий, но с одновременным обязательным донесением об этом председателю ГЭК.

Бюро РЭК также представляло председателю ГЭК свои соображения и заключения о необходимости назначения общих реквизиций и наложения секвестра на предприятия, имевшие общегосударственное значение;

---

¹ Там же. Л. 25.

о необходимости выдачи авансов и пособий или ссуд от казны. Если бы на представление РЭК по упомянутым вопросам не последовал в течение двухнедельного срока, а для Азиатской России¹ – месячного срока, – ответ от ГЭК, то это представление РЭК признавалось бы принятым и приводилось бы в исполнение.

РЭК имели право учреждать подрайонные и вообще местные органы Районного экономического комитета, с определением порядка их деятельности, компетенции и состава, с обязательством доведения до сведения Главного экономического комитета. На постановления и действия Комитета и его Бюро могли подаваться жалобы в Главный экономический комитет в течение двухнедельного срока со дня объявления постановления, или, если таковые объявлены не были, – со дня, когда распоряжения или действия эти стали известны лицам, приносящим жалобы. Жалобы подавались бы председателю районного экономического комитета и должны были быть им направлены по назначению, с объяснениями, в течение семидневного срока со времени их подачи. Подача жалобы не останавливала приведение постановления в исполнение.

В случае постановления Бюро отдельных органов снабжения своего несогласия с принятыми Комитетом или его Бюро решениями, затрагивающими их интересы, решения эти не приводились бы в исполнение в течение двухнедельного срока со дня состоявшегося постановления. Свой протест районные уполномоченные отдельных органов снабжения, не позже, чем на третий день со дня постановления, заявляли бы председателю Главного экономического комитета, через председателя Районного экономического комитета. В случае признания опротестованного постановления большинством двух третей наличных членов Бюро Районного экономического комитета, имеющим неотложный характер, таковое приводилось бы в исполнение немедленно.

Средства на расходы, связанные с деятельностью РЭК и их органов, отпускались из сумм государственного казначейства по представлениям Главного экономического комитета. Председатель, его товарищи и члены Бюро освобождались от призыва в войска на все время службы в РЭК, призванные же считались состоящими на действительной службе. Служащие² в РЭК могли получать отсрочки по призыву в войска по представлению РЭК.

Председатель Комитета, его товарищи, члены Бюро и служащие в Управлении делами за преступления и проступки по должности подлежали ответственности применительно к статьям 182 – 188 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» и статьям 147 – 154 «Положения об общественном управлении городов», с изменениями, предусмотренными

---

¹ Там же. Л. 26.

² Там же. Л. 27.

статьей 23 «Положения о районных экономических комитетах». Дела об ответственности указанных выше лиц возбуждались Главным экономическим комитетом по непосредственному усмотрению в их действиях признаков преступления или проступка, либо по жалобам потерпевших, и рассматривались в Окружных судах, с участием присяжных заседателей. Дела об ответственности подчиненных Комитету должностных лиц, и в том числе служащих по найму, за преступления по службе возбуждались представлениями Комитета или его Бюро. За вред и убытки, причиненные неправильными действиями и распоряжениями, упомянутые должностные лица отвечали в порядке статей 1316 – 1330 Устава гражданского судопроизводства.

По вступлении в законную силу Проекта «Положения о районных экономических комитетах» и организации на основании этого «Положения о РЭК», в тех районах, где уже временное Бюро сорганизовалось, действия заводских совещаний и положения о них прекращались, а все их дела и материалы передавались в РЭК. Организация на основании «Положения о РЭК» возлагалась там, где уже имелись Временные районные экономические комитеты, а в остальных районах – на учреждаемые для этой цели организационные комитеты, в которые входили по три представителя от специальных районных организаций и от Советов рабочих и солдатских депутатов. Число представителей, делегируемых на учредительный съезд организациями, перечисленными в статье 5 «Положения о районных экономических комитетах», определялось органами, созывающими учредительный съезд с соблюдением ст. 5 «Положения». В организационное Бюро могли входить представители ГЭК¹.

Итак, разработанные Всероссийским съездом комитетов снабжения и Главным экономическим комитетом проекты «Положения о районных экономических комитетах» существенных расхождений не имели. Состав районных экономических комитетов определялся на специально обозначенных основаниях. Характерной особенностью проектов, безусловно, являлось четко заявленное вхождение в состав РЭК представителей революционно-демократических организаций – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рабочих профессиональных союзов, союзов железнодорожных, торгово-промышленных служащих, фабрично-заводских комитетов, которые должны были составлять не менее половины Районного экономического совещания.

---

¹ Там же. Л. 28.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: МОСКВА И ПРОВИНЦИЯ

МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И СЦЕНОЙ: Е.К. МАЛИНОВСКАЯ В 1917 ГОДУ

ГОРДЕЕВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ,

доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: petergordeev@mail.ru

Елена Константиновна Малиновская (1875 – 1942) сыграла немалую роль в истории отечественного театра. После Октябрьской революции и вплоть до 1924 г. она управляла московскими государственными (с 1919 г. – академическими) театрами, в 1930 – 1935 гг. являлась директором Большого театра¹. Между тем до революции Малиновская хотя и имела отношение к театру (в 1903 г. она вместе с мужем, гражданским инженером П.П. Малиновским, А.М. Горьким и рядом общественных деятелей была среди учредителей общедоступного театра в Нижнем Новгороде², с 1913 г. работала в Секции содействия устройству деревенских и фабричных театров при Московском обществе народных университетов³, затем участвовала в организации общедоступных народных спектаклей при открывшемся в конце 1915 г. Доме театрального просвещения имени В.Д. Поленова⁴), но все же о такой должности помышлять не могла. Находясь в 1900-х – 1910-х гг. под обаянием личности А.М. Горького, состоя с ним в многолетней переписке, она была причастна к миру литературы и искусства, но в большей степени все же занималась финансами Нижегородского, а затем Московского комитетов РСДРП(б), в которую вступила также под влиянием Горького. Именно деятельность Малиновской в 1917 г. стала переходным этапом на пути к заведованию лучшими театрами столицы СССР. Этому неизученному до сих пор периоду в жизни вы-

¹ С.Г. [Ганцевич С.М.]. Малиновская Елена Константиновна // Театральная энциклопедия. М., 1964. Т. III. С. 643.

² РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 73. ЛЛ. 1 – 3.

³ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 292; Хайченко Г.А. Русский народный театр конца XIX – начала XX века. М., 1975. С. 236, 257.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 27; Бебутова Е.М. Воспоминания // Из истории строительства советской культуры. Москва, 1917 – 1918: Документы и воспоминания / Сост., общ. ред. и предисл. В.Н. Кучина. М., 1964. С. 284.

дающего руководителя отечественного театра и посвящена предлагаемая вниманию читателя статья.

Накануне революции квартира Малиновских в Глазовском переулке (в построенном в 1914 – 1915 гг. мужем Елены Константиновны архитектором П.П. Малиновским доме дирижера С.А. Кусевицкого) стала одним из мест собраний большевиков¹. Именно там 28 февраля происходило последнее дореволюционное собрание Московской партийной организации², во время которого, как вспоминал П.П. Малиновский, была составлена («т.т. Смидовичами, И.И. Скворцовым-Степановым, Обухом, Гальпериным и Яхонтовым <...> при нашем с т. Малиновской участии») листовка Московского комитета партии («кончившаяся лозунгом долой войну»), уже на следующий день распространявшаяся в городе³. Для всех, собравшихся тогда в квартире Малиновских, в том числе и для Елены Константиновны, наступала новая пора в жизни. «С первого же дня Февральской революции работала в Московском комитете партии», – отмечала Малиновская в своей автобиографии. «Сначала выполняла случайную работу (ведала информационными сводками и т. д.), а через несколько дней, когда сформировался МК, – я стала непосредственным помощником секретаря Комитета тов. Землячки». Совместная работа с Р.С. Землячкой, впоследствии печально знаменитой зверствами в Крыму, продлилась недолго: «В конце апреля 1917 г. МК направил меня в Моссовет⁴ для организации в нем художественной работы, с оставлением на работе в МК. Но вскоре выяснилось, что совместить это было невозможно, и я была отпущена в Совет»⁵.

В действительности это произошло в начале месяца⁶ – не позднее 12 апреля 1917 г. (этим днем датировано выданное ей удостоверение) Е.К. Малиновская стала членом недавно созданной Художественно-просветительной комиссии при Московском Совете⁷ (возглавил комиссию

---

¹ Нифонтов Л.А. Архитектор П.П. Малиновский. Горький, 1973. С. 41 – 45. «У нас была явочная квартира, и к нам приезжали товарищи из других городов», вспоминала дочь Е.К. и П.П. Малиновских Елена Павловна. «Мама воспитывала нас строго, и мы не смели мешать взрослым, не смели находиться в столовой, когда кто-нибудь бывал» (ГА РФ. Ф. Р-7009. Оп. 1. Д. 24. Л. 67).

² ГА РФ. Ф. Р-7009. Оп. 1. Д. 24. ЛЛ. 11 – 12 об.

³ РГАЭ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 93. Л. 94.

⁴ До Октябрьской революции в Москве существовали два отдельных Совета – рабочих депутатов и солдатских депутатов. Деятельность Малиновской была связана с первым из них.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 293. Л. 23.

⁶ В другом мемуарном отрывке сама Малиновская писала: «Зная о моей работе в Нижегородском Народном доме и в Доме имени В.Д. Поленова, меня направили в первых числах апреля в эту комиссию секретарем» (Там же. Д. 3. Л. 17).

⁷ ГЦТМ. Ф. 154. № 1. Л. 1.

известный писатель В.В. Вересаев¹). Вероятно, к тому же времени относится ненайденное письмо Малиновской к А.М. Горькому, в котором речь шла о «литературе», клубах, пьесах, не прошедших ранее цензуру и т. д. Сохранился ответ писателя, написанный, по-видимому, во второй половине апреля² и не очень обнадеживавший его корреспондентку: «О клубах – ничего не могу сообщить ценного для Вас, мы сами тут бьемся с этим делом, как слепые <...> Литературы – нет. Нигде, ни у кого. <...> Нецензурных пьес у меня нет. И вообще нет пьесы, отвечающей моменту». «По части нар[одных] развлечений», продолжал писатель, «здесь наиболее энергично и умело работает “Общество изящных искусств”». Горький пообещал «спросить» основателя этого Общества Н.Е. Буренина («или предложу ему написать Вам»), однако категорически отказался приехать в Москву, что предлагала Малиновская: «Куда там ехать? Я поесть не успеваю, спать не могу, удивляюсь, как это стою на ногах? Вы не представляете себе, как мы здесь живем. Вчера у меня начались заседания с 7 ч. утра, было пять, кончились в 2 ночи. Нет, я никуда не могу ехать, до той поры, пока не повезут»³.

Художественно-просветительная комиссия наметила себе широкий план действий, в который входила «организация учреждений и начинаний, имеющих своей целью художественное образование, воспитание и развитие демократии и подготовка материалов для разработки законодательных проектов в области искусства». Воздействовать на «демократию» планировалось с использованием театров, концертов, кинематографа, музеев, экскурсий и народных празднеств⁴. Вскоре деятельность комиссии разделилась по секциям: Малиновская, еще с нижегородских времен неравнодушная к сцене, заседала в театральной секции (летом переименованной в драматическую)⁵. Секции оказались многолюдными – особенно после опубликованного комиссией воззвания к «гражданам артистам и художникам» с предложением работать вместе на благо народа. «Территориально Художественно-просветительная комиссия ютилась за одним столом в комнате секретариата Моссовета», вспоминала Малиновская. «Там неотлучно находились я и технический секретарь З.С. Герасимова. Целый день вокруг

¹ Там же. № 2. Л. 1.

² Недатированное письмо начинается фразой «Елена Константиновна, – с праздником!», из чего публикаторы писем Горького сделали вывод, что, «видимо, письмо написано в пасхальную неделю, начавшуюся 2 апреля 1917 г.» (Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 436). Однако, как известно, Горький был атеистом. Кажется более вероятным, что под «праздником» он имел в виду 1 мая, торжественно отмечавшееся в России в 1917 г. 18 апреля (по старому стилю).

³ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 12. С. 133 – 134.

⁴ ГЦТМ. Ф. 154. № 3. Л. 1.

⁵ Там же. № 11. Л. 1; № 12. Л. 1; № 13. Л. 1; № 14. Л. 1.

нашего стола теснилась необычная для Совета публика. Вскоре количество этих знаменитых добровольцев так выросло, что работники секретариата (начиная с секретаря Моссовета) уже не в шутку мне говорили: “Ваши посетители отвлекают нас от работы”. Наконец, к обоюдному удовольствию нам разрешили пользоваться для собраний Белым залом Моссовета, конечно, с ведома коменданта»¹.

Работа, правила которой были весьма расплывчатыми и определялись самими участниками (денег за это, впрочем, не получавшими²), шла весело. Спустя много лет Малиновская вспоминала, как в комиссии решили организовать общегородской «кружечный сбор» с целью подкрепления своих средств: «решено было выпустить листок для распространения во время сбора. Помню, как в Белом зале Моссовета, по окончании заседания, многочисленные участники его окружили небольшой столик и принялись сочинять листок. В результате такого коллективного творчества появились “Известия актерских депутатов № 1 и последний”. Артисты разъезжали на грузовиках по всему городу, устраивали на площадях летучие концерты, бойко распродавали “Известия актерских депутатов” на улицах и в помещениях театров»³. Сохранившийся в архиве Малиновской листок с успехом пародировал газеты революционной эпохи: в «Известиях» публике сообщались «новости» о переименовании в театральном репертуаре известной пьесы К. Гамсуна «У царских врат» в «У врат Временного правительства», «Царя Федора Иоанновича» А.К. Толстого в «Товарища Федора», а также о том, что «опасаясь аграрных волнений, Художественный театр продал Крестьянскому банку “Село Степанчиково” и “Вишневый сад”»⁴.

В июне 1917 г. президиумом Московского Совета рабочих депутатов был создан Художественно-просветительный отдел, в который вошли члены бывшей одноименной комиссии (переименованной теперь в «делегатскую группу»), еще одна комиссия, курировавшая Московское попечительство о народной трезвости, а также театр Совета рабочих депутатов⁵. Малиновская перешла в состав отдела, выполняя поначалу секретарские обязанности⁶ (как секретарь, она получила право присутствовать на общих собраниях Совета и заседаниях Исполкома⁷). Вскоре Малиновская была избрана в состав Исполнительного бюро, координирующего работу отдела⁸, а к сентябрю уже заняла пост заведующей отделом¹ (Вересаев, ссыла-

¹ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 28 – 29.

² Бебутова Е.М. Воспоминания. С. 286.

³ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 34.

⁴ ГЦТМ. Ф. 154. № 5. Л. 1.

⁵ Там же. № 9. ЛЛ. 1, 4 – 5.

⁶ Там же. № 6. Л. 1.

⁷ Там же. № 7. Л. 1.

⁸ Там же. № 10. Л. 1.

ясь на занятость, отказался от руководящей должности²). Это была одна из немногих оплачиваемых должностей (Малиновская вспоминала, что до января 1918 г. «на определенном жаловании состояли лишь заведующий отделом и 2 делопроизводителя. Все остальные лица работали бесплатно»³). Примкнувшая к отделу молодая художница Е.М. Бебутова много лет спустя восхищалась заведующей: «Я впервые увидела женщину, смело, энергично берущуюся за такое громадное дело общегосударственного значения»⁴. Но и в этом деле члены ленинской партии не могли не преследовать классовых задач. На состоявшемся 13 сентября заседании Художественного совета при Московском Совете рабочих депутатов (в отличие от отдела, Художественный совет являлся собранием деятелей искусства, не имевших перед собой четких организационных задач, но, так сказать, «присягнувших демократии» в лице рабочих и солдатских депутатов) было выражено недоверие созданному при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головине Совету по делам искусств — как организации, состав которой назначен сверху, а не избран. Выступавшая на заседании Малиновская отметила, что, несмотря на присутствие в этом совете «заслуженных деятелей искусства», Художественно-просветительный отдел «не может довериться Совету, составленному без заранее очерченного плана, без соблюдения принципов правильного демократического представительства»⁵. Уколов, таким образом, представителя правительства, кадета Ф.А. Головина, собравшиеся показали, что никакой власти над собой, кроме Московского совета, они признавать не собираются. А совет, работа в котором в те дни буквально кружила голову, толковал свои полномочия весьма широко, простирая свою длань и на заводы, и на образовательные учреждения, и даже на оперный театр.

Весной 1917 г. в самом известном частном театре Москвы, Опере С.И. Зимина, произошла своя революция (артисты избрали художественный совет и заявили о контроле над театром, оставляя его создателю лишь возможность выступать в качестве мецената, финансирующего оперу). Зимин, доходы которого и без того уменьшались, отказался от такой двусмысленной роли, предложив взбунтовавшейся труппе (к требованиям которой присоединился и технический персонал) в таком случае вести дело

¹ Там же. № 17. Л. 1. Ее муж П.П. Малиновский хвалился в написанных в 1930-х гг. мемуарах: «мне удалось совместно с т. Фриче и т. Малиновской захватить организацию Худ. просвет. комисс. Мосисполкома и сделать из нее орудие для привлечения широких пролетарских масс в целях усиления на них партвлияния» (РГАЭ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 93. Л. 94 об.).

² РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 12. Л. 3 об.

³ Там же. Д. 3. Л. 13.

⁴ Бебутова Е.М. Воспоминания. С. 285.

⁵ ГЦТМ. Ф. 154. № 16. Л. 1 об.

самостоятельно. Поскольку без материальной опоры театр в скором времени прогорел бы, было решено перейти под крыло Художественно-просветительного отдела Моссовета, представителям которого (в их числе была Малиновская) Зимин с 1 июня «за известную сумму» передал здание театра, все театральное имущество, а также заключенные с артистами и служащими контракты¹. «Нелегко было заключать договор с лицом из другого лагеря (да еще оскорбленным труппой, не пожелавшим с ним работать)», – вспоминала много лет спустя Елена Константиновна. Вообще же, «представляя себе всю сложность огромного дела, сопряженного к тому же с большими расходами, при наличии полного отсутствия опыта и знания театр[ального] дела, казалось невозможным пойти навстречу ходатайству работников театра» (желавших поступить в ведение Совета). Однако политические виды, по признанию Малиновской, перевешивали в глазах деятелей Художественно-просветительного отдела неизбежные трудности: «перспектива иметь первый театр С[овета] р[абочих] д[епутато]в, могущий служить огромным агитационным средством, широкая возможность предоставить пролетарским массам познакомиться с подлинным искусством, а также настояния артистов, уверявших, что в их составе имеется группа лиц (Комиссаржевский, Славинский и Книппер²), могущих вести все дело, – привели к тому, что Совет взял театр в свое ведение, возложив персональную ответственность на Мал[иновск]ую»³.

Став (не позднее июня 1917 г.) членом Правления бывшей Оперы Зимина, которая теперь получила название театра Московского Совета рабочих депутатов⁴, Е.К. Малиновская начала тесное сотрудничество с Ф.Ф. Комиссаржевским, с 1915 г. руководившем в этом театре художественной частью⁵. Малиновская, как отметил опубликовавший их переписку В.В. Иванов, поверила в гениальность режиссера⁶. Последний этим пользовался, бомбардируя Малиновскую идеями реорганизации театра. При этом Комиссаржевский активно использовал революционную фразеологию, подчеркивая тем самым лояльность новой власти. Убеждая Мали-

¹ Там же. № 46. Л. 1; № 50 а. ЛЛ. 1 – 5; Зимин С.И. Записки оперного антрепренера. / Сост. В. Пронин. М., 2013. С. 292; Хроника несостоявшегося возвращения. Ф.Ф. Комиссаржевский – Е.К. Малиновская: письма (1917 – 1934). Приложение: Письмо Н.Я. Берсенева Ф.Ф. Комиссаржевскому (1924) / Публ., вступит. статья и коммент. В.В. Иванова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2019. Вып. 7 / Ред.-сост. В.В. Иванов. С. 404.

² Ф.Ф. Комиссаржевский – режиссер, Ю.М. Славинский – дирижер, В.Л. Книппер (Нардов) – певец, брат О.Л. Книппер-Чеховой.

³ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 15, 16.

⁴ ГЦТМ. Ф. 154. № 8. Л. 1. Слово «Московского» в печати часто опускалось.

⁵ Боровский В.Е. Московская опера С.И. Зимина. М., 1977. С. 152.

⁶ Хроника несостоявшегося возвращения. С. 371.

новскую (в письме, написанном между 21 и 28 мая 1917 г.) никаких постановок «целиком от Зимины не брать», Федор Федорович аргументировал: «Это придаст невозможную окраску делу (повторение Зимины) и обесценит всю нашу работу и все наши идейные замыслы. Наконец, это будет плохо в том отношении, что как будто мы предлагаем демократической публике остатки с пира буржуазии». 4 июня он послал Малиновской еще одно письмо (из Ялты); встревоженный газетными новостями о предложении К.С. Станиславского дать режиссеров из студий МХТ для руководства молодыми актерами бывшей Оперы Зимины, Комиссаржевский писал: «Что это значит? Стремление Худ. театра к художественно-театральной диктатуре в г. Москве на буржуазно-натуралистической платформе распространяется и на театры МСРД? <...> Значит, театр МСРД не явится, в художественном смысле, революционным театром, не будет искать новых путей и методов работы, а желает забраться в спокойную, штампованную, признанную и высочайше одобренную буржуазными зрителями старую, готовенькую форму»¹.

Если идейное и художественное лицо нового театра определялось в сотрудничестве Е.К. Малиновской с Ф.Ф. Комиссаржевским, а также с ведущими артистами и театральными художниками, то многочисленные технические вопросы, связанные с подготовкой к грядущему сезону, уже целиком ложились на Художественно-просветительный отдел. 17 июля Малиновская и секретарь Исполкома Моссовета А.П. Розенгольц обратились к коменданту дома генерал-губернатора (где и располагался Моссовет) с просьбой предоставить во временное пользование мебель из здания для постановки «Евгения Онегина»². В свою очередь, 19 июля президиум Совета постановил (и на следующий день поставил в известность Художественно-просветительный отдел), что «помещение Театра С. Р. Д. может предоставляться всем, но преимущество оказывается рабочим и социалистическим организациям»³.

Во второй половине июля Е.К. Малиновская совершила поездку в Петроград, во время которой побывала у своего наставника в жизни и революционной деятельности – А.М. Горького. Она попыталась уговорить его посетить Москву и выступить на открытии театра Московского совета рабочих депутатов. «Елена приехала и уехала», сообщил Горький в письме Е.П. Пешковой от 25 июля. «10-го августа Елена приглашает меня открывать театр. Обещал, но – “все в воле начальства”»⁴. Вскоре (около 26 июля) Горький написал и самой Малиновской, уже более определенно: «На 10-е

¹ Там же. С. 377, 379.

² ГЦТМ. Ф. 154. № 54. Л. 1.

³ Там же. № 55. Л. 1.

⁴ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 12. С. 160 – 161.

августа назначено объединительное заседание партии¹, а потому я не могу приехать в Москву. Да, наверное, и надобность в этом отпадает, ибо партийный съезд, несомненно, отодвинет открытие театра в сторону». О «синематографе» (вероятно, Малиновская как-то хотела вовлечь его в работу в этой области искусства) писатель «ничего не придумал, да и некогда думать о нем. До иллюзионов ли в наши сугубо реальные дни?»². 21 августа Горький, отдохавший в Коктебеле, писал жене: «Билет отсюда я возьму до Москвы и остановлюсь у вас инкогнито – дабы Елена не вытащила меня на сцену или еще куда»³. Впрочем, в итоге Горький все же посетил театр, причем в «минуты роковые» истории; Малиновская много позднее вспоминала, что «в день начала Октябрьских боев в Москве, 27 октября, Алексей Максимович был на спектакле в театре Московского Совета рабочих депутатов. Публика устроила ему после спектакля бурную овацию»⁴.

Тем временем приближалось открытие нового театра, состоявшееся 6 сентября (позже государственных, бывших императорских театров, начавших сезон по традиции 30 августа). Уже в конце августа Е.К. Малиновская, как член Правления, начала рассылать видным театральным деятелям приглашения на открытие, оповещая их о том, что «кроме литературных и музыкальных выступлений артистов, хора, оркестра и балета, в программу открытия входят приветственные речи представителей Московских демократических и художественных организаций и учреждений» (такое письмо, в частности, получил управляющий Малым театром О.А. Правдин)⁵. Тем временем в самом театре приходилось решать множество организационных вопросов, которые ранее с успехом брал на себя умный и щедрый антрепренер С.И. Зимин: на последних репетициях театр «еле отапливался» («Актеры, хор и оркестр в шубах, изо рта идет пар», вспоминал художник В.П. Комарденков, заведовавший мастерской по росписи костюмов⁶), из-за несвоевременного прибытия премьеры сдвинулась с 4 на 6 сентября⁷ (в прессе даже писали об отмене и переносе на 11 сентября⁸, но в последний момент этого удалось избежать). Малиновская писала в своих неопубликованных мемуарах, что если в области постановок Правление могло положиться на Ф.Ф. Комиссаржевского, то «что

¹ Имеется в виду попытка ряда «внефракционных социал-демократов» объединить РСДРП, бойкотировавшаяся большевиками (Там же. С. 475 – 476).

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 167.

⁴ Цит. по: Там же. С. 476.

⁵ ГЦТМ. Ф. 217. № 4941. Л. 1.

⁶ Комарденков В.П. Дни минувшие. (Из воспоминаний художника). М., 1972. С. 47 – 48.

⁷ Театр с. р. д. // Новости сезона. 1917. 5 – 6 сентября.

⁸ Отмена спектакля в театре Совета р. депутатов // Раннее утро. 1917. 5 сентября; Театр Совета рабочих депутатов // Утро России. 1917. 6 сентября.

касается хозяйственной, финансовой и административной сторон дела, — тут опереться было не на кого и пришлось самим одновременно учиться и выходить из положения с честью, как диктовали условия»¹. «Накануне открытия атмосфера в театре была напряженной», отмечала много позднее Е.М. Бебутова. «Елена Константиновна, несмотря на всю свою выдержку, на внешнее спокойствие, была явно озабочена. Замечалось, что есть какие-то опасения за успех дела, имелись трения по части монтировки спектакля, чувствовался какой-то скрытый саботаж»².

Открытие театра «С. Р. Д.» было обставлено со всей торжественностью: свои приветствия произнесли председатель Моссовета Л.М. Хинчук, руководители Большого, Малого и Художественного театров (Ф.В. Павловский, А.И. Сумбатов-Южин и В.И. Немирович-Данченко)³. Выступила и Малиновская. При этом обстановка в зале не очень располагала к высокопарным речам. В.П. Комарденков, присутствовавший на открытии, вспоминал: «Зрительный зал заполнен. Публика смешанная. Рабочие, красногвардейцы, матросы, конечно, с оружием. Красногвардейцы с винтовками и вещевыми мешками, матросы с маузерами в деревянных кобурах и патронными лентами через плечо. Тут же — солидарная интеллигенция, правда, интеллигентов было мало, некоторые отсиживались дома и ждали, “когда все это кончится”. Никто в театре не раздевался, в зрительном зале покуривали махру. Оркестр заиграл “Интернационал”, все встают и поют. Пение окончено. Начался торжественный митинг. Выступает Е. Малиновская, представитель Совета рабочих депутатов. Речи были длинные, вначале слушали внимательно, потом начали постукивать ногами и винтовками о пол, послышались возгласы: “Начинай театр!”»⁴.

И артисты «начали». Для премьеры «Советский» театр, как и Большой, избрал оперу Н.А. Римского-Корсакова «Золотой петушок», по политическим соображениям до революции почти не ставившуюся (за исключением постановки в 1909 г. в Большом театре, которая, несмотря на значительные цензурные купюры, недолго продержалась в репертуаре⁵). Постановка Ф.Ф. Комиссаржевского, работа художника И.С. Малютина, дирижера Е.Е. Плотникова и артистов⁶ получили благожелательные отзывы в

¹ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 16 об.

² Бебутова Е.М. Воспоминания. С. 293.

³ Маленькая хроника // Театр и искусство. 1917. № 37. С. 642.

⁴ Комарденков В.П. Дни минувшие. С. 48.

⁵ Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб., 2020. С. 696.

⁶ В архивном фонде Малиновской сохранилась программа спектакля, дававшегося «при полной новой обстановке и новых костюмах» (РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 186. ЛЛ. 1 – 2).

печати¹. Реакция «демократической» публики на сюжет о царе-тиране была непосредственной. Комарденков вспоминал: «Со мной рядом сидит красногвардеец с густой рыжей бородой. Во время антракта он развязал мешок, достал буханку черного хлеба, отломил мне большой кусок и дал луковицу, говоря: “Жаль, что не прихватил сельдю”. И спросил: “Что, будут свергать царя Додона сами актерщики или им придется подмогать, как подмогали питерцам свергать Николашку? Если надо, то мы подможем”. Я объясняю, что актеры обойдутся сами. Но вот звонок, второй акт начался. Всех очаровывает декорация шатра с лунным светом, переходящим в рассвет, и ария Шемаханской царицы: “Все та же дивная прохлада”. Мой сосед-бородач разошелся после конца акта, стал хлопать и роптать, что “мало пела”, поясняя, что “все они, цари, одинаковы, им бы бабу да вина, они всех забудут, вот так и Николашка тоже пил, и говорили, в Петербурге у него, кроме Сашки, еще баба была, плясунья”». К концу спектакля «народ поразмяк, люстра тонула в дыме от курева», и третий акт «кончился под шум аплодисментов, топот и стук прикладов – так выразилось одобрение»². По крайней мере, тут не было засилья «буржуазных зрителей», которых так ругал в письмах постановщик, Ф.Ф. Комиссаржевский.

С началом спектаклей у Е.К. Малиновской прибавилось работы. Ей приходилось заниматься не только общими организационными вопросами, но и повседневными театральными делами, иной раз даже самой садиться за кисть и краски. В.П. Комарденков отмечал в своих мемуарах, что когда в театре решили ставить «Люэнгрину» и не хватало рабочих рук для раскраски большого количества костюмов, то «тут на помощь пришли Е. Малиновская, А. Хлынова и ряд актеров, которые, засучив рукава, раскрашивали костюмы, соглашаясь на любую работу»³. Одновременно приходилось учитывать и воинскую обязанность певцов призывного возраста; для того, чтобы уберечь их от отправления в действующую армию, Московский совет рабочих депутатов еще 30 июля возбудил вопрос о назначении «комиссаром» театра Л.В. Собинова, в то время – уполномоченного по Большому театру. При этом в «Советском» театре знаменитый тенор не должен был нести никаких административных обязанностей, в данном случае пост комиссара был нужен лишь для «объединения учета всех военнообязанных театра» (в числе прочего, Собинов занимался этим вопросом и в Большом театре). К началу сентября на назначение Собинова комиссаром дали свое согласие начальник артиста, комиссар Временного

¹ Гунст Е. Открытие оперы с. р. д. «Золотой петушок» // Новости сезона. 1917. 10 – 12 сентября; Сабанев Л. Театр Совета рабочих депутатов. «Золотой петушок» // Театральная газета. 1917. 17 сентября.

² Комарденков В.П. Дни минувшие. С. 48.

³ Там же. С. 51.

правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головин и командующий войсками Московского военного округа подполковник К.И. Рябцев¹. 9 октября предписанием Политического отдела Военного министерства Собинов был назначен комиссаром «над театром Московского Совета Рабочих Депутатов (бывший театр Зимина)»².

Подводя промежуточный итог своей работе и труду ее товарищей по Правлению, Е.К. Малиновская сделала подробный доклад на заседании Московского Совета рабочих депутатов, состоявшимся в здании Политехнического музея. «В июле месяце театр был приобретен Сов[етом] р[абочих] депутатов. Цель приобретения была такова: предоставить широким слоям демократии возможность видеть настоящее искусство, которое было до сих пор дост[упно] лишь привилегированным классам. Условия, при которых взят был театр, были довольно тяжелыми. Прежде всего мы были связаны всеми контракт[ами], которые были заключены до нас. Труппа очень большая и по договору мы не могли ни одному артисту отказать и нужно было сохранить обязательства по отношению ко всей огромной труппе. Между тем как на этот год есть много артистов, которые может быть и не выступят в этом театре, а будут выступать по районным театрам, которые предполагают обслуживать С. Р. Д.». Рассказав членам Совета о трудностях с приобретением материалов для декораций и костюмов и обрисовав административную структуру театра (во главе всего дела – Правление, состоящее наполовину их представителей Совета рабочих депутатов, наполовину из артистов; собственно делами искусства ведает Художественный совет, в состав которого входили режиссер и некоторые певцы), Малиновская перешла к плану постановок. «В этом году намечаются всего только восемь опер. Так мало потому, чтобы постановка была исключительно художественная, чтобы можно было не торопясь, не комкая дела поставить хорошие спектакли. В афишах, которые расклеены по всем улицам и разосланы в районные советы указано, какие оперы будут даваться: “Золотой петушок”, “Орестея”, “Кармен”, “Евгений Онегин”, “Пиковая Дама”, “Богема”, всего восемь. Все ставятся они в новой постановке, шьются новые костюмы. Делается это потому, что декорации Зимина сгорели³ и мы не имеем возможности ими воспользоваться. Кроме того, мы хотели дать нечто законченное целое».

Сообщив, что, кроме опер, на сцене «Советского» театра в течение сезона покажет 32 спектакля МХТ, Елена Константиновна перешла к во-

¹ ГЦТМ. Ф. 154. № 56. Л. 1; № 57. ЛЛ. 1 – 1 об.; № 58. Л. 1; РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 18. Л. 16.

³ Пожар на складе декораций и костюмов произошел в ночь на 18 апреля 1917 г. (Боровский В.Е. Московская опера С.И. Зимина. С. 164).

просу распределения билетов. Даже бывшие императорские театры, ставшие в 1917 г. государственными, стали вводить, в духе времени, отдельные абонементы «для демократических организаций»¹. Театру Московского Совета рабочих депутатов тем более следовало об этом позаботиться. «Оперные спектакли для демократии распределяются абонементами, в каждом по 8 спект[аклей]. Драматические спектакли не будут входить в абонемент, а будут продаваться рознично для каждой организации, причем тем организациям, которые связаны абонементами, будет дано предпочтение, чтобы билеты не пошли для обычной публики, которая посещает Художественный театр», успокоила Малиновская революционную совесть рабочих депутатов. Рассказав также о предположении дать 6 балетных спектаклей и 8 симфонических концертов («надеемся, что будет дирижировать этими концертами Рахманинов»), докладчица перешла к финансовым вопросам. Смета расходов была исчислена в сумме 1 372 598 руб. 20 коп., доходы предполагались в сумме 1 432 574 руб. 80 коп. Впрочем, последняя цифра базировалась на оптимистических расчетах, что признавала и Малиновская: «если так сведется смета, то даже получается некоторый доход, но при том условии, если у нас будет полный сбор». В реальности же объявленные 8 абонементов имели заполняемость от 90 до 25%; эти цифры вызывали у Правления тревогу, которую Малиновская попыталась донести до Совета: «Театр может существовать исключительно, если его поддержит демократия, потому что буржуазной публики на этих спектаклях не видно, она определенно этот театр бойкотирует, как театр С. Р. Д. Многие организации совершенно не приступили еще к записи абонементов. Если приложить маленькое усилие, то театр наш был бы каждый день полон и не потерпел никаких убытков. Это бы имело и огромное моральное значение, потому что получится так, как будто этот театр не нужен. Между тем те, которые побывали у нас, отзываются очень хорошо и постоянно приносят и присылают письменные благодарности за постановку “Петушка”. Таким образом, мы обращаемся с большой просьбой уделить театру немного внимания. Если мы до сих пор недостаточно рекламировали, теперь будем принимать к этому энергичные меры. На заседании районных сов[етов] постановлено, что надо прочесть несколько лекций по районам. Затем будем выпускать отдельные летучки, вывешивать афиши, одним словом, мы со своей стороны примем меры, чтобы поставить в известность всех. Во всяком случае, с вашей стороны необходимо употребить усилие, чтобы заполнять абонементы»².

Московский Совет рабочих депутатов, при всей своей влиятельности, не мог создать очередной резолюцией театральную публику, любя-

¹ Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. С. 604 – 608.

² ГЦТМ. Ф. 154. № 72. ЛЛ. 1 – 4.

щую театр и готовую ходить в него даже по льготным, «демократическим» ценам (впрочем, и они для избирателей Совета казались высокими; выступивший после доклада Малиновской рабочий указал, что «в абонемент входят несколько спектаклей и приходится сразу платить около 24-х рублей, что не всякому возможно»¹), но он все же старался поддерживать и опекать свой театр. Так, в ответ на заявление московского городского головы о предполагаемом закрытии увеселительных заведений в связи с топливным кризисом, соединенное заседание президиумов Советов рабочих депутатов и солдатских депутатов 9 октября постановило, что, если такая необходимость настанет, «в первую очередь должны быть закрыты кафешантаны, кинематографы и т. д. Такие же театры, как Большой и Малый, должны быть закрыты в последнюю очередь»; что же касается театра Совета рабочих депутатов, то он, «как общедоступный театр, должен быть приноровлен к типу Народных домов, которые не могут быть закрыты»². Однако менее чем через три недели пришлось на время закрыться всем московским театрам. Приближались дни Октябрьской революции, в которой приняла активное участие вся семья Малиновских.

Павел Петрович, согласно его мемуарам, заболевший воспалением легких накануне октябрьских событий, все же 27 октября по заданию Хамовнического райкома большевистской партии отправился вместе с младшим сыном в район Смоленской площади для «рекогносцировки» «сил противника», затем сделал доклад об увиденном и, изнеможенный, «впал в забытье», очнувшись только через несколько дней, когда «наши взяли»³. Старший сын Малиновских, Лев Павлович, принял участие в вооруженной борьбе, будучи одним из руководителей большевистской ячейки в 193-м пехотном запасном полку⁴. Дочь, Елена Павловна, состоявшая к тому времени в Хамовническом союзе рабочей молодежи⁵, также трудилась при Хамовническом райкоме, помогала кормить в студенческой столовой красногвардейцев и солдат. Потеряв на время связь с семьей, она встретила известную большевичку С.Н. Смидович, рассказавшую ей о матери: «София Николаевна только что пришла из Московского ревкома⁶. Там же была и моя мать. Я жадно расспрашиваю, как там и что. Оказывается, в какой-то

¹ Там же. ЛЛ. 6 – 7.

² Там же. № 20. Л. 1.

³ РГАЭ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 93. Л. 95 об.

⁴ Шелехес. 193 полк и Октябрьское восстание // Октябрь в Хамовниках 1917 г. Сборник статей и воспоминаний. М., 1927. С. 152, 154; Герои Октября. Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве / Сост. З.Л. Серебрянский. М., 1967. С. 134.

⁵ Федоров Л. Хамовнический союз рабочей молодежи // Октябрь в Хамовниках 1917 г. С. 73 – 74, 79.

⁶ Имеется в виду Московский военно-революционный комитет.

опасный момент, когда белогвардейцы подошли близко к Моссовету и положение стало угрожающим, Ревком вынес решение удалить из здания всех женщин. Им одели на руки повязки с Красным крестом и выпустили через пролегающие переулки. София Николаевна направилась к нам, а мама – домой»¹.

Елена Константиновна, более остальных членов семьи вовлеченная в дела революционного подполья, также, разумеется, не могла остаться в стороне. В ее личном архивном фонде сохранился пропуск от 27 октября с разрешением на беспрепятственный вход в помещение Московского военно-революционного комитета² (далее в тексте – МВРК; он помещался, как и Моссовет, в доме генерал-губернатора на Тверской), где она провела немало времени. Сама Малиновская вспоминала: «Наступили Октябрьские дни. С первым выстрелом я отправилась в Московский Совет и, естественно, совершенно оторвалась от театрального мира. Помню свое изумление, когда в один из самых тревожных дней, переживаемых в Совете, я, исполняя какое-то данное мне поручение, увидела перед собой артиста 1-й студии Художественного театра Рустейкиса³. На мой вопрос, как он мог очутиться здесь в такой момент, Рустейкис отвечал, что он не в силах сидеть дома, и просил использовать его на что угодно. В то время Совет не был богат силами и, конечно, дело Рустейкису нашлось⁴. Помню еще один случай, когда к нам, в Московский комитет партии большевиков, еще до Октябрьской революции пришел артист той же студии В. Смышляев и выразил желание работать с большевиками. Вот первые два случая, когда люди из театральной массы открыто пошли “против течения”. В массе же работники театров были “аполитичны”, – любимое их выражение, скрывающее и естественную растерянность и, главное, линию наименьшего сопротивления»⁵.

3 ноября приказом МВРК № 490 Е.К. Малиновская была назначена «комиссаром всех Московских театров» (в архиве сохранилась копия приказа, подписанного членом МВРК А. Ломовым (Г.И. Оппоковым))⁶. Назначение в тот момент было не из легких – интеллигенция возмущалась

¹ ГА РФ. Ф. Р-7009. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.

² ГЦТМ. Ф. 154. № 24. Л. 1.

³ А.А. Рустейкис (Рустайкис) – русский и латвийский актер и режиссер.

⁴ В другом мемуарном очерке Малиновская продолжила этот сюжет: «В то время Совет не был богат силами и, конечно, ему нашлось дело. В ту же ночь, когда Совет готовился встретить бомбардировку и был очищен от всех, кроме Военно-Революционного Комитета Совета и солдат, – одновременно с нами вышел и Рустейкис. Во тьме разошлись все в разные стороны и больше я его не встречала» (РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 8).

⁵ Там же. Л. 50.

⁶ ГЦТМ. Ф. 154. № 26. Л. 1.

захватом власти большевиками, а в Москве это отношение усугублялось потрясением от насилия, каким сопровождалась победа МВРК. Даже в, казалось бы, наиболее лояльном Театре Совета рабочих депутатов труппа была настроена оппозиционно. Малиновская вспоминала: «созданы были собрания, на которых вынесли постановления “считать день 7-го ноября днем траура”, “выразить протест против насильственного захвата власти большевиками” и т. д. Вместе с тем было постановлено “продолжать службу в театре МСРД, являющимся рассадником искусства для всей демократии”»¹. Гораздо более остро реагировали труппы государственных театров, Большого и Малого. Занимавшие привилегированное положение артисты бывшей императорской сцены вообще по своим взглядам считались несколько правее остальной «актерской громады»; это обстоятельство усиливалось теми повреждениями, которое получили исторические здания во время боев между юнкерами и силами МВРК в районе Театральной площади. Причем если здание Большого театра пострадало не очень значительно, то Малый подвергся настоящему разгрому, учиненному в начале ноября отрядом красногвардейцев, прибывших из г. Кольчугино. Трагедия «дома Щепкина» вызвала широкое возмущение и в артистической среде, и в прессе².

Е.К. Малиновская вспоминала, что уже 3 ноября, в день своего назначения, она «с группой работников» Большого театра обошла здание: «Снаружи оказались побитыми оконные стекла, внутри здания был полный порядок, только из запертого ящика стола оказалась похищенной небольшая сумма общественных денег»³. Гораздо хуже дело обстояло в Малом театре, руководство которого было вынуждено само искать контакта с МВРК. В тот же день в Московском Совете оказался уполномоченный по Малому театру, знаменитый артист А.И. Сумбатов-Южин, требовавший его «хотя бы арестованного привести в Совет». Признав, что занимавшие Малый театр «дружинники» «позволили себе ряд хулиганских выходок и А.И. Южин вынужден был прибегнуть к требованию ареста ради спасения театра», большевистский комиссар отметила в своих мемуарах, что «сейчас же» после визита Южина «по моему настоянию» «дружинники» были выведены из театра⁴. Действительно, уже 4 ноября руководители Малого театра смогли добиться ухода из театра посторонних лиц. О.А. Правдин в

¹ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 51.

² См. подробн.: Гордеев П.Н. «Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием»: разгром Малого театра в начале ноября 1917 года // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2022. № 3. С. 53 – 72.

³ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 8 об.

своих показаниях по делу о разгроме театра сообщил, что утром этого дня он застал в театре Южина и несколько артистов, ожидавших Малиновскую. «Красногвардейцев было 180 человек под командой какого-то Лучкова. Когда г-жа Малиновская пришла, мы с Южиным показали ей весь погром, причем поднялись и в гардероб. Он был ограблен не целиком, а частью, были выбраны: сюртуки, штаны, женские юбки и платки и много обуви. Все остальное составляло одну хаотическую массу. Прежде всего, мы просили г-жу Малиновскую избавить нас от Красной гвардии и действительно, не прошло и получаса, как явился их начальник штаба Пшенистов и снял все 180 человек. Только тогда мы могли вздохнуть несколько легче и тотчас же принялись приводить в порядок Малый театр»¹. Тогда же, 4 ноября, Е.К. Малиновская сделала доклад в Военно-революционном комитете о положении московских театров. Комитет постановил понесенные театрами во время «событий» убытки «предложить покрыть ведомствам, в ведении которых находятся театры», а также «продолжить расследование о хищениях», произведенных в Малом театре².

А.И. Сумбатов-Южин 12 ноября писал находившемуся в Петрограде главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову: «Когда в Малый театр 4-го явилась комиссар Малиновская, я потребовал, прежде всего, – вывода из здания всех вторгшихся в него лиц. Это было исполнено немедленно и театр был очищен от завоевателей в 4 часа дня 4-го ноября. Я организовал его охрану нашими служащими и приступил к возможному приведению его в порядок. Во 2-х, 5-го числа я заявил Малиновской, что я и Правдин являемся выборными лицами автономной труппы, а я сверх того уполномоченный Временного правительства, перед которым и несу ответственность за дело. Что 7-го я собираю общее собрание, по директивам коего и буду действовать впредь до получения инструкций из Петрограда, от учреждений б[ывшего] Министерства [двора]. Она рассыпалась в уверениях, что никакого вмешательства в жизнь театра она не внесет. И действительно, до минуты, когда я пишу эти строки, ни я, ни Малый театр ее больше видом не видали»³. В глазах Южина в этот момент Е.К. Малиновская была представительницей той силы, которая растерзала родную для него сцену – и которую он смог более-менее «укротить», заставить отступить. Скорее всего, Малиновская, с юности бывшая поклонницей театра, еще в гимназические годы восхищавшаяся игрой М.Н. Ермоловой⁴, не меньше Южина и Правдина была шокирована увиденным, хотя по политическим причинам ни тогда, в 1917 г., ни позднее, в

¹ Там же. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 137.

² Октябрь в Москве. Материалы и документы / Сост. Г. Костомаров. М.; Л., 1932. С. 161.

³ ИРЛИ. № 15227. ЛЛ. 5 об. – 6.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 4. ЛЛ. 1 об. – 2 об.

мемуарах, не могла особенно акцентировать внимание на бесчинствах красногвардейцев.

Однако приходилось считаться с возникшим в театральной среде настроением, резко оппозиционным новой власти и ей самой, как представителю большевистского правительства. «Бегло обследуя театры, я ясно чувствовала, что люди внутренне стали другими – это другое вылилось на общих собраниях 6, 7 и 8 ноября в театре Сов. р. и с. д., на которых стоят¹ вопросы о дальнейшей работе театра в связи с текущими политическими событиями и о недопустимости работы с новым комиссаром Малиновской», – вспоминала последняя². «На общем собрании представители труппы заявили, что им нежелательна совместная работа с г-жой Малиновской», отмечал критик, подчеркнув, что артисты начали вспоминать добрым словом и своего «старого хозяина», С.И. Зимины, а один из них прямо предложил: «Нам нужно обратиться к Сергею Ивановичу с просьбой, чтобы он взял нас под свое покровительство!»³. Еще резче высказались казенные театры. 7 ноября в Малом состоялось общее собрание всех артистов, рабочих и служащих в количестве 178 человек. Председателем избрали актера С.А. Головина, доклады делали А.И. Сумбатов-Южин и О.А. Правдин. В принятой (после докладов и некоторых прений) единогласно резолюции подчеркивалось, что деятельность Малого театра «как учреждения, служащего вечным задачам всенародного просвещения и художественной культуры, должна продолжаться без зависимости от переворотов политического характера и смен государственной власти» (в черновике, испещренном пометами А.И. Сумбатова-Южина, бывшего одним из авторов (если не единственным автором) резолюции, эта мысль поначалу была проведена более резко: «ввиду постоянной смены властей и течений его существование является совершенно беззащитным от разнообразных и часто разрушительных влияний») и должна быть «возобновлена в кратчайший срок, как только будет восстановлена полная гарантия свободы деятельности всех культурных учреждений и печати и как только позволит возможное восстановление разгромленного помещения и расхищенного имущества театра». Впредь, до выработки Статута Малого театра, над которым труппа работала уже несколько месяцев, он, согласно резолюции, должен был работать «на началах полного самоуправления выборными его органами, без всякого вмешательства в дело его управления каких бы то ни было учреждений или лиц, не входящих в его состав»⁴. Последняя фраза, конечно, была намеком, адресованным МВРК и комиссару Е.К. Малинов-

¹ Слово читается предположительно – П.Г.

² РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. Д. 3. ЛЛ. 8 об. – 9.

³ Родя. Арабески // Театр. 1917. 15 – 17 ноября.

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 10. Д. 1359. ЛЛ. 13 – 14 об.; РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 115.

ской. На следующий день, 8 ноября, схожую резолюцию приняло и собрание артистов Большого театра под руководством певца Ф.В. Павловского: «сознавая себя частью великой демократии и глубоко скорбя о пролитой крови», труппа высказывала «протест против дикого вандализма, не пощадившего вековых святынь русского народа, храмов и памятников искусства и художественной культуры». Артисты настаивали на том, что Большой театр, «как автономное художественное учреждение, не признает права вмешательства в его внутреннюю и художественную жизнь каких бы то ни было властей, не избранных театром и не входящих в его состав»¹.

В прессе не меньше возмущались назначением комиссара московских театров, имя которой было малоизвестно в сценических кругах: «Ведь мы имеем, наконец, мудрое театральное начальство!.. Ведь нами правит товарищ Малиновская!», иронизировал автор «Театра». «Ах, вы не знаете, кто она, этот “комиссар театров”? Вы не знаете ее сценического стажа? Вы не понимаете, какое отношение имеет к театру эта особа? Не важно!.. Верьте ей на слово! Товарищ Малиновская, так товарищ Малиновская! Смейся, паяц!»². Возникали неприятные инциденты и при личных встречах комиссара с теми, кем ей предстояло заведовать: «например, известный в то время режиссер Н.А. Попов при первой встрече не подал мне руки, “имея свои полит[ические] убеждения”, как он тогда выразился». Впрочем, отмечала в воспоминаниях Малиновская, «можно ли было удивляться такому отношению политически малосознательных работников театров, когда делегатская группа Совета, состоящая вся из членов социалистических партий, сойдясь после октябрьских дней, также поставила вопрос о допустимости совместной работы с Малиновской, как комиссаром большевистской власти». При этом В.В. Вересаев «сделал следующую оговорку: “Считаю для себя возможным участие в работе делегатской группы исключительно в области художественно-просветительской деятельности”». Чуть позднее, на заседании «крупнейших театр[альных] деятелей и представителей рабочих организаций» в здании МХТ, имевшем целью «найти общий язык для возможности начала функционирования театров», Вересаев, по воспоминаниям Малиновской, «выступил с такой резкой обвинительной речью против действий большевиков», которая даже вызвала возмущение у присутствующих театральных деятелей и облегчила ответ представителям ленинской партии³.

На протяжении нескольких недель после 3 ноября Малиновская, как комиссар большевистского правительства, подвергалась почти всеобщему

¹ ГЦТМ. Ф. 154. № 250. ЛЛ. 1 – 1 об.; Собрание артистов Большого театра // Театр. 1917. 9 – 11 ноября.

² Театрал. Смейся, паяц! // Театр. 1917. 9 – 11 ноября.

³ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 9 – 9 об.

остракизму в московском театральном мире. Ее петроградскому «коллеге», режиссеру М.П. Муравьеву, назначенному Петроградским ВРК комиссаром государственных и частных театров, хватило трех дней в подобной обстановке, чтобы подать в отставку¹. Но Елена Константиновна оказалась человеком другого склада. Муравьев был все-таки представителем мира искусства, более-менее случайно оказавшимся на административной должности в эпоху революции; в отличие от него Малиновская имела за плечами многолетний стаж подпольной партийной работы, обладала твердой волей и убежденностью в правильно выбранном пути. Она, как и другие комиссары МВРК, назначила определенные часы приема (сначала с 12 до 15 в Театре Совета рабочих депутатов на Большой Дмитровке², затем с 11 до 13 часов ежедневно в помещении Художественно-просветительного отдела в бывшем генерал-губернаторском доме)³, пыталась вербовать союзников и сочувствующих, где только можно. Так, делегаты отдела, откомандированные в Комитет по управлению народными домами с целью организации «спектаклей по районам», столкнулись с нежеланием артистов сотрудничать с большевистскими выдвиженцами. «Тут на помощь пришел профессиональный союз актеров», вспоминала Малиновская, «который заключил соглашение с Худож.-пр. отделом, и работники театров под фирмой союза снова пошли в районы»⁴.

Помимо сложных взаимоотношений с театрами, в ноябре 1917 г. у Е.К. Малиновской появилось и другое весьма обширное поле деятельности. МВРК, отчаянно нуждавшийся в преданных людях, на одном из своих последних заседаний (13 ноября) назначил Малиновскую (формально не освобождая ее от «театрального» комиссариата⁵) комиссаром «по охране

¹ См.: Гордеев П.Н. Комиссар М.П. Муравьев и первая попытка большевиков подчинить государственные театры // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, С.М. Ляндрес. СПб., 2021. С. 137 – 156.

² Адреса и часы приема комиссаров Военно-революционного комитета при Совете рабочих и солдатских депутатов // Известия Военно-революционного комитета при Московском Совете рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 ноября.

³ Московский военно-революционный комитет. Октябрь – ноябрь 1917 г. / Сост. В.А. Кондратьев. М., 1968. С. 257 – 258.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 12.

⁵ Хотя возможно, подобная смена деятельности поначалу и предполагалась: начиная с 17 ноября в «Известиях» Моссовета перестали публиковать часы приема комиссара по московским театрам Е.К. Малиновской, а несколько дней спустя были объявлены приемные часы «Комиссии по охране памятников искусства и древности» – в то же время и в той же комнате № 21 генерал-губернаторского дома, в которой ранее принимала комиссар театров (Адреса и часы приема комиссаров Военно-революционного комитета при Совете рабочих и солдатских депутатов // Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 ноября).

всех художественных, научных и исторических ценностей»¹. Этой работой она занималась недолго (уже в декабре был организован Народный комиссариат имуществ Республики, в котором сосредоточилось управление этими вопросами; в марте 1918 г. наркомат возглавил муж Елены Константиновны П.П. Малиновский, назначенный исполняющим обязанности наркома²). 10 декабря Малиновская в качестве комиссара по охране исторических памятников делала доклад на заседании Президиума Московского совета рабочих и солдатских депутатов, по итогам которого был утвержден проект издания два раза в месяц бюллетеней Художественно-просветительного отдела, как в целях «информации о деятельности всех секций Отдела», так и для «теоретической разработки вопросов искусства (в частности и главным образом вопроса о демократизации искусства) и археологии»³. В январе 1918 г. Президиум Московского совета выдал своему Художественно-просветительному отделу ссуду в 7 000 рублей (под 8 % годовых) «на издание двухнедельника Известия “Художественно-Просветительного Отдела”»⁴ (начиная с марта 1918 г. свет увидели несколько номеров этого издания⁵).

В последние месяцы 1917 г. Художественно-просветительный отдел стал своеобразным штабом комиссара театров (она же и заведующая отделом), полномочия которой крупнейшие театры не спешили пока признавать. А дел, прежде всего административного порядка, было много: «работа состояла в заведовании Госуд[арственными] театрами и театр[альной] школой, в управлении театром М[осковского] С. р. и с. д., в участии по управлению народными домами, в надзоре за театральной жизнью Москвы, в разрешении целого ряда вопросов, связанных с жизнью театров или театральных работников. Реквизиции, уплотнения квартир и театр[альных] помещений, разрешения на выемку ценностей, хранящихся в сейфах, – все эти вопросы поглощали огромное количество времени. <...> Отделу приходилось указывать пролетарским организациям, обратившимся к нему за содействием – какие помещения могут быть заняты для их культурных надобностей, и оказывать помощь в получении этих помещений. Отдел должен был давать быстрые разрешения всех этих вопросов тысячам лиц, перебивавшим в его стенах», вспоминала Малиновская о периоде, следовавшем за Октябрьской революцией, отмечая: «Исключительное внима-

¹ Московский военно-революционный комитет. С. 265, 267.

² Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г. М.; Л., 1966. С. 259; ГА РФ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 11 – 11 а.

³ ГЦТМ. Ф. 154. № 28. Л. 1.

⁴ Там же. № 33. Л. 1.

⁵ Там же. № 31. ЛЛ. 1 – 3 об.; № 324. ЛЛ. 1 – 1 об.

ние Отдела по-прежнему занимал Советский театр»¹. Испытывавший проблемы с заполняемостью абонементов еще до большевистской революции, теперь, когда в атмосфере начинающейся Гражданской войны театральные новости явно отступили на второй план, он рисковал погрузиться в глубокий кризис.

В отчаянной попытке привлечь пролетариев в стены бывшего театра Зимина, Малиновская и ее сотрудники составили проникновенное «Воззвание» (так и был озаглавлен этот документ). «Великая Русская революция дала рабочему классу возможность приступить к широкому культурному строительству в социалистическом духе. Великая Русская революция дала ему и свой театр Совета рабочих депутатов. Для каждого ясно огромное значение этого факта», утверждалось в воззвании. «В настоящее время Советский театр, правда, еще не отвечает, – по причинам, от его руководителей не зависящим, всем требованиям пролетарской, социалистической культуры. В будущем он, однако, может и должен стать средством не только художественного воспитания рабочих масс, но и укрепления в них классового самосознания и социалистических идеалов». Но «достигнута эта цель будет только в том случае, если театру удастся благополучно пережить текущий сезон. Только рабочий класс может помочь ему стать на твердое основание. Только рабочий класс может помочь ему стать театром на самом деле рабочим». Отметив, что «уже несколько пролетарских организаций выразили свою готовность придти на помощь своими материальными средствами», авторы воззвания честно предупреждали: «Но этого мало. Необходимо, чтобы весь рабочий класс Москвы мобилизовал свои силы. Сохранение Советского театра – это вопрос классовой чести всего Московского пролетариата. Было бы преступлением уступить буржуазии то, что революцией отвоевано у буржуазии». «Воззвание» заканчивалось призывом присылать своих делегатов на собрание 22 ноября в помещении Московского Совета «для обсуждения плана финансовой реорганизации Советского театра и его дальнейшей деятельности»².

В результате Московский Совет решил отдать театр, управлять которым оказалось гораздо сложнее, чем это представлялось весной, непосредственно пролетариату. Для этого был создан Художественно-просветительный союз рабочих организаций (ХПСРО); уже в декабре Малиновская получила от президиума Совета полномочия «подписать все деловые бумаги» для передачи театра в ведение ХПСРО и одновременно «вступить в

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 10 – 10 об. Эта часть мемуаров Малиновской почти дословно совпадает с «Отчетом о деятельности Художественно-просветительного отдела», опубликованном впоследствии в «Известиях» отдела (см.: ГЦТМ. Ф. 154. № 32. Л. 1 и др.). Вероятно, она и была автором отчета.

² ГЦТМ. Ф. 154. № 84. Л. 1.

число членов вышеозначенного союза»¹. В новое Правление из старого, «советского», перешли, помимо Малиновской, еще Е.П. Пешкова и общественная деятельница Л.И. Хлынова; компанию им составили выборные представители от рабочих. «Новому Правлению пришлось еще труднее», вспоминала Малиновская. «Закулисные интриги, экспансивность артистов, яростный бойкот театра буржуазией, инертное отношение неимущей публики вследствие тяжелых условий жизни, быстро растущая дороговизна, увеличившая во много раз расходы, недостаток средств (общее положение страны не позволяло затрачивать средства на театр) – все это часто ставило театр, казалось, в безвыходное положение. Но при всех этих неблагоприятных условиях удалось выдержать намеченную линию до конца. По общему признанию, наивысшие достижения того сезона были в театре ХПСРО»². Несмотря на организационные трудности, театр продолжил существовать и во время Гражданской войны. В 1918 г. его даже посетил В.И. Ленин, пожелавший во время спектакля пройти в зрительный зал (Малиновская застала большевистского вождя одного у кассы театра – растерявшаяся кассирша, увидев Ленина, побежала докладывать Правлению)³.

В последние дни 1917 г. в стенах театра «МСРД» (перейдя в ведение ХПСРО, он сохранил «советское» название) произошел крупный скандал, имевший значительные последствия. Еще летом, когда Малиновская только знакомилась с труппой бывшей Оперы С.И. Зимина, она попросила дирижера Ю.М. Славинского кратко охарактеризовать артистов, указать на размер и индивидуальность их дарования. Славинский, проявив излишнее в данном случае усердие, представил новой начальнице справку, в которой выставил оценки по пятибалльной шкале⁴ «нравственным и артистическим качествам» своих коллег (разумеется, втайне от труппы). Впоследствии такой поступок был заклеимен возмущенными сослуживцами Славинского как «прием упраздненных сыскных отделений»⁵. Не позднее начала декабря о существовании справки стало известно в театре, что вызвало резко отрицательное отношение к ее автору. 7 декабря дирижер направил жалобу в «Исполнительный комитет товарищеской организации» театра на поведение артистки М. Палести, которая при встрече с ним в коридоре 4 декабря

¹ Там же. № 86. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 11 – 11 об.

³ Малиновская Е.К. В.И. Ленин и театры // Ленин. Революция. Театр: Документы и воспоминания / Вступ. ст., сост. и комм. А. Юфита. Л., 1970. С. 210.

⁴ В очередных показаниях, данных (по поводу своего тянувшегося конфликта с Малиновской) уже в январе 1919 г. Славинский, комментируя «5-балльную систему», настаивал, что «система была не лично его, а его и Малиновской» (ГЦТМ. Ф. 154. № 82. Л. 2).

⁵ ГЦТМ. Ф. 154. № 78. Л. 1.

«в присутствии многих товарищей» назвала Славинского «шпионом, интриганом (и¹ ссылкой на то, что меня таковым считает весь театр) и еще рядом эпитетов, одинаково нелестных как [для] представителя тов[арищеской] орган[изации], так [и] для рядового работника нашего театра. При этом энергия и способность г-жи Палести произносить в короткое время значительное количество бранных слов, совершенно неприличный тон разговора и полная невозможность вступить в какие бы то ни было объяснения по причинам, вызвавшим с ее стороны таковое ее поведение, а также естественная нервозность моя, вызванная рядом оскорблений, нанесенных моей жене, вынудили меня послать г-жу Палести “к черту”». В результате 7 декабря Палести потребовала третейского суда со Славинским («Считаю себя глубоко оскорбленной»), писала она дирижеру, предлагая «со своей стороны» в состав суда Ф.Ф. Комиссаржевского), Славинский же, вероятно, опасаясь решения третейского суда не в свою пользу, просил передать разбор дела на рассмотрение Исполнительного комитета, членом которого он состоял и сам².

19 декабря артисты театра вынесли резолюцию, осуждающую Ю.М. Славинского, и собирались зачитать ее на общем собрании 23 декабря. Однако Славинский, воспользовавшись имевшейся у него поддержкой оркестрантов и хористов, сумел добиться численного перевеса последних на собрании, получить вместе со сторонниками контроль над Исполнительным комитетом и заблокировать оглашение неприятных для него сведений, отнесенных в «текущие дела». «Когда оскорбленная таким зажиманием рта группа артистов в виде протеста оставила собрание, то оставшиеся проводили их свистом и улюлюканием, – факт неслыханный и являющийся результатом подпольной и коридорной деятельности Славинского», писали 30 декабря в коллективном обращении возмущенные артисты, обвиняя Славинского в том, что он, «совершив возмутительный поступок по отношению к товарищам по труппе, наперекор общему к нему единодушному отношению, цепляясь за выборные должности, не останавливаясь ни перед какими средствами, пытается удержаться в театре на голосах хора и оркестра, причем увлек за собой на этот путь и часть Исполнительного комитета, сделав его орудием своих личных честолюбивых замыслов и личной политики»³. В это время в уже открытый конфликт вмешалась Малиновская.

Ее отношения со Славинским испортились раньше, в середине 1917 г. 3 января 1919 г. Славинский, давая письменные показания по поводу своего конфликта с Малиновской, заявил, что «“врагом театра” Мали-

¹ Так в тексте.

² ГЦТМ. Ф. 154. № 77 а. ЛЛ. 1 – 1 об.; № 77 б. Л. 1.

³ Там же. № 78. ЛЛ. 1 об. – 2.

новская назвала его полтора года тому назад, когда он стал поддерживать В.В. Тихоновича, у которого тоже произошел конфликт с Малиновской и ушедшего из театра М. С. Р. Д. «Войну» же она ему объявила в декабре 1917 г.»¹. Действительно, несмотря на то что именно по просьбе Малиновской дирижер составил пресловутую «шкалу», к концу 1917 г. она заняла сторону его противников-солистов, а произнесенные слова о «враге театра» потом не раз упоминались и самим Славинским, и его оппонентами. После личной беседы с Малиновской, состоявшейся 29 декабря 1917 г. (видимо, именно тогда и произошло «объявление войны») Славинский, по его словам, отказался «посещать Театр в качестве члена Правления». Малиновская хотела избавиться от него и как от дирижера: назначенная на этот день опера «Орестея» (в которой должен был дирижировать Славинский) была заменена «Майской ночью», но тут уже нанесли ответный удар поддерживавшие Славинского хористы, оркестранты и представители театральных рабочих, устроив «итальянскую забастовку»². Конфликт, таким образом, уже вышел за корпоративные рамки и стал напрямую влиять на художественную деятельность театра.

Славинский покинул театр Московского Совета 1 мая 1918 г., перейдя на работу в профсоюзные организации. Конфликт между ним и Малиновской ширился, в него вовлекались все новые организации (в январе 1919 г. Славинский жаловался своим коллегам по профсоюзному движению: «При встрече у общественных деятелей с Е.К. Малиновской, последняя явно высказывала свое неодобрительное отношение к Ю.М. Славинскому <...> Дело доходило до того, что был даже поднят вопрос о выселении Славинского из Москвы»)³. Спустя почти год после декабрьского скандального инцидента, 19 ноября 1918 г. оркестранты театра Моссовета вынесли резолюцию, в которой, «глубоко возмущаясь злостной и клеветнической инсинуацией, исходившей и исходящей от представительницы правления театра М. С. Р. Д. – Е.К. Малиновской по адресу нашего председателя», выразившейся «в официальных разговорах с оркестром, что: т. Славинский – ее личный враг, враг всего театра и она очень сожалеет, что во главе Союза⁴ стоит такой человек, как Ю.М. Славинский», категорически протестовали «против подобных нападок и обвинений»⁵. 24 ноября 1918 г. общее собрание артистов того же театра сочло нужным ответить оркестрантам, постановив, что «мнение, приписанное в вышеуказанной резолюции Е.К. Малиновской» о Славинском как враге театра «является ос-

¹ Там же. № 82. Л. 2.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Имелся в виду Союз артистов-музыкантов, который возглавил Славинский.

⁵ ГЦТМ. Ф. 154. № 80. Л. 1.

новательным и находит подтверждение во всех тех инцидентах, которые были вызваны дезорганизирующим и не товарищеским поведением Ю.М. Славинского и повлекли за собой его вынужденный уход из театра М. С. Р. Д. в прошлом сезоне»¹. Наконец, 14 марта 1919 г. состоящая из представителей Моссовета и Московского Совета профсоюзов комиссия вынесла решение по делу Славинского и Малиновской в пользу последней, поставив ей на вид лишь необходимость «проявления большей осмотрительности при выборе своих сотрудников»; действия Славинского, начиная от составления «пятибалльной шкалы» («самое примитивное понимание товарищеской этики должно было удержать Ю.М. Славинского от недостойного по форме сообщения этих сведений украдкой»), подверглись осуждению². Но и на этом противоборство не закончилось: заняв влиятельную должность председателя Союза работников искусств (Рабиса), Славинский, по замечанию В.В. Иванова, уже «на этом посту <...> с 1919 г. повел борьбу против Малиновской, находя все более влиятельную поддержку»³. В конце 1917 г. Елена Константиновна приобрела себе опасного, ничего не забывшего врага.

Впрочем, в то время конфликт с дирижером бывшей зиминской, а теперь «советской» оперы вряд ли занимал важное место в жизни Малиновской. Она была поглощена более крупной задачей установления контроля над государственными театрами, не признававшими легитимности ленинского правительства и его ставленников. Малиновская пыталась установить связь с крупными театральными деятелями, подтолкнуть их, так или иначе, к сотрудничеству и пока хотя бы формальному подчинению. В архивном фонде заслуженного артиста, одного из лидеров труппы Малого театра (занимавшего в 1917 г. пост управляющего театром) О.А. Правдина сохранилось недатированное письмо к нему Е.К. Малиновской, которое, по упоминанию в нем МВРК (14 – 16 ноября передавшего свои функции Московскому Совету⁴) можно датировать первой половиной ноября. «В Совете невероятная спешка, поэтому сделала *minimum* того, что хотела бы сделать», писала Малиновская, комментируя какой-то ранее бывший разговор с Правдиным, возможно касавшийся восстановления Малого театра после разгрома. «Надеюсь, что Вы с Александром Ивановичем⁵ временно установите взаимоотношения, а на ближайшем общем собрании всех работников театра выяснится, кого следует утверждать В[оенно]-Р[еволюционному] к[омите]ту. Пока вручать полномочия от

¹ Там же. № 81. Л. 1.

² Там же. № 94. ЛЛ. 1 – 2 об.

³ Иванов В.В. Комментарии // Хроника несостоявшегося возвращения. С. 402.

⁴ Московский военно-революционный комитет. С. 11.

⁵ А.И. Сумбатовым-Южиным.

имени Врем[енного] п[равительст]ва В[оенно]-Р[еволюционный] к[омите]т не считает возможным». Елене Константиновне хотелось поскорее уговорить своего корреспондента получить «полномочия» из рук МВРК, чего ведущие артисты казенной сцены, бойкотировавшей в то время большевиков, делать не спешили. Впрочем, в тех условиях время играло на победителей в политической схватке; понимая это и ожидая ответа от Правдина (обнаружить его не удалось), Малиновская сразу указала, куда следует обращаться: «Я все дни буду или в Совете, или в нашем театре. Ежедневно с 11 до 3-х все сведения и запросы можно передавать в театр Совета Борису Петровичу Кащенко»¹.

Спустя полтора месяца, 30 декабря уже более уверенная в себе Малиновская делала доклад об управлении московскими государственными театрами перед Президиумом Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, причем последний постановил, чтобы отныне все касавшиеся государственных театров кредиты проходили через возглавляемый Малиновской Художественно-просветительный отдел совета². Это давало в руки «комиссара театров» серьезный рычаг власти. Оставалось согласовать намерения Моссовета с другими ведомствами и добиться, наконец, явного и недвусмысленного признания нового порядка от самих театров. Понимая это, 1 января 1918 г. Президиум Московского Совета выдал «заведующей Художественно-просветительным отделом Совета и Комиссариатом по делам Московских театров» Малиновской удостоверение в том, что она «делегирована Президиумом для установления связи и общих положений по управлению Комиссариатом государственных театров в Комиссариат б. Министерства двора и б. Министерство народного просвещения». В переговорах с этими учреждениями, которые Президиум просил «оказывать т. Малиновской возможное содействие»³, должны были определиться границы полномочий Малиновской на новом поприще. Установление же реального контроля над казенными театрами, с которыми окажутся связаны многие годы жизни Малиновской, пришлось уже на начало 1918 г.

Рассматривая в целом деятельность Е.К. Малиновской в год революции, можно выделить в ней три основных этапа (через которые красной нитью проходит сотрудничество в Московском Совете рабочих депутатов – главном трамплине революционной карьеры Малиновской в 1917 г.). Весной она была вовлечена в многочисленные культурные инициативы Художественно-просветительной комиссии; с июня по октябрь основным содержанием ее работы стало преобразование Оперы С.И. Зимина в театр Совета рабочих депутатов, который она фактически возглавила. Здесь уже

¹ ГЦТМ. Ф. 217. № 4821. ЛЛ. 1 – 1 об.

² Там же. Ф. 154. № 268. Л. 1.

³ Там же. № 269. Л. 1.

приходилось значительно сложнее, масштаб необходимых усилий и ответственности многократно возрос, зато в ее окружении появились яркие, талантливые деятели театрального мира (особенно значимым для Елены Константиновны оказалось знакомство и сотрудничество с Ф.Ф. Комиссаржевским). Наконец, третий и самый важный этап начался 3 ноября с назначением Малиновской комиссаром всех московских театров. Сложно сказать, насколько она чувствовала себя в тот момент готовой к новому обширному полю деятельности, но вряд ли у большевиков из Моссовета имелся лучший кандидат на этот пост, имевший хотя бы сопоставимый опыт организационной работы в театральном деле. Именно с назначением на пост комиссара о ней узнали широкие круги театралов – и, в основном, приняли поначалу в штыки. Но Малиновская показала свой характер, где надо – проявила выдержку и твердость, в иных случаях пустила в ход дипломатические способности и смогла, несмотря на первоначальное массовое осуждение, продержаться в качестве комиссара до начала 1918 г., когда признание ее полномочий новыми подчиненными стало неизбежным.

**КАЗУС ИНЖЕНЕР-МЕХАНИКОВ С «РЕСПУБЛИКИ»
(МАЙ – ИЮНЬ 1917 Г.): МИМИКРИЯ КАК СТРАТЕГИЯ
ПОВЕДЕНИЯ ОФИЦЕРОВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ**

БАЖАНОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: dbazhanov@herzen.spb.ru

Проблема поведения в изменяющихся реалиях привычной жизни учеными поднималась неоднократно. Применительно к революционным событиям 1917 г. она затрагивалась офицерами-участниками событий в мемуарной литературе. В основном, она интерпретировалась как результат некоего выбора, сделанного раз и навсегда. На мотивы выбора недвусмысленно указал Г.Е. Зиновьев в своей лекции в октябре 1919 г. на собрании военных специалистов. Офицерский корпус, по его мнению, должен признавать политику, проводимую государством, которому он служит. В этом контексте Г.Е. Зиновьев и полагал, что офицерство, хоть в нем и есть разные группы, отнеслось к революции «прохладно» или «враждебно». Причиной этого является «плохое понимание современности», а также и его

классовая принадлежность¹. Именно эти идеи, сложившиеся не в 1919 – 1920 гг., а раньше и позволяют понять один из главных антагонизмов, представленных в советской историографии – противопоставление «нижний чин – офицер»².

На современном этапе исследований предпринимаются попытки отойти от «классовой предопределенности» поведения командного состава. При этом сторонники отхода различают основания для выявления мотивов. Так, для М.А. Елизарова альтернативой была реакция на радикальность лозунгов и действий команд, а также деградация поддержки офицерами Временного правительства³. В.Л. Кожевин, уделивший особое внимание обстоятельствам наступления революции в так называемом «балтийском треугольнике» Петроград – Кронштадт – Гельсингфорс, в качестве важной причины так же отмечал степень «шокированности» командного состава действиями подчиненных⁴. Последнее, впрочем, не исключало возможностей сотрудничества с новой властью, что особенно было характерно для младших офицеров⁵. Этот вопрос подробнее рассмотрел в своей статье А.П. Павленко⁶. Более рациональными расчетами перспектив своей дальнейшей судьбы объяснял факт сохранения своих должностей морскими офицерами и дальнейшей службы в Красном флоте К.Б. Назаренко⁷. Однако этот выбор делался позднее. Мы, в свою очередь, рассматриваем проблему стратегий поведения на более раннем этапе – когда о дальнейшем ходе событий еще не особенно задумывались.

Представляется, что наиболее распространенными стратегиями поведения флотского офицерства в первые революционные месяцы можно считать три. Определялись они во многом восприятием текущих событий. Офицеры, участвовавшие в революционных событиях, писали об отношении к ним. Многие в оценке принятия происходивших изменений зависело от дальнейшей судьбы авторов воспоминаний. О неприятии новых порядков с конца марта на службе писал покинувший Россию Г.К. Граф. Важ-

---

¹ Зиновьев Г.[Е.] Армия и народ: Советская власть и офицерство. Пг., 1920. С. 15.

² См., напр.: Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 29 – 30, 32; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 28.

³ Елизаров М.А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 – март 1918 гг.): Дис. ... д. ист. н. СПб., 2007. С. 79 – 81, 157 – 158.

⁴ Кожевин В.Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 164 – 165.

⁵ Там же. С. 204 – 224.

⁶ Павленко А.П. Офицеры в центральных комитетах флотов и флотилий в 1917 – 1918 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3. С. 85 – 96.

⁷ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917 – 1921. М., 2011. С. 64 – 65, 77, 198 – 200, 237 – 239.

ную роль в такой оценке сыграли комитеты¹. С.Н. Тимирев описывал свои пессимистические ожидания будущего, относя их к маю и связывая с нараставшим количеством посещений кораблей различными общественно-политическими деятелями, а также и с нараставшей отстраненностью от управления офицерства². В то же время эти вопросы практически не затрагивали служившие в Красном флоте Э.С. Панцержанский и В.А. Белли. Они отмечали недоверие к представителям командного состава со стороны нижних чинов, но анализировали причины, обосновывали справедливость такого отношения³. Своего рода квинтэссенцией подобных рассуждений стали впечатления И.С. Исакова, связанные с его назначением командиром на миноносец «Деятельный» Каспийской флотилии весной 1920 г. Переживая отчуждение с командой, гибель своего однокашника мичмана П.М. Семченко, пытавшегося перейти к белым, он вспоминал о своих мыслях: «почему мне должны верить больше, чем Семченко? Что я не из дворян? Что участник Ледового похода и боев с англичанами на Балтике? Этого мало. Это не гарантия политической лояльности на всю жизнь. И еще, – значит, я расплачиваюсь не только за себя, но и за семченков. А сколько их? И где они маскируются? Получается, бывшее офицерство – вроде каиновой печати»⁴. Поэтому вопрос приспособления к изменениям ими не ставился. Следовательно, процесс отношения к новшествам, выбора своей роли был сложнее. Сложность выбора офицеров зимой 1917 – 1918 гг., также не раскрывая причин, показал в воспоминаниях Н.З. Кадесников⁵.

К первой стратегии относится своеобразное разделение служебной, т.е. публичной и регламентированной нормами Устава, и частной жизни. Своеобразным «водоразделом» являлось местонахождение офицера. К первой составляющей относилось время пребывания на корабле, ко второй – на берегу. Так, например, Г.Н. Максимов, получивший назначение в мае 1917 г. судовым врачом на крейсер «Диана», отмечал свой первый поход в Гельсингфорс (Хельсинки) «на экскурсию» вместе с мичманами В.А. Алехиным и В.В. Шубиным. Началась она в кофейне «Фацер», что размещалась на Северной Эспланадной улице. Дальнейшие попытки автора попасть с сослуживцами на органный концерт оказались неудачны, т.к. офицеры сначала увлекли его «проветриться» в ресторан при гостинице «Фения» у железнодорожного вокзала, а потом продолжили походом в те-

¹ Граф Г.К. На «Новике». СПб., 1997. С. 127; его же. На службе Императорскому Дому России. 1917 – 1941: Воспоминания / Вступ. ст. В.Ю. Черняева. СПб., 2004. С. 24 – 25.

² Тимирев С.Н. Воспоминания бывшего морского офицера. СПб., 1998. С. 79 – 83.

³ Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7. С. 76, 78 – 80; Белли В.А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 247, 295.

⁴ Исаков И.С. Каспий, 1920. М., 1973. С. 15 – 16.

⁵ Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917 – 1922 гг. СПб., 1991. С. 3 – 4.

атр-кабаре «Аполло». Там, по признанию автора, они «обнаружили чуть ли не половину всей кают-компания» крейсера. Возвращались из Гельсингфорса с последним катером, т.е. около полуночи¹. Офицеры, семьи которых имели возможность жить в портах базирования, старались свободное время проводить со ждавшими их родными. О приезде родных в Ревель (Таллин) и стремлении видаться с ними во время ставших в этот период ежедневными сходов на берег, упомянул командовавший крейсером «Баян» С.Н. Тимирев². О времени, тянувшемся в ходе революционных событий от встречи до встречи с мужем, штурманским офицером линкора «Гангут» старшим лейтенантом В.П. Доном, вспоминала его жена, Н.С. Аленникова³.

Второе направление было связано с участием в общественно-политической жизни. Прежде всего, речь идет о тех, кто играл видную роль в новых органах власти и самоуправления. Так, в судовые комитеты должны были избираться по 1 представителю от командного состава. Некоторые из них действительно активно участвовали в их работе, занимая руководящие должности. Так, на «Баяне» в марте – июне 1917 г. председателем судовой организации был старший офицер капитан II ранга Б.Д. Коссаковский, на заседаниях его неоднократно заменял лейтенант К.С. Ухов. В июне – сентябре комитет возглавлял лейтенант В.И. Перетерский, причем кроме него в состав вошло еще три офицера⁴. Схожим образом дела обстояли и на линкорах-дредноутах. Некоторые офицеры активно участвовали и в работе городских органов власти, а также центральных и общественно-профессиональных морских организаций. Примером может служить активное участие в работе Кронштадтского Совета лейтенанта М.С. Гласко. В Гельсингфорском Совете в состав Исполнительного комитета в марте входил капитан II ранга И.И. Ренгартен, позднее – начальник отряда заградителей капитан I ранга А.А. Ружек. Мичман А.А. Коптелов возглавлял с конца марта по июнь Местный флотский комитет Ревеля. В первый состав Центрального комитета Балтийского флота были избраны инженер-механик мичман М.И. Савич-Заблоцкий с линкора «Республика» и инженер-механик лейтенант Р.Р. Грундман с крейсера «Громобой»⁵.

¹ Максимов Г.Н. О минувшем и пережитом. Ялта – Севастополь, 2013. С. 172 – 173.

² Тимирев С.Н. Воспоминания бывшего морского офицера. С. 84.

³ Аленникова Н.С. Русская трагедия. Дороги дальние, невозвратные. М., 2010. С. 208.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 34, 46, 55, 59.

⁵ Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте - октябре 1917 года: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2007. С. 123, 180, 295; Дубровская Е.Ю. Дневник И.И. Ренгартена как источник о деятельности Гельсингфорского Совета в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. XVIII. С. 214, 218 – 220; Павленко А.П. Офицеры в центральных комитетах флотов и флотилий в 1917 – 1918 гг. //

Впрочем, на их участие накладывались ограничения, обусловленные выходами в море. Капитан II ранга И.И. Ренгартен вынужден был вовсе сложить с себя полномочия члена Гельсингфорского Совета по причине занятости в штабе флота, где он стал флаг-капитаном по оперативной части¹.

Наконец, еще одним способом реакции становилось добровольное или вынужденное дистанцирование от службы на кораблях и соединениях, сопровождавшееся переводом в резерв чинов морского министерства. Некоторые офицеры добивались этого, будучи шокированы выступлениями команд на Балтике в февральско-мартовские дни. К.И. Мазуренко, инженер-механик линкора «Слава» вспоминал обстоятельства перевода своего непосредственного начальника, бежавшего в ночь с 3 на 4 марта 1917 г.: «Относительно скрывшегося с корабля инженер-механика старшего лейтенанта Б.В. Уляницкого нам стало известно, что он благополучно добрался до госпиталя, вылечил легкую рану руки – и попал в Петроград, где получил новое назначение на тыловую должность»².

Другие оказывались в резерве, будучи снятыми со своих должностей под давлением подчиненных. Например, командир линкора «Полтава» капитан I ранга С.В. Зарубаев 13 марта вынужден был обратиться в штаб флота со следующей просьбой: «Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В.В. Котовского, лейтенанта К.И. Юдина, мичманов В.М. Карякина и Г.А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта»³.

В некоторых случаях после этого следовало и увольнение со службы. Например, начальник Учебно-артиллерийского отряда, находившегося в Кронштадте, контр-адмирал Е.Н. Одинцов 20 марта был зачислен в резерв, а спустя месяц, 23 апреля, ушел в отставку по состоянию здоровья⁴.

Были отдельные случаи, когда неприятие событий доводило офицеров до сведения счетов с жизнью. Проблему самоубийств представителей командного состава поднимал в своем исследовании К.Б. Назаренко. Он отмечал, что «эпидемии самоубийств среди офицеров ни Февральская, ни Октябрьская революция не вызвали». Исследователь выделил тенденцию к постепенному увеличению масштабов явления в военный период. Соглас-

---

Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. С. 89.

¹ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март – октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 172.

² Мазуренко К.И. На «Славе» в Рижском заливе // Слава и трагедия балтийского линкора / Сост. Н.А. Кузнецов. М., 2013. С. 224.

³ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018. Л. 174.

⁴ Саберов Ф.К. Трагедия Балтийского флота. Матросский бунт 1917 г. СПб., 2018. С. 110 – 111.

но его подсчетам, Балтийский флот потерял в 1917 г. по этой причине 9 чел., семеро из которых пришлось на период марта – октября¹. К тому же, проблемой является обоснование их смерти именно революционными обстоятельствами, на что обратил внимание Ф.К. Саберов². К.Б. Назаренко отнес к этой категории те случаи, по которым нашел соответствующие сведения в приказах. К ним он отнес инженер-механика эсминца «Азарт» старшего лейтенанта Л.Е. Войнича и командира миноносца «Москвитянин» капитана II ранга А.А. Рыжея³.

Однако удалось обнаружить пример, когда офицеры маскировали свое истинное восприятие происходящих революционных событий – т.е. делали и вели себя одним образом, а чувствовали и относились по-другому. Этот путь мы и назвали мимикрией. На первый взгляд, к этой стратегии можно отнести, например, отношение Г.К. Графа к участию в деятельности судового комитета штабного корабля минной обороны Балтийского флота «Чайка», председателем которого он был весной 1917 г. Он вспоминал: «Когда я явился к начальнику минной обороны контр-адмиралу А.П. Зеленому, то он сразу сказал мне, что знает, что на “Новике” я был популярен среди команды, чему он очень рад, так как в теперешнее время это важнее, чем быть хорошим специалистом. Поэтому я могу быть очень полезен в случаях осложнений в командах штаба или “Чайки”, и меня уже выбрали председателем судового комитета “Чайки” и штаба»⁴. Тем самым, он намекал на вынужденность своей работы. Далее он прямо указал, что такая деятельность его очень «не обрадовала» и что через пару месяцев он вышел из состава комитета⁵. Однако мемуарист не пытался противодействовать или влиять на круг вопросов, поднимаемых органом революционного самоуправления. Поэтому в данном случае мы имеем, скорее пример пассивного соучастия.

Рассматриваемый случай имеет серьезные отличия. Речь пойдет о двух офицерах – инженер-механиках. Одним из них был лейтенант В.Ф. Морозов. Он закончил Морское инженерное училище императора Николая I в 1913 г. Вся его служба прошла на линейном корабле «Император Павел I» («Республика») трюмным механиком. Судя по воспоминаниям его сослуживца, мичмана Н.А. Тиканова, большое потрясение Морозов пережил во время мятежа экипажа линкора в ночь с 3 на 4 марта. Вскоре

---

¹ Назаренко К.Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 263.

² Саберов Ф.К. Трагедия Балтийского флота. Матросский бунт 1917 г. С. 111.

³ Назаренко К.Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. С. 263.

⁴ Граф Г.К. На службе Императорскому дому России. 1917 – 1941: Воспоминания / Вступ.ст., комм. В.Ю. Черняева. СПб., 2004. С. 24.

⁵ Там же.

после 20 ч. к запертым в кондукторском отделении кают-компания офицерам «вошел матрос и командным голосом вызвал» инженер-механика. Через некоторое время «смертельно бледный» офицер вернулся – от него команда потребовала комплекты ключей от системы затопления, а также «указаний по трюмной части»¹. Другой офицер – инженер-механик мичман М.П. Эйдын. Он был младше Морозова на один выпуск. Так же, как и Морозов, всю свою карьеру он делал на «Павле», заведуюя водолазами².

После свержения монархии оба остались на линкоре. По-видимому, оба были в неплохих отношениях со своими подчиненными. Возможно, оба демонстрировали лояльность радикальным взглядам, исповедуемым частью команды. Об этом свидетельствует, в частности, упоминание в обращении судового комитета, что оба офицера были большевиками³. Нам не удалось обнаружить их фамилий в «Регистрационной книге» Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), начатой с 10 апреля зачислением моряков именно «Республики». Полагаем, что они воспринимались как своеобразные «сочувствующие». Налаживанию отношений способствовало и проведение ими неких просветительских занятий с моряками.

Можно сделать вывод, что В.Ф. Морозов и М.П. Эйдын вели себя как готовые к активному соучастию в новой жизни, т.е. придерживались тех же принципов, что и их соплаватель М.И. Савич-Заблоцкий или однокашник Морозова Р.Р. Грундман. Последние заслужили признание в среде экипажей, были избраны в Центральный комитет Балтийского флота, где первый стал секретарем, а второй – товарищем председателя⁴. Р.Р. Грундман был также избран в ЦКБФ третьего созыва, на короткое время (25 июля – 8 августа 1917 г.) заняв должность его председателя, а после перевыборов президиума – товарища председателя⁵. После свержения Временного правительства Савич-Заблоцкий стал комиссаром в Морском генеральном штабе, а Грундман – чрезвычайным комиссаром Верховной морской коллегии⁶.

¹ РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 18 об.

² Мельников Р.М. Линейный корабль «Император Павел I». Самара, 2005. С. 27.

³ Объявления // Волна. 1917. 31 мая.

⁴ См. подробн.: Павленко А.П. Офицеры в центральных комитетах флотов и флотилий в 1917 – 1918 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. С. 89, 90 – 91.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Указатель имен // Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. 1917 – 1918 гг. / Под ред. Д.А. Чугаева М., 1963. С. 463, 473. В 1918 г. Р.Р. Грундман поработал в Петроградской конторе Народного банка РСФСР, в 1923 – 1924 гг. руководил Морским инженерным училищем, с 1925 г. – на судостроительных заводах. В феврале 1931 г. был впервые арестован ОГПУ, однако в декабре того же года освобожден. Вторично его арестовали 2 марта 1938 г., 6 сентября 1940 г. он был приговорен к

Однако дальше произошла неожиданность. 31 мая от имени судового комитета линкора «Республика» в газете РСДРП(б) «Волна» было опубликовано объявление. В нем сообщалось, что команда обеспокоена «невозвращением третьи сутки из города» В.Ф. Морозова и М.П. Эйдына. Комитет отмечал, что «недружественное отношение со стороны других офицеров к офицерам с “Республики” наводит на мрачные предчувствия». И, наконец, комитет заявлял, что «команда не допускает мысли, чтобы товарищи Морозов и Эйдын выехали куда-либо»¹.

Это предположение оказалось абсолютно неверным. 6 июня офицеры были задержаны на пограничной станции Торнео при попытке выехать из России. Они были переданы в ведение секции охраны народной свободы Гельсингфорсского Совета и отправлены в столицу Финляндии. Там их заключили по постановлению судового комитета «Республики» на гауптвахту.

Дальнейшую их судьбу должен был решать суд. В это время шел процесс создания Гельсингфорсского (Свеаборгского) временного военно-морского суда. 6 мая было принято постановление правительства о создании временных военно-морских судов². 21 мая А.Ф. Керенский приказом по армии и флоту № 50 определил состав суда в количестве 6 чел.³ 10 июня Гельсингфорсский Совет избрал на своем заседании предусмотренных постановлением правительства судей и присяжных⁴. Было утверждено по 4 офицера от армии и флота и по 8 нижних чинов. Все являлись депутатами Гельсингфорсского Совета. 24 июня после долгих рассмотрений Центробалт принял решение согласиться с представленным перечнем назначенных и избранных чиновников суда⁵. Однако, вследствие различных проволочек, ареста командующего флотом, переизбрания ЦКБФ, начало работы суда затянулось до 18 июля.

Инженер-механик лейтенант В.Ф. Морозов не дожидаясь этого. 21 июня он покончил с собой. Согласно рапорту караульного начальника городской гауптвахты, произошло это так: «лейтенанту Морозову было разрешено принять ванну и когда, вследствие долгого его пребывания в ванной

расстрелу. По имеющимся данным приговор был приведен в исполнение 27 июля 1941 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 562; Ближниченко С.С., Лазарев С.Е. Репрессии в Военно-морском инженерном училище имени Ф.Э. Дзержинского в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 127, 128).

¹ Объявления // Волна. 1917. 31 мая.

² Журналы заседаний Временного правительства. М., 2002. Т. 2. С. 44 – 45, журнал № 71 от 6 мая 1917 г.; О временных военно-морских судах // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 109. 15 мая. Ст. 603. С. 959 – 960.

³ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 43. Л. 27.

комнате, взломали дверь – нашли его повесившимся на полотенце. Вызванный врач констатировал самоубийство»¹. Что непосредственно толкнуло его на такой отчаянный шаг – однозначно сказать невозможно. Во всяком случае, он испытал сильнейшие переживания, то ли из-за боязни мести со стороны команды «Республики», то ли из-за провала своей затеи.

Об отношении Морозова к происходившим событиям нам кое-что известно благодаря показаниям М.П. Эйдына. Он просидел на гауптвахте до рассмотрения их побега Свеаборгским временным военно-морским судом. Это случилось в период четвертой и последней его сессии, проходившей 10 – 13 ноября 1917 г. Дело инженер-механиков с «Республики» было внесено в повестку заседания 10 ноября. Им было предъявлено обвинение по ст. 128 и 134 «Военно-морского устава о наказаниях», т.е. в побеге². Отвечая на вопросы присяжных, мичман сообщил, что он и В.Ф. Морозов собирались предложить свои услуги Великобритании и попасть на службу в Grand Fleet. Причинами он назвал «развал службы» и «нежелание многих продолжать войну». Отдельно он отметил, что В.Ф. Морозов «искренне ненавидел» происходящее вокруг³.

Суд, выслушав показания, переквалифицировал обвинение на ст. 131, т.е. «побег без намерения уклониться от службы». М.П. Эйдын был приговорен к 6 месяцам заключения. С учетом 5 месяцев, проведенных на гауптвахте Гельсингфорса, ему оставалось отбыть еще 1 месяц.

Таким образом, два офицера – инженер-механика, служившие на линейном корабле «Республика», действительно пытались маскировать свое истинное отношение к происходившим вокруг них событиям. Не сочувствуя изменениям в дисциплинарной сфере, отношении к войне, они пытались бежать с корабля и из России. Их действия не выглядят спонтанным или сиюминутным решением, скорее, это – осмысленный акт. Тем самым, можно сделать вывод, что их поведение следовало их замыслу, а значит, являлось определенной стратегией.

Можно предполагать, что это было связано с местом их службы. Ведь именно с мятежа на этом линкоре началось кровопролитие в Гельсингфорсе 3 марта 1917 г. Именно там состоялись убийства, о которых потом с ужасом вспоминали. Поэтому определяющим фактором избранной мимикрирующей стратегии поведения В.Ф. Морозова и М.П. Эйдына следует считать страх перед подчиненными, а не их сословную принадлежность или «классовое сознание». Полагаем, что перед нами – жизненная

¹ Там же. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2180. Л. 169.

² Свод морских постановлений. Книга XVI. Военно-морской устав о наказаниях. Пг., 1915. С. 30 – 31; Беспристрастный. Из залы суда // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее – Известия). 1917. 12 ноября.

³ Беспристрастный. Из залы суда // Известия. 1917. 12 ноября.

ситуация, участники которой руководствовались вполне приземленными представлениями, полученным ими личным опытом, той самой «шокированностью», о которой писал В.Л. Кожевин. Недооценка исследователями этого обстоятельства упрощает и искажает представления о революционных событиях.

КОНФЛИКТ КОМАНДОВАНИЯ БЕЛГОРОДСКОГО ЗАПАСНОГО ПОЛКА И ПОЛКОВОГО КОМИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ АРМИИ (ИЮНЬ – ОКТЯБРЬ 1917 Г.)

ЗАХАРОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: amzaharov@herzen.spb.ru

Проблемы так называемой «демократизации армии», вставшие во весь рост после того, как увидел свет пресловутый «приказ № 1», обрели особо оригинальный оттенок в национальных частях русской армии. Во-первых, принципы существования национальных частей не всегда были совместимы со стремительно меняющимися принципами новой армейской организации. Во-вторых, правительство само загнало себя в смысловую ловушку, одной рукой утверждая права армейских Советов и комитетов, а другой – подписывая громкие декларации о правах наций на самоопределение.

Командование национальных частей быстро оценило несовместимость двух этих основ, легко отбрасывая любые претензии комитетов на военное руководство как вмешательство в права наций в сфере создания своих воинских контингентов. Наконец, в сугубо армейские сферы стали вторгаться местные выборные органы власти, исходившие в своей деятельности нередко из локальных, узко местных интересов. История, произошедшая летом 1917 г. с Белгородским запасным полком, в этом смысле является очень показательной.

Полк (в 1915 – 1917 гг. – батальон), сформированный изначально как запасная часть Польской стрелковой дивизии, к лету 1917 г. оказался в двусмысленном положении «троеподданства». Свою деятельность он вынужден был координировать с командованием польских частей в русской армии, во-первых, с командованием Московского военного округа, которому полк подчинялся по месту дислокации, во-вторых, и с Белгородским

Советом рабочих и солдатских депутатов, от которого жизненно зависело обеспечение полка довольствием, в-третьих.

До июня 1917 г. острота проблем отчасти компенсировалась действием, а, точнее, бездействием командира полка полковника Л.Г. Виницкого, которого солдат полка Ю. Подсядло в воспоминаниях характеризовал как «человека очень корректного, но в служебном отношении самоустранившегося»¹, а приехавший в полк с инспекцией капитан Б. Язвинский вообще назвал в своем рапорте «старым, трусливым и бездеятельным человеком»² (автору ранее доводилось подробнее писать об этой инспекции и ее результатах³).

В конфликтную фазу ситуация вошла в июне 1917 г., когда полк принял под свое командование 33-летний полковник З.П. Богуш-Шишко, офицер твердый, энергичный и жесткий в дисциплинарном отношении. Внешняя сторона событий, казалось бы, указывала на наметившийся конфликт полковника с полковым комитетом. Однако отзывы о сменившем Богуша-Шишко 30 июля по настоянию полкового комитета поручике М. Яцкевиче позволяют поставить этот тезис под серьезное сомнение. Отмечая его левые политические взгляды, солдаты вспоминали о нем как о большом поборнике военной дисциплины⁴, а совершенно не разделявший политических симпатий Яцкевича генерал Павловский вообще отзывался о нем исключительно комплиментарно: «Сирота, сын повстанца, военную службу нес в Сибири, не знал родного языка, но благодаря исключительной энергии преодолел все трудности, за два-три месяца освоил язык, стал другом для солдат. Знает их реальные нужды, всегда выступает за поддержание дисциплины и порядка»⁵.

На фоне сказанного выше и последующей трагической судьбы поручика Яцкевича все более зловещим рисуется образ председателя Белгородского Совета Л.А. Меранвиль де Сент-Клера – ряд мемуаристов прямо обвинял его в организации убийства Яцкевича в ноябре 1917 г.⁶ Личная биография этого человека была более чем удивительной. 30-летний присяжный

---

¹ Na granicy epok: Wspomnienia o udziale Polaków w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji, 1917 – 1921. / Red. J. Sobczak. Warszawa, 1967. S. 278. (далее – Na granicy epok).

² Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. I (marzec 1917 – listopad 1918). / Red. N. Gąsiorowska-Grabowska, I.A. Chrenow. Warszawa, 1962. S. 98.

³ Захаров А.М. Белгородский запасной полк Польской стрелковой дивизии в июне-июле 1917 года (по материалам инспекции). // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2021. С. 319 – 323.

⁴ Na granicy epok. S. 206.

⁵ Zatorski A. Polska lewica wojskowa w Rosji w okresie rewolucji, 1917 – 1918. Warszawa, 1971. S. 111.

⁶ См., напр.: Na granicy epok. S. 290.

поверенный происходил из семьи обрусевшего французского эмигранта, сбежавшего за век до этого от Великой французской революции и сделавшего неплохую военную карьеру в Павлоградском гусарском полку. В РСДРП Меранвиль вступил в 20-летнем возрасте и к 1917 г. входил во фракцию меньшевиков-интернационалистов. При этом дядя этого видного деятеля советской власти – Н.К. Меранвиль де Сент-Клер – еще в начале XX в. успел дослужиться до полковника и старшего адъютанта Отдельного корпуса жандармов, а в 1910 г. с треском был вышиблен в отставку по факту доказанного лжесвидетельства на процессе о наследстве Иоанна Кронштадтского. На финансовые дела семьи Меранвилей, похоже, это не слишком повлияло – жена отставного жандармского полковника в том же году приобрела известный в кругах петербургской богемы дом на Невском пр., 100, где ставили спектакли любительские театральные труппы.

Л.А. Меранвиль де Сент-Клер характеризовался современниками как завистливый интриган с непомерными политическими амбициями, вознамерившийся использовать части Белгородского полка в качестве преторианской гвардии в узко местных, а то и личных целях¹. Все это позволяет говорить не о столкновении отдельных офицеров с председателем местного Совета, а о более глубинном процессе – конфликте военной и гражданской властей с попыткой последней использовать первую в своих интересах.

Отечественная историография, описывая ход событий, опиралась всегда на материалы выше упоминавшейся инспекции, во-первых², и на отзывы командующего польскими частями русской армии генерал-лейтенанта Ю.Р. Довбор-Мусьницкого³, во-вторых. Однако последний находился вдалеке от Белгорода и надежными источниками информации не располагал, а инспекция не стала углубляться в подробности сложных взаимоотношений полкового комитета и городского Совета, априори относясь к обоим как к одинаково нежелательной помехе армейскому единоначалию.

9 августа 1917 г. Белгородский Совет рабочих и солдатских депутатов приказами №№ 1 и 2 военной секции Совета утвердил решение об отстранении полковника Богуша-Шишко и назначении на его место Яцкевича. Офицеры полка обратились за помощью по инстанции – к командованию Московского военного округа, которому полк подчинялся по территориальной принадлежности. 17 августа командующий войсками округа полковник А.И. Верховский отменил решение полкового комитета, отметив, что не допустит установления в полку «крайних ленинских порядков»⁴.

¹ Na granicy epok. S. 282.

² См., напр.: Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (февраль – октябрь 1917 г.). М., 1965. С. 293.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же. С. 293.

Богуш-Шишко был возвращен на свой пост, поручик Яцкевич подчинился решению Верховского – как уже отмечалось, что при всех своих левых взглядах этот офицер был большим поборником военной дисциплины. Полковой комитет, оказавшись тем самым перед угрозой уменьшения своего влияния, от имени рядового состава отпечатал в типографии полка декларацию, хоть и весьма агрессивную по тону, но вполне примирительную по сути. Ее авторы утверждали, что они – «против немецкого империализма, но не за польский империализм». Они призывали провести широкую демократизацию армии с расширением влияния и полномочий солдатских комитетов¹.

14 августа полковой комитет на своем заседании обвинил неких «анонимных реакционеров» в формировании заговора с целью убийства членов комитета. Особых последствий эта истерика, впрочем, не имела, тем более что 20 августа комитет в полном составе был переизбран. Под воздействием Белгородского Совета комитет возглавили поручик К. Вальц и прапорщик А. Чижевский, не скрывавшие своей принадлежности к Польской социалистической партии и с настороженностью относившиеся к леворадикальным элементам². Из 49 членов комитета пятеро объявили себя большевиками и еще семеро – представителями других левых партий. Комитет тут же провозгласил своей задачей «подготовить польского солдата для того, чтобы он содействовал установлению в будущей независимой Польше демократического строя», но при этом тут же поддержал лозунг «войны против германского империализма до победного конца»³.

В новую фазу конфликтная ситуация вошла с началом «Корниловского мятежа». 25 августа 1917 г. был собран общеполковой митинг. Председатель полкового суда С. Вацкий приводил в неопубликованных мемуарах текст резолюции митинга: «Полк клянется, что он готов себя предоставить целиком на борьбу против реставрации и не допустит никаких покушений на завоевания революции как со стороны русской, так и своей реакции»⁴. После этого Богуш-Шишко и еще 8 офицеров были отправлены под арест. Временным командиром полка полковой комитет, как и раньше, назначил поручика М. Яцкевича. Арест был согласован с Белгородским Советом и созданным в эти дни Комитетом защиты революции, куда входили и представители полка.

Генерал Довбор-Мусьницкий логично счел происшедшее актом прямого неповиновения и попытался воздействовать на полк единственным доступным в его положении образом. 30 августа он отдал приказ своему

¹ Wrzosek M. *Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917 – 1918*. Warszawa, 1969. S. 89.

² Zatorski A. *Op. cit.* S. 66.

³ Манусевич А.Я. Указ. соч. С. 293 – 294.

⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 574. Л. 8.

заместителю генералу Павловскому аннулировать с 15 сентября полковую печать и далее снабжать по нормам военного времени только те части, которые придут непосредственно на фронт¹. В штабы фронтов и военных округов из штаба 1-го Польского корпуса была отправлена телеграмма с просьбой «не направлять польских солдат и офицеров в Белгород, ибо в Белгороде польские части не формируются»². При этом генерал оставлял себе возможность маневра, косвенно демонстрируя готовность к поиску компромисса. В частности, он утвердил отстранение полковника Богуша-Шишко от командования полком и перевод его на другую должность, отметив, что оставление его в должности может явиться причиной новых беспорядков³. Командиром полка он назначил подполковника Чернявского из своего штаба⁴.

8 сентября полковой комитет отправил жалобу в штаб Московского военного округа, указывая, что полк по месту дислокации подчиняется именно данному штабу, а не генералу Довбор-Мусьницкому, находившемуся в Бобруйске⁵. Очевидно, что члены комитета осознали, что оказываются в полной зависимости от городского Совета и его не в меру амбициозного председателя. Именно после этой жалобы отношения полкового комитета и Белгородского Совета стали заметно ухудшаться.

Созданная специально для решения конфликта следственная комиссия Московского военного округа нашла компромиссное решение. 23 сентября 1917 г. она предложила подчинить полк напрямую Московскому военному округу и разбить на несколько самостоятельных воинских формирований с расквартированием их в разных пунктах⁶. Штаб Довбор-Мусьницкого почел за благо молча принять этот вариант.

1 октября 1917 г. приказом военного министра А.И. Верховского Белгородский полк был изъят из подчинения штабу 1-го Польского корпуса и в соответствии с рекомендациями подчинен непосредственно командующему войсками Московского военного округа⁷. Отношения в треугольнике «Белгородский полк – Белгородский Совет – командование русской армии» вступили в новую фазу.

---

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 148.

² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 517. Л. 164.

³ Dokumenty i materiały. S. 122.

⁴ Pawłowsky I., Sobczak K. Walczyli o Polskę: Polacy i oddziały polskie w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji, 1917 – 1921. Warszawa, 1967. S. 81.

⁵ Grosfeld L. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917 – 1919. Warszawa, 1956. S. 47.

⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 148.

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 341. Л. 94.

**МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ:
СОЗДАНИЕ, СОСТАВ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ИЮЛЬ – АВГУСТ 1917 Г.)**

ПОСПЕЛОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА,
2 курса магистратуры (история) ЗО ИИСН РГПУ им.
А.И. Герцена, учитель английского языка МАОУ СОШ
№ 4 с углубленным изучением английского языка,
г. Новый Уренгой, Россия;
e-mail: natnur007@mail.ru

Научный руководитель:
Николаев Андрей Борисович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) Института
истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Первое совещание общественных деятелей состоялось в Москве с 8 по 10 августа 1917 г. Оно предшествовало Государственному совещанию 12 – 15 августа, созванным Временным правительством согласно принятому постановлению¹ от 31 июля 1917 г. Цель совещания общественных деятелей – поиск выхода из создавшегося в процессе революции тяжелого положения в стране. Однако некоторые из участников совещания – члены Государственной думы ставили перед собой иные цели. С помощью совещания общественных деятелей, опираясь на принятую политическую резолюцию, лидеры думы рассчитывали на образование правого блока на Всероссийском Государственном совещании, способного противостоять левым и изменить программу правительства².

19 июля на заседании частного совещания членов думы депутаты приняли решение участвовать в Московском Государственном совещании, предварительно подготовившись к нему на «малом» совещании общественных деятелей. Как говорил П.Н. Милюков, «без подготовки совещание могло бы не повести к тем результатам, которых мы бы желали»³.

Одним из инициаторов совещания общественных деятелей был П.П. Рябушинский. Еще в конце июля он дважды собирал у себя дома

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г. В 4-х т. М., 2004. Т. 3. С. 203.

² Николаев А.Б. Исторический опыт российского парламентаризма: Государственное совещание 1917 года // Историк и революция. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского. СПб., 1999. С. 167.

³ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. М., 1932. С. 245.

предварительные совещания «видных» общественных деятелей Москвы¹, на которых были решены организационные вопросы по созыву совещания².

С 1 по 7 августа 1917 г., за неделю до открытия совещания общественных деятелей, прошли 4 пленарных заседаний организационной комиссии по созыву первого Московского совещания. На них обсуждались вопросы организационного характера, такие как место и время проведения совещания, состав созыва, текст приглашения на совещание, программа, доклады и порядок выступающих.

Вопрос о месте и времени совещания общественных деятелей был решен 2 августа. Оно должно было начаться в богословской аудитории Московского университета в 2 часа дня 8 августа 1917 г. Совещание намечалось как закрытое не только для посторонних, но и для представителей печати³.

Необходимо отметить, что статус «малого» совещания общественных деятелей, в качестве «предварительного», менялся неоднократно на протяжении всего периода подготовки к нему. Так, например, первоначально представители «домашнего» совещания, организованного 30 июля на квартире П.П. Рябушинского, решили созвать съезд представителей общественных организаций на 8 – 9 августа в Москве, независимо от постановления Временного правительства провести Московское совещание⁴, и оно не замыслилось как «подготовительное». Это доказывают и повестки, которые были разосланы 1 августа общественным деятелям, а также представителям общественных организаций, университетам, кооперативам, земствам, городским думам⁵ с указанием прибыть в Москву для «обсуждения текущих вопросов»⁶.

Тем не менее, по одним данным 31 июля⁷, по другим 2 августа⁸, в Петроград выехала часть членов организационного комитета для предварительных переговоров о характере большого совещания с некоторыми членами Временного правительства.

В действительности статус «малого» совещания общественных деятелей меняется только 2 августа на 2 очередном заседании организацион-

---

¹ Созыв съезда представителей общ[ественных] организаций (по телефону) / Москва // Единство. 1917. 30 июля.

² Московская хроника // Русское слово. 1917. 30 июля.

³ Московское совещание / Москва // Утро России. 1917. 8 августа.

⁴ Созыв съезда представителей общ[ественных] организаций (по телефону) / Москва // Единство. 1917. 30 июля.

⁵ Виноградский Н.Н. Краткий очерк возникновения и деятельности московских совещаний и Совета общественных деятелей // Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 66.

⁶ К созыву Московского совещания (по телефону) / Москва // Единство. 1917. 1 августа.

⁷ Там же.

⁸ Московское совещание 8 – 9 августа / Москва // Утро России. 1917. 3 августа.

ной группы по созыву Московского совещания после продолжительного обмена мнениями по созыву правительственного совещания в Москве. Участники заседания решили, что первоначальный характер Московского совещания должен существенно измениться. Выступавший на заседании В.А. Маклаков целым рядом доводов, к которым присоединилось большинство участников, указал на то, что совещание 8 августа «должно служить своего рода подготовкой для выступлений, участвующих в нем общественных представителей в Государственном совещании 12 августа»¹. Для членов совещания было «крайне важно, чтобы на Государственном совещании раздались голоса, опирающиеся на согласованное мнение различных общественных групп, участвующих на заседании 8 августа»².

Интерес к этому совещанию возрастал с каждым днем не только у московских общественных деятелей, но и у провинциальных. Организационная комиссия ежедневно получала массу вопросов из провинций и ходатайств от различных общественных организаций о желании принять участие в этом совещании³. Промышленники и крупная буржуазия заявляли, что «на совещании должно определиться политическое настроение не только общественной Москвы, но и многих представителей видных общественных групп провинции»⁴. «Должно быть выявлено, по почину Москвы, единое лицо, организованной общественности Москвы, собирающейся выступить перед Временным правительством»⁵, – писала газета «Утро России».

Московское совещание общественных деятелей насчитывало по разным данным от 300⁶ до 400⁷ человек. Состав совещания общественных деятелей, по определению докладчика организационного комитета князя Е.Н. Трубецкого, был «глубоко беспартийным»⁸. Он вобрал в себя представителей различных оттенков политической мысли⁹, представителей разнообразных политических групп и общественных течений «начиная от кооператора Чайнова и кончая землевладельцем кн. Кропоткиным»¹⁰. Сре-

¹ Там же.

² Там же.

³ Московское совещание 8 – 9 августа / Москва // Утро России. 1917. 6 августа.

⁴ Там же.

⁵ Московское совещание 8 – 9 августа / Москва // Утро России. 1917. 3 августа.

⁶ Совещание общественных деятелей // Речь. 1917. 9 августа; Совещание общественных деятелей // Современное слово. 1917. 9 августа.

⁷ Малое совещание (по телефону) / Москва // Дело народа. 1917. 9 августа; Совещание (по телефону) / Москва // Единство. 1917. 9 августа; Малое московское совещание (по телефону из Москвы) // Народное слово. 1917. 9 августа; Совещание общественных деятелей (по телефону) / Москва // Новое время. 1917. 9 августа; Совещание общественных деятелей // Утро России. 1917. 9 августа.

⁸ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 353.

⁹ Совещание (по телефону) / Москва // Единство. 1917. 9 августа.

¹⁰ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 353.

ди участников совещания были: председатель Государственной думы М.В. Родзянко¹, несколько депутатов Государственной думы: В.А. Маклаков, В.В. Шульгин, Н.Н. Львов, Н.Н. Щепкин, А.А. Бубликов, С.И. Шидловский, Н.В. Савич². В списке членов совещания фигурировали бывшие министры: П.Н. Милюков, А.И. Гучков, А.И. Шингарев, кн. Д.И. Шаховский, члены Государственного совета: гр. Д.А. Олсуфьев, князь Е.Н. Трубецкой³. Было немало представителей промышленности: П.П. Рябушинский и С.Н. Третьяков⁴. Среди членов совещания – четыре представителя высшего командного состава⁵, от казаков – генерал А.М. Каледин, от разных армейских офицерских организаций – генерал А.А. Брусилов⁶, генерал М.В. Алексеев и генерал Н.Н. Юденич⁷ и многие другие. Удалось установить около 90 членов Московского совещания общественных деятелей.

В ходе заседаний было заслушано более 15 докладов и сообщений. Обсуждены главные вопросы: о создании сильной национальной власти князя Е.Н. Трубецкого; о деятельности комитетов в армии полковника А.Е. Грузинова; о борьбе с хозяйственной разрухой П.Б. Струве; о финансовом положении России М.Н. Соболева и А.И. Вышнеградского; о расстройстве железнодорожного транспорта А.А. Чаманского и инженера А.В. Родионова; о положении с продовольствием И.Е. Раковича⁸, о положении армии в стране М.В. Алексеева и др.

Особого внимания на совещании заслужила речь генерала М.В. Алексеева. Стоя приветствовали «общественные деятели» заявление бывшего главнокомандующего о необходимости «сильной национальной власти»⁹, о требовании установить военную диктатуру¹⁰, о существовании армии без политики, об изменении декларации прав военнослужащего¹¹ и т.д.

Совещанием за подписью М.В. Родзянко была отправлена приветственная телеграмма верховному главнокомандующему генералу Л.Г. Кор-

¹ Астапов Н.А. Московское частное совещание // Искры. 1917. 20 августа. № 32. С. 252.

² Совещание общественных деятелей // Утро России. 1917. 9 августа.

³ Там же.

⁴ Астапов Н.А. Указ. соч. С. 252.

⁵ Там же.

⁶ Малое совещание (по телефону) / Москва // Дело народа. 1917. 9 августа.

⁷ Совещание общественных деятелей // Утро России. 1917. 9 августа.

⁸ Кувшинов В.А. 8 – 10 августа. Совещание общественных деятелей, Москва / Приложения // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 381.

⁹ Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград – Москва. Июль – ноябрь 1917. М., 1984. С. 28.

¹⁰ Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 98.

¹¹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8 – 10 августа 1917 года. М., 1917. С. 43, 48.

нилову, которое «присоединяло свой голос к голосу офицеров» и считало преступным любое покушение на авторитет генерала Корнилова»¹.

По предложению председателя М.В. Родзянко, совещание решило учредить постоянный совет – Совет общественных деятелей (СОД)², в задачи которого входило обсуждение вопросов, связанных с политической и экономической жизнью страны.

По завершению работы совещание общественных деятелей приняло, предложенную П.Н. Милюковым, политическую резолюцию. Главными тезисами документа стали: создание «твердой государственной власти», возобновление работы местных органов, устранение коллегияльных учреждений в области государственного управления, отмена «самочинных организаций» и комитетов, восстановление дисциплины в армии и полноты власти командного состава, запрещение пропаганды в армии и установление ее беспартийности, обеспечение свободы выборов в Учредительное собрание.

Заметим, что некоторые источники, в том числе и печатные издания, выходившие в изучаемый период³, указывают на существование проекта о военном вопросе. Хотя в стенографическом отчете⁴ августовского Московского совещания общественных деятелей отсутствуют данные по принятой военной резолюции. Таким образом, единого мнения со стороны участников совещания по поводу военной резолюции не было. Поэтому в конечном результате пришлось признать, что документу требуется серьезная переработка.

Стоит отметить, что принятая политическая резолюция совещания общественных деятелей так и осталась «клочком бумаги»⁵. Она вызвала пересуды в печати, но никакого значения иметь не могла, так как за ней не было реальной силы⁶. Весте с тем, опираясь на принятую политическую резолюцию, общественные деятели рассчитывали на образование правого блока на Государственном совещании, способного противостоять революционной демократии и внести изменения в программу правительства.

---

¹ Минц И.И. История Великого октября. М., 1977. Т. 2. С. 614.

² Велидов А.С. Обзор деятельности контрреволюционных организаций в период 1918 – 1919 гг. / Совет общественных деятелей // Красная книга ВЧК. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 6.

³ Совещание общественных деятелей // Утро России. 1917. 11 августа (Москва); Совещание общественных деятелей / Перед Московским совещанием // Новое время. 1917. 11 августа (Петроград).

⁴ Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8 – 10 августа 1917 года. М., 1917.

⁵ Виноградский Н.Н. Указ. соч. С. 67.

⁶ Там же.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ О ПРИЧИНАХ КРАХА СССР

КАЛАШНИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vvk2@mail.ru

По сложившейся традиции в Санкт-Петербурге ежегодно проводятся международные конференции, в которых принимают участие ведущие российские и зарубежные специалисты по истории Русской революции и гражданской войны в России. На каждой конференции в качестве центральной выбирается какая-либо важная историографическая проблема, связанная обычно с той или иной круглой датой. При этом участникам конференции предлагается вопросник, целью которого является выяснение их позиций по ключевым аспектам проблемы.

В 2020 г., в преддверии тридцатой годовщины демонтажа СССР, участников конференции попросили ответить на 10 ключевых вопросов по истории становления, развития и гибели советского государства. Результаты опроса опубликованы в сборнике материалов конференции под названием «Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода»¹. Последний десятый вопрос звучал так: «Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?»

В 2021 г. организаторы конференции уже специально обратились к проблеме краха СССР и поставили в качестве специальной задачу узнать: как историки Русской революции, которые уже сто лет спорят по вопросу о причинах и закономерности победы большевиков в 1917 г., ответят на вопрос о причинах и закономерности поражения наследников большевиков в 1991 г. Результаты опроса 2021 г. были изданы в сборнике «Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год»².

В опросах участвовали историки разной идейной ориентации. Тем не менее, большинство участников отрицали неизбежность краха СССР и признавали возможность трансформации старой советской модели, уже

---

¹ Десять вопросов по советскому периоду истории России // Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб., 2020. С. 9 – 150.

² Десять вопросов по истории демонтажа СССР // Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб., 2021. С. 8 – 198.

исполнившей свою историческую роль, в нечто более совершенное. В качестве главной причины распада СССР и гибели советского строя историки называли субъективный фактор, не отрицая при этом наличие целого ряда социально-экономических и политических процессов, которые открывали возможность для победы тех сил, которые и осуществили демонтаж союзного государства и советской системы.

Полученный результат опросов не должен рассматриваться как доминирующая позиция, существующая в отечественной и тем более в зарубежной историографии по данной проблеме. Относительно узкий круг участников проведенных опросов не дает оснований для каких-либо общих выводов. К тому же ряд видных зарубежных историков, которые традиционно принимают участие в Санкт-Петербургской конференции по проблемам Русской революции, уклонились от ответа на вопрос о причинах гибели СССР, сославшись на то, что они не являются специалистами по истории эпохи «перестройки». Необходимо отметить и тот факт, что ряд ответов носили уклончивый характер и могут быть по-разному истолкованы.

Тем не менее, акцент на субъективный фактор при ответе на вопрос о причинах краха СССР явно доминирует. И он не является неожиданным, поскольку историки Русской революции лучше других понимают возможность альтернативного развития событий на крутых переломах истории. В этом убеждает изучение истории Февральской и Октябрьской революций. В 1917 году, равно как и годы гражданской войны в России, вполне реальными были разные варианты развития событий. Их исход зависел от решений, которые принимали главные «акторы» в критические моменты.

Ниже представлены фрагменты ответов ряда историков на поставленные вопросы и наш краткий комментарий к ним.

Г.З. Иоффе. Одним из старейших ныне живущих историков революции и Гражданской войны в России является Генрих Зиновьевич Иоффе, хорошо известный широкому читателю такими книгами как «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов» (М.: Наука, 1995), «Белое дело. Генерал Корнилов» (М.: Наука, 1989), «Великий Октябрь и эпилог царизма» М.: Наука, 1987), «Колчаковская авантюра и ее крах» (М.: Мысль, 1983) и др.

В ходе первого опроса Г.З. Иоффе так ответил на вопрос о закономерности краха СССР и советской модели: «Как не было закономерным пришествие Советской модели, так не был закономерен и ее крах. В обоих случаях нужны были умные реформы, но для них нужны были и соответствующие реформаторы»¹. Таким образом, Иоффе сделал акцент на субъективный фактор как главную причину как победы Октября, так и гибели советской модели социализма.

---

¹ Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. С. 47.

В ходе второго опроса Иоффе уточнил свой ответ на вопрос о причинах гибели СССР: «Нет сомнения, что Советский Союз обладал потенциалом сохранения и дальнейшего развития, т.к. он был вполне самостоятельной страной. Конечно, в Советском Союзе требовались определенные реформы, но – реформы, а не невнятная «перестройка», подлинный смысл и цель которой, как теперь видно, скрывались от народа». Главным социальным фактором в развале СССР историк считает интеллигенцию, которая больше всего стремилась «цивилизироваться» на западный манер. Г.З. Иоффе поддержал тезис о том, что «перестройка» была осуществлена переродившейся верхушкой КПСС со скрытой целью ухода с социалистического пути развития¹.

Последний тезис, сформулированный историком, представляет собой реакцию на высказывания бывшего заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлева (секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС в период «перестройки»), который после 1991 г. выдвинул версию о «заговоре в верхах». Яковлев стремился показать свою роль сознательного могильщика «тоталитарного» строя, к которому он сводил суть советской модели социализма. Не могу знать, что действительно думал А.Н. Яковлев до XXVIII съезда КПСС (1990), когда его не избрали даже членом ЦК вследствие очевидных провалов в идеологической работе. Однако отмечу, что нет других прямых аргументов, которые могли бы подтвердить версию о «заговоре в верхах». Из того, что мне известно, решусь утверждать, что М.С. Горбачев не ставил перед собой задачи демонтажа социализма. Ее не ставил никто из членов Политбюро и секретарей, а также членов ЦК КПСС, входивших в эти органы по результатам избрания на XXVIII съезде КПСС летом 1990 г. Выборы делегатов съезда и членов ЦК проходили в невиданных ранее демократических условиях: большинство избранных действительно были выдвиженцами первичных партийных организаций по всей стране и не обманывали своих товарищей, избравших их для укрепления социализма, а не для его демонтажа. Причина краха СССР состояла не в «перерождение» и «заговоре» руководителей КПСС, а в том, что в ходе реформирования старой модели социализма они оказались неспособными удержать контроль над действительно очень трудной ситуацией в стране, возникшей в результате непродуманных реформ.

Что касается тезиса Иоффе о том, что интеллигенция была главным инструментом или «актором» развала, то, на наш взгляд, он не может быть оспорен. Понятно, что речь идет только о небольшой, но весьма активной части интеллигенции: главным образом так называемой «творческой», которая сначала скрыто, а потом и открыто выступала с антисоциалистических позиций. В основном эти позиции питались чувством ущемленного

---

¹ Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. С. 60.

самолюбия (не ценят, как должно) и корыстными мотивами (на Западе получали бы много больше). В условиях «гласности» эта часть интеллигенции умело дискредитировала правящую партию и находила в ее рядах лидеров, способных подорвать единство КПСС и навязать обществу деструктивные ориентиры, прикрывая их благородными целями: стремлением к подлинной демократии. Как известно, результатом такой деятельности стало формирование политической оппозиции, которую возглавил бывший партийный функционер с тридцатилетним стажем Б.Н. Ельцин. Под лозунгом борьбы с «номенклатурными привилегиями» Ельцин был избран народным депутатом СССР, а затем народным депутатом и главой Верховного Совета РСФСР. Важнейшим итогом деструктивной работы оппозиции стала победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах летом 1991 г., когда многие коммунисты и беспартийные сторонники социализма отдали за него голос, не видя в нем главного инструмента демонтажа СССР и социализма. Дальнейший ход событий во многом определяла личная борьба за власть, в ходе которой напористый и беспринципный Ельцин переиграл более слабого и нерешительного Горбачева.

В.В. Шелохаев. К историкам старшего поколения принадлежит и Валентин Валентинович Шелохаев, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, автор таких известных книг по истории российского либерализма, как «Либерализм в России в начале XX века» (М., 2019); «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М., 2015); «Марксисты и русская революция» (в соавторстве с С.В. Тютюкиным, М. 1996), «Партия кадетов в период первой российской революции» (М., 1987). В книгах, написанных в постсоветский период, автор не скрывает симпатии к либерализму, что формирует и его отношение к истории Русской революции, которое, однако, не ведет к отрицанию ее закономерности. В коллективной фундаментальной монографии «Реформы в России» Шелохаев в качестве редактора третьего тома так определил свою позицию по этому вопросу: «нежелание самодержавной, а затем и “обновленной” после революции 1905 г. власти считаться с мнениями и запросами общества вели <...> к общенациональному кризису, который уже не мог быть разрешен мирным реформистским путем»¹.

Признавая закономерность Февральской революции, историк гораздо менее определенно определяет свое отношение к Октябрьской. Отвечая на вопрос о необходимости «советской модели» развития с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века, Шелохаев писал: «Обсуждать постфактум вопрос – нужно или не нужно было это делать – затея совершенно бесперспективная. Задача исследова-

¹ Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4-х тт. М., 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. С. 12.

теля состоит в том, чтобы оценить случившийся факт, раскрыть причины, к нему приведшие, а не строить те или иные догадки о его необходимости или случайности». С этих же позиций автор подходит и к вопросу о закономерности краха СССР: «Исторический процесс альтернативен и многомерен, поэтому говорить о какой-то закономерности и тем более неизбежности реализации лишь одного варианта бесперспективно»¹.

Признавая многомерность и альтернативность исторического процесса, не могу согласиться с тезисом о бесперспективности постановки вопроса о необходимости (закономерности) того или иного события в конкретной исторической ситуации. Эту позицию разделяют многие западные историки либерального толка, с иронией упрекавших советских историков в приверженности к понятию «закономерность». Однако изучение западной историографии уже давно убедило меня в том, что во многих случаях эта ирония носит нарочитый характер и обусловлена идеологическими, а не гносеологическими мотивами. Признание закономерности в истории чревато упреком в принятии марксистской парадигмы в общественном сознании, а этот упрек весьма опасен в западном обществе. В то же время все историки прекрасно знают, что в реальной истории одни события идут в русле основного тренда, обусловленного доминирующими процессами, и в этом смысле именно они закономерны, а другие события обусловлены процессами, которые носят вторичный, побочный или затухающий характер. На практике закономерность исторических событий, как правило, раскрывается их объективной возможностью и необходимостью для решения каких-либо ключевых проблем, поставленных историей в тот или иной момент перед обществом или государством. Закономерно то, что, с одной стороны, необходимо, а с другой – реально с точки зрения наличия объективных условий. Приведем самоочевидный пример: была ли закономерной отмена крепостного права в России в середине XIX в.? Трудно отрицать ее необходимость и возможность, равно как и то, что отмена крепостного права в России могла быть проведена в разное время и разными способами. Как известно, в истмате термины «закономерность» и «необходимость» не равны термину «неизбежность» при оценке конкретных событий. В теории истмата в принципе нет термина «неизбежность» в буквальном смысле слова.

Что касается вопроса о закономерности и исторической необходимости Октябрьской революции, то ответ на этот вопрос прямо зависит от ответа на два других ключевых вопроса: диктовала ли геополитическая ситуация, сложившаяся в мире в начале XX в., необходимость форсированного экономического и культурного развития России как условия сохранения ее независимости? Могла ли обеспечить такой рывок модель буржуазного развития России? На наш взгляд, объективный анализ ситуации позволяет сде-

---

¹ Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. С. 141, 150.

лать вывод об исторической необходимости прихода к власти большевиков – единственной партии, которая обладала способностью осуществить модернизационный рывок, опираясь на социально-экономический потенциал социалистической модели развития (возможность концентрации ресурсов на ключевых направлениях, плановый характер экономики, высокая степень социальной стабильности общества, в котором устранены противоречия между трудом и капиталом). После победы СССР над нацистской Германией многие крупные западные историки так или иначе признали, что именно советская модель развития обеспечила России эту победу.

Высказанные соображения по вопросу о необходимости и закономерности победы Октября имеют самое прямое отношение к вопросу о судьбе СССР. Ответ на вопрос о том, могла ли модель капитализма, созданная командой Б.Н. Ельцина, обеспечить ускорение социально-экономического развития России в конце XX века, определяет ответ на вопрос о том, какой характер носил крах СССР: был ли он необходимым или исторически случайным событием. Итоги трех десятилетий постсоветской истории дают ответ на этот вопрос.

Возвращаясь к позиции В.В. Шелохаева, отметим, что автор, подчеркивая свою приверженность концепции альтернативности в истории, отрицает тезис о неизбежности краха СССР и советской модели социализма. В этом аспекте его позиция близка позиции Г.З. Иоффе. «Если бы советские руководители, – пишет Шелохаев, – оказались способными разработать новую модель развития страны и предложить ее обществу, то, обладая мощными материальными и природными ресурсами, разветвленным аппаратом управления и контроля, а также умело используя лояльность режиму подавляющего большинства населения, приученного за столетия к государственному патернализму, к ожиданию благодеяний со стороны государства, вполне могла бы сложиться иная ситуация». Историк говорит о неспособности М.С. Горбачева разработать новую модель развития, и при этом связывает его неспособность не столько с конкретной личностью инициатора реформ, но и с сущностью «политического режима», который затруднял формирование лидеров, способных решить стоявшие задачи: «Суть проблемы (применительно, в данном случае, и к России, и к СССР) состоит не в наличии или отсутствии материальных ресурсов (их было и есть больше, чем достаточно), не в самом многонациональном российском народе, который физически вынослив, трудолюбив и патриотичен, ни в наличии или отсутствии гениальных людей (их в России и СССР было много), а, прежде всего, в сущности политических режимов (будь то самодержавие или народовластие), в наличии политических лидеров, способных продуцировать новые идеи, созвучные вызовам эпохи»¹.

---

¹ Там же. С. 150.

На наш взгляд, главная причина краха состояла не в отсутствии новых перспективных идей. Такие идеи содержала концепция демократического социализма, основанного на экономике социалистического типа с использованием рыночных механизмов. В принципиальном виде эта концепция была принята уже на XXVIII съезде КПСС (июль 1990 г.), а затем воплощена в проекте новой программы КПСС (август 1991 г.). Однако уже первые шаги, направленные на реализацию этой концепции, были плохо продуманы. В результате к 1991 г. была создана ситуация, которая затрудняла реализацию даже самых правильных и перспективных идей.

В.Ф. Солдатенко. Член-корреспондент АН Украины, д. ист. н. Валерий Федорович Солдатенко является самым авторитетным специалистом по истории революции и гражданской войны в Украине. В своих многочисленных книгах, в том числе в четырехтомнике «Ukraina u revoliuciyni dobu» (Харків – Київ, 2008 – 2012) он показал специфику революции и гражданской войны на Украине как составной, но в тоже время особой части общероссийского революционного процесса. На русском языке историк издал обобщающий однотомный вариант своего труда под названием «В горниле революций и войн: Украина в 1917 – 1920 гг.» (М., 2018). По мнению В.Ф. Солдатенко, на Украине социальные конфликты и процессы переплетались с национально-освободительным движением, которое приобрело характер Украинской национально-демократической революции. Логика гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией усилила социальный фактор и породила стремление к союзу с Россией на советской социалистической основе. Выводы историка существенно пересматривают трактовку, доминировавшую в советской историографии, и отражают взгляд исследователя, который смотрит на эти события сквозь призму современного статуса Украины как независимого государства. Тем не менее, на вопрос о закономерности краха СССР он также отвечает с акцентом на решающую роль субъективного фактора: «На рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого века судьба СССР в решающей степени зависела от субъективного фактора, точнее от настроения, поведения партийно-советского руководства. Оно оказалось не готово к серьезным испытаниям»¹. В ходе второго опроса автор так пояснил свою позицию: «Есть основания (надежные фактологические данные-подтверждения) считать, что у Союза ССР и к концу 80-х годов XX века оставался определенный, и, в общем-то немалый потенциал для сохранения федеративного государства. Одновременно заблуждением было бы игнорировать очевидную, хотя и не критическую, тенденцию снижения наличных потенциалов»². Далее автор говорит о том, что за годы пребывания в составе СССР Украина превратилась в высокоразвитую рес-

¹ Там же. С. 110.

² Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. С. 156.

публику с хорошим потенциалом для существования в качестве независимого государства, и это объективно ставило вопрос о том, насколько целесообразен тот или иной путь развития Украины с точки зрения коренных интересов ее народа. Выбор пути, по мнению автора, во многом зависел от субъективного фактора.

На наш взгляд, это вполне обоснованная точка зрения: лидер Украины Л.М. Кравчук, опираясь на определенные националистические круги, которые в начале были явным меньшинством, но затем обманным путем сумели увлечь за собой большинство, вслед за Ельциным пошел по пути независимого и капиталистического развития Украины. Итоги этого пути также у нас перед глазами. Они говорят о том, что так же, как и в случае с Россией, сделанный Кравчуком и его командой выбор не открыл для большинства украинцев успешного варианта развития. Негативные итоги развития по капиталистическому пути двух самых крупных и богатых республик бывшего СССР служат еще одним доказательством неоправданности демонтажа Советского Союза как федеративного и социалистического государства.

В.И. Голдин. Профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск) Владислав Иванович Голдин является самым крупным историографом Гражданской войны в России, автором обобщающих монографий по историографии этой эпохи, в том числе книги «Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы» (2012). Он с еще большей определенностью, чем упомянутые выше историки, отрицает закономерность краха советского государства и делает акцент на субъективный фактор: «Крах СССР не был закономерен и неизбежен. Страна имела хорошие возможности, резервы и потенциал для развития. Непоправимые ошибки, допущенные руководством СССР во внутренней и внешней политике <...> предопределили распад и крушение СССР и социалистической системы»¹. В рамках второго опроса Голдин дополнил свою позицию следующими пояснениями: «При известной популярности тезиса о неизбежной “гибели империй” не считаю, что он применим для объяснения в данном случае. <...> Не считаю СССР империей в полном смысле слова, ибо на протяжении всей его истории колоссальные средства не забирались, а, напротив, перераспределялись центром через союзный бюджет в пользу союзных республик и национальных регионов, что обеспечивало их ускоренное развитие в сопоставлении с РСФСР»².

Понятно, что позицию историков старшего поколения можно при желании объяснить чувством ностальгии, воспоминаниями о молодости,

¹ Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. С. 43.

² Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. С. 40.

которая в старости часто идеализируется и т.п. Поэтому обратимся к ответам историков нового поколения, уже достигших научной зрелости.

В.Ж. Цветков. Профессору кафедры новейшей отечественной истории МПГУ доктору исторических наук Василию Жановичу Цветкову в 1991 г. было всего 23 года. Он формировался как исследователь уже в постсоветское время. Цветков пришел в большую науку как исследователь истории белого движения в период гражданской войны и постепенно превратился в самого авторитетного специалиста по этой проблеме. Результаты исследования обобщены в солидном двухтомнике «Белое дело в России» (2019). Перу историка принадлежат две известные монографии «Генерал Алексеев» (2014) и «Адмирал Колчак» (2018), написанные с явной симпатией к этим видным деятелям белого движения. Тем не менее, Цветков дает такие ответы на поставленные вопросы: «ни в коем случае крах СССР не был закономерен. Существование союза республик <...> на основе общих интересов и ценностей, было объективно необходимо и оправданно»¹. Понятно, что эту позицию можно при желании объяснить присущей историкам Белого дела симпатией к лозунгу «Единая и неделимая Россия», перенесенного на СССР как наследника бывшей Российской империи. Однако такое объяснение в случае с В.Ж. Цветковым вряд ли будет достаточным. Историк не формулирует тезиса о том, что победа белых в гражданской войне открыла бы более перспективную возможность для развития России в условиях XX в. Он признает мощный мобилизационный потенциал, который продемонстрировала советская модель развития, а также ее социалистическую природу, которая обеспечила единство общества в условиях форсированной модернизации: «Это было экономическое, политическое и идеологическое единство. Недостаточно прочное, как показали события, но потенциально готовое к развитию»².

На наш взгляд, в позиции В.Ж. Цветкова и в ее определенной эволюции с течением времени, характерной и для ряда других историков нового поколения, важную роль играет ретроспектива как фактор в историческом познании. Тридцать лет постсоветского развития поставили советский опыт в иной исторический контекст, чем тот, который доминировал в сознании людей в начале 1990-х гг. Тогда многие верили в то, что государственный переворот, совершенный командой Ельцина после краха ГКЧП, открывает путь к более эффективной модели развития, а также к реальной демократии, т.е. власти, которая будет работать в интересах большинства народа. Надежды не оправдались, что влечет за собой преодоление нигилистического отношения к советской истории. Этот тренд обусловлен и тем бесспорным фактом, что современная Россия существует как незави-

¹ Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. С. 135.

² Там же. С. 136.

симое государство только благодаря научному, культурному, экономическому и военному потенциалу, созданному в советский период. Такая ретроспектива ставит историков перед вопросом: как можно говорить о закономерности краха СССР, если постсоветская Россия тридцать лет прожила за счет его ресурсной базы и до сих пор в стране не создана более эффективная и тем более социально справедливая модель развития?

Б.И. Колоницкий. Борис Иванович Колоницкий (д. ист. н., профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге) по своим взглядам может быть отнесен к историкам либерального направления. Тем не менее, он так отвечает на поставленный вопрос: «Можно ли было реформировать СССР, не допустить его распада, скорректировать модель социализма? Опыт Китая показывает, что такие шансы были. Наиболее благоприятными они, наверное, были в конце 1950-х – начале 1960-х годов»¹.

В.И. Меньковский. Вячеслав Иванович Меньковский (профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета в Минске) весьма критически оценивал все этапы существования советской модели, ставя под сомнение ее социалистический характер. Он полагает, что «в реальности советская модель была направлена не на защиту личности, а на укрепление мощи государства и обеспечение властных привилегий правящей элиты». В то же время автор говорит о неизбежности распада Советского Союза и краха советского строя только в контексте ситуации, созданной провалом ГКЧП: «В конкретной ситуации, сложившейся после попытки государственного переворота в августе 1991 г., распад Советского Союза стал неизбежен»².

На наш взгляд, авантюрная акция, предпринятая ГКЧП, действительно открыла реальную возможность демонтажа СССР, хотя не закрыла и возможность сохранения союзного государства. Исход событий до самого последнего момента определялся субъективным фактором: главным образом действиями двух основных «актеров» того периода – Горбачева и Ельцина. Тем не менее акцент Меньковского на события августа 1991 г. также говорит о том, что итоговой и непосредственной причиной краха СССР и этот автор считает субъективный фактор: в данном случае удивительно нелепые действия членов ГКЧП.

А.С. Пученков. Одним из самых молодых участников опросов является профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук Александр Сергеевич Пученков, который в 1991 г. был еще школьником. Он с откровенностью говорит о

¹ Там же. С. 68.

² Там же. С. 80.

трудности ответа на вопрос о закономерности краха СССР, но при этом подчеркивает огромный исторический потенциал и мировое влияние, которая имела советская модель: «В советское время русская цивилизация, по всей видимости, достигла высшей точки своего развития: СССР не просто был сверхдержавой, но и объектом притяжения мыслей миллионов людей и целых народов – никогда наша страна не имела столь большого количества союзников за своими пределами; военная мощь Советского Союза вызывала благоговейный трепет и восхищение у всего мира; здесь, в стране Советов, лояльному члену общества была гарантирована работа, приемлемого уровня бесплатное здравоохранение, прекрасное образование, трудоустройство, оплачиваемый ежегодный отпуск. Наконец, Советский Союз в послевоенное время в течение нескольких десятилетий успешно решал важнейшие государственные задачи: защиту суверенитета страны и последовательный рост доходов населения». В то же время историк отмечает, что «эти положительные моменты сочетались с лживой и лицемерной пропагандой, неподвижностью и косностью политической элиты. <...> Власть проглядела тот момент, когда обыватель перестал ее бояться и уважать, он устал от нее, желая радикальных подвижек во всех сферах жизни – при этом немедленно и сразу. Перемен ждали так давно и так страстно, вкладывая в них всю свою надежду, что неудачи перестройки породили у советских людей ощущение безнадежности и иррациональное желание поскорее распрощаться с коммунистическим проектом»¹.

Тем не менее, А.С. Пученков, говоря о судьбе СССР, отмечает, что «в полном объеме никто, даже, наверное, и в политической элите, в конце 1991 г. и не представлял, что Беловежье приведет к возникновению 15 отдельных, подчас почти не связанных друг с другом или же прямо враждебных государств; в прессе и в разговорах того времени, напротив, можно встретить утверждение о том, что СНГ – новая форма Союза, но без опостылевшего уже многим Горбачева»². Если суммировать все ответы, данные А.С. Пученковым на поставленные вопросы, то они вновь выдвигают на первый план тезис о решающей роли субъективного фактора в судьбе СССР и советского проекта.

Иными словами, среди отечественных историков Русской революции и гражданской войны, принявших участие в опросе, и в старшем, и в новом (постсоветском) поколении нет сторонников тезиса о закономерности краха СССР в конкретно исторических условиях эпохи «перестройки». Из историков ближнего зарубежья, украинский историк В.Ф. Солдатенко в принципе не поддерживает этот тезис, а его белорусский коллега В.И. Меньковский говорит о неизбежности краха СССР в ситуации, созданной акцией ГКЧП.

¹ Там же. С. 86.

² Там же.

***

Обратимся к позициям двух ведущих зарубежных специалистов по истории Русской революции.

Джеффри Суэйн. Профессор Университета в Глазго Дж. Суэйн (Geoffrey Swain) наиболее известен своими двумя книгами, каждая из которых выдержала шесть изданий. Речь идет о книге «A Short History of the Russian Revolution» («Краткая история Русской революции», последнее издание вышло в 2017 г.), а также о книге «The Origins of the Russian Civil War» («Причины Гражданской войны в России», последнее издание вышло в 2013 г.). Широко известна и книга «Russia's Civil War» («Гражданская война в России», изданная в 2000 и 2008 гг.) В этих книгах Суэйн не склонен трактовать революцию в России и победу большевиков как простую случайность. В то же время он подчеркивает возможность альтернативного хода событий и в эпоху Русской революции, и в годы гражданской войны. Особое внимание автор уделяет тому потенциалу, который имела так называемая «демократическая контрреволюция», представленная правыми социалистами в форме Комуча и Директории. С позиций альтернативности историк оценивает и историю довоенного и послевоенного Советского Союза, анализируя ее в книгах, посвященных Троцкому, Сталину и Хрущеву.

Отвечая на вопрос о крахе СССР в ходе опроса 2020 г. Суэйн полагал, что возможности реформирования старой советской модели в послевоенную эпоху критически снизились после отставки Н.С. Хрущева: «Крах неизбежен после: 1) устранения Хрущева в 1964 г. 2) укрепления неосталинизма в результате вторжения в Чехословакию в 1968 г.»¹.

В ходе второго опроса историк повторил свою позицию: «Неосталинская модель Брежнева вела Советский Союз в тупик. Реформированный коммунизм 1960-х годов – эксперименты Хрущева, социализм с человеческим лицом в Чехословакии – тупиковыми не были». Таким образом, главным виновником гибели СССР историк считает Л.И. Брежнева. Тем не менее Дж. Суэйн также связывает неизбежность краха СССР только с событиями 1991 г., называя «точкой невозврата» введение ЧП без публичной санкции Президента СССР².

Ц. Хасегава. Американский историк японского происхождения Цуеси Хасегава является ведущим специалистом на Западе по истории Февральской революции в России. Последнее, переработанное издание его книги на эту тему вышло в 2017 г. («February revolution, Petrograd 1917: the end of the Tsarist regime»).

Автор признает альтернативность развития в истории и отстаивает тезис о возможности разных путей развития в России начала XX в. Он полага-

¹ Там же. С. 90.

² Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. С. 153, 154

ет, что Николай II, равно как и сменившее его Временное правительство имели шансы направить страну по эволюционному пути: «я не верю, что большевистская революция была неизбежной, закономерной, как говорили советские историки. Существовало некоторое количество альтернативных путей, особенно возможность коалиционного правительства либералов и умеренных социалистов...».

Однако в вопросе о судьбе СССР Хасегава занимает жесткую позицию и так ее аргументирует: «Распад Советского Союза был неизбежен. Командная экономика и однопартийная диктатура устарели и не могли более поддерживать прогресс. И любые попытки трансформировать систему привели бы к распаду Советского Союза»¹.

Такая категоричность обусловлена тем, что Хасегава в принципе считает, что «командная экономика была, по сути, неработающей системой» и готов утверждать, что либеральная модель в условиях России начала XX в. проявила бы большую эффективность как инструмент развития: «Часто утверждают, что индустриализация и модернизация, чего бы они не стоили, были одним из достижений Советского Союза. Я не согласен. Если бы либеральная демократия была установлена раньше, индустриализация прошла бы без огромных затрат»².

Отметим, что автор не ставит вопрос о том, сколько лет понадобилось бы буржуазной России для того, чтобы осуществить индустриализацию «без огромных затрат». Он не ставит и вопросы о том, был ли необходим России в условиях XX в. модернизационный рывок с точки зрения ее коренных интересов, и сколько лет было отпущено историей для совершения такого рывка. В отличие от Суэйна, который видел потенциал реформ Хрущева, Хасегава считает, что «хрущевские реформы продемонстрировали невозможность системного реформирования советского строя». Он полагает, что в принципе невозможно «реформировать командную экономику, не осуществляя демонтаж коммунистической диктатуры». Иными словами, автор отрицает китайский опыт как возможный вариант реформирования советской системы, о чем говорил Б.И. Колоницкий. Однако далее Хасегава фактически опровергает свой жесткий тезис о неизбежности краха СССР: он говорит об ошибках Горбачева, которые тот в принципе мог избежать. Историк видит первую ошибку в том, что Горбачев, встретив сопротивление партийных аппаратчиков, не смог осуществить реформы «таким образом, чтобы эти аппаратчики смогли найти свой личный интерес» в реформах. Вторую ошибку он связывает с неспособностью Горбачева решить национальный вопрос в обстановке гласности. Далее Хасегава формулирует тезис о том, что «вина за распад Советского Союза должна лежать на Ельцине, а не на Горбачеве», что вновь

¹ Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. С. 127.

² Там же.

фактически свидетельствует о признании решающей роли субъективного фактора. Отметим, что Хасегава высоко оценивает деятельность Горбачева и полагает, что «отказ от должности главы исчезающего Советского Союза без попытки удержать его военной силой, был одним из звездных моментов Горбачева»¹. Иными словами, и в этот момент историк признает возможность другого варианта развития событий: силовой ответ Горбачева на «Беловежский сговор». На мой взгляд, эта акция была бы не только законной, но и успешной и не вызвала бы гражданской войны.

Мои главные возражения вызывает тезис Хасегавы о способности либеральной модели обеспечить эффективную модернизацию в условиях России начала XX в. В западной историографии еще в 1960-е гг. этот тезис убедительно разбил американский историк Т. фон Лауэ, профессор Калифорнийского университета, сын известного немецкого физика, нобелевского лауреата. В 1964 г. историк издал книгу «Why Lenin? Why Stalin? Reappraisal of the Russian Revolution. 1900 – 1930» («Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка Русской революции»), в которой показал, что ни в условиях царской России (при любых вариантах консервативных либеральных реформ), ни в рамках либерального республиканского строя, возможного после Февральской революции, нельзя было создать модель для эффективного модернизационного рывка. Такой рывок обеспечивала только большевистская модель развития. Отметим, что систему аргументов, выдвинутых Лауэ, не смог опровергнуть ни один из его оппонентов.

Мы не разделяем и тезис Хасегавы о невозможности реформирования советской модели. В эпоху перестройки были открыты самые разные варианты политических и экономических реформ. Окно возможностей сузилось к лету 1991 г., но варианты оставались, как фактически признал и сам Хасегава.

Анализ позиций двух видных зарубежных специалистов по истории Русской революции показывает, что они в большей мере склонны поддерживать тезис о закономерности краха СССР в 1991 г., не отрицая того, что именно ошибки Горбачева и позиция Ельцина привели, в конечном счете, к такому итогу.

Проведенный нами краткий анализ показывает позиции только части историков, ответивших на вопросы, предложенные организаторами двух упомянутых конференций. Более подробный анализ всех ответов на все вопросы, представленных участниками, содержат аналитические обзоры, подготовленные историком И.В. Узловой по итогам работы каждой из конференций².

---

¹ Там же. С. 126.

² Узлова И.В.: 1) Новейшая историография советской истории: экспресс-анализ ответов // Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. С. 151 – 185; 2) Новейшая историография истории демонтажа СССР: экспресс-анализ ответов // Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. С. 202 – 245.

КРИТИКА**РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ И
«НЕМОНУМЕНТАЛЬНАЯ» ПРОПАГАНДА НА ПЕТЕРБУРГСКИХ
ВЫСТАВКАХ 2017 Г.****ФРУМЕНКОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА,**

кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИИИ РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: frumenkovatg@herzen.spb.ru

Материалы, показывающие различные формы революционной пропаганды и рассказывающие о ней, входили в состав нескольких петербургских выставок 2017 г. Это была, прежде всего, одна из масштабных выставок в Русском музее («Искусство в жизнь»), организаторы которой представили экспонаты, освещавшие решение проблем как монументальной пропаганды, так и иных форм пропаганды и агитации. На интереснейшей выставке в Музее городской скульптуры «Век вождей» можно было увидеть, как развивалась та самая монументальная пропаганда, сосредоточенная в первую очередь на увековечении памяти тех самых вождей. К ним примыкала часть экспонатов выставки «Праздничное оформление Петрограда – Ленинграда 1918 – 1987» Музея истории Санкт-Петербурга. Самое успешное направление революционной пропаганды и агитации – агитационный фарфор, – кроме Русского музея, было представлено на выставках в Эрмитаже и других музеях. Пропаганда и агитация в печати освещались на выставках в Эрмитаже и, как представляется, на лучшей выставке этого рода, – «Искусство агитации» – в Музее печати на наб. р. Мойки, 32, филиале Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Характерно, что в целом организаторы выставок в освещении непростого материала проявляли объективность. Думается, что субъективный, несколько односторонний подход в отдельных частях экспозиции проявили, к сожалению, Эрмитаж и Музей политической истории.

На выставке «Искусство в жизнь. 1918 – 1925» в корпусе Бенуа Русского музея, проходившей с 17 августа по 27 ноября 2017 г., посетители могли насладиться моделями и, если так можно выразиться, скульптурными эскизами неосуществленных памятников, которые были подготовлены в ходе реализации ленинского плана монументальной пропаганды. Особо выделялись выполненная в дереве скульптура Степана Разина и портреты (точнее, головы) его дружинников работы С.Т. Коненкова. Скульптору удалось передать связь любимого национального героя, очень

популярного в первые послереволюционные годы¹, с землей, из которой С.Т. Разин как бы вырастает вместе с тем деревом, из которого он создан. Прекрасно передан характер мятежного атамана, его ум и сила, воля и бесшабашность, лукавство и коварство.

В планы новой власти входила установка памятников как символам революции (конкретным революционерам и абстрактным образам), так и деятелям мировой культуры. Привлекли внимание работы А.В. Бабичева. Памятник Г. Ибсену, модель которого хранится в Русском музее, представлял собой могучую фигуру, удерживавшую на плечах непосильный груз. Эскиз памятника «Призыв к революции» конструктивен, динамичен, даже страстен. Удачными представляются и работы Б.Д. Королева. Модель памятника М.А. Бакунину и эскиз фигуры рабочего для украшения города образно передают дух революционной эпохи. Монументален и величествен даже эскиз памятника Революции для города Клина работы знаменитой В.И. Мухиной. Это работы, как представляется, высокого художественного уровня, экспрессивные скульптуры с элементами конструктивистских подходов, весьма далекие от догматически понимаемого реализма. Остается пожалеть, что они не украшают улицы и площади нашего города, так как, думается, их просто невозможно сравнить, положим, с памятником Александру Невскому на одноименной площади Санкт-Петербурга² или, тем более, со скульптурным изображением какого-либо городского³, с пафосом открываемого отдельными представителями городских властей.

Естественно, что в плане монументальной пропаганды была и установка памятников вождям революции. Модели бюстов В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского демонстрируют неканонические, еще не «окостеневшие» образы героев. Их лица вытянуты, худы, персонажи выглядят усталыми, даже замученными (особенно Ф.Э. Дзержинский), но полными непреклонности и решимости. Не столь часто можно встретить на выставках бюсты А.В. Луначарского и тем более Л.Д. Троцкого.

Тем интереснее на выставке «Век вождей» (Государственный музей городской скульптуры) было попытаться проследить, как происходило формирование канона в скульптурном и архитектурном воплощении обра-

---

¹ Вострецова Л.Н. Искусство на улице! // Искусство в жизнь. 1918 – 1925. Каталог выставки. СПб., 2017. С. 5.

² Памятник Александру Невскому в Петербурге на площади Александра Невского [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://piterbu.ru/pamyatniki-peterburga/pamyatnik-aleksandru-nevskomu-v-peterburge-na-ploshhadi-aleksandra-nevskogo.html>.

³ Скульптура «Городовой» в Петербурге на Малой Конюшенной улице [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://piterbu.ru/pamyatniki-peterburga/skulptura-gorodovoj-v-peterburge-na-maloy-konyushennoj-ul.html>.

за вождей, как художники в меру своего таланта старались хотя бы в рамках этого канона проявить свою индивидуальность, и у самых ярких, таких, как М.К. Аникушин, Е.В. Вучетич, это получалось. Летом 2021 г. удалось побывать у гигантского памятника В.И. Ленину на берегу Волго-Донского канала (там В.И. Ленин после XX съезда партии сменил И.В. Сталина). Памятник рассчитан на восприятие с палубы тех судов, которые проходят по каналу. Когда находишься у его подножия, то с трудом можешь охватить его взглядом, и только в странном, необычном ракурсе.

Кураторы выставки справедливо отметили «высокий профессионализм авторов, умение сочетать практику традиций с поиском выразительности форм, жеста, приемов передачи портретного сходства. В лучших работах мастера сумели конкретику образа поднять до символического звучания»¹.

Кроме создания образов вождей, организаторы выставки обратили внимание на увековечение памяти погибших героев революции. Они отметили «по особому выразительный, в значительной мере лиричный образ» Васи Алексеева (В.П. Алексеева) – «рабочего паренька, осознанно принявшего революцию, защищавшего Петроград от врагов». Скульптор М.Я. Харламов, создавший портрет В.П. Алексеева в 1928 г., сумел «передать за простотой внешнего облика, обыденностью одежды рабочего тех лет безусловную твердость его характера, сосредоточенность личности, верящей в идеалы революции, борющейся за них»². Впрочем, ощущалась некоторая неловкость от того, что бюст этого героя революции находился на уличной экспозиции музея, а не на улице, которая и сегодня носит его имя.

Печально было видеть среди показанных здесь памятников и мемориальные доски памяти убитого эсерами рабочего Я.А. Калинина, погибших в годы гражданской войны А.П. Леонова, К.П. Блохина и умершего от тифа В.С. Смирнова. Думается, в рамках «идеи примирения» следовало бы найти им место не в музее, а в нашем большом и прекрасном городе. Памятники и модели в рамках плана монументальной пропаганды дополняют эскизы праздничного оформления Ленинграда в 1927 г., выполненные другими художниками, не теми, кто украшал Петроград в 1918 г. В частности, этим занимался Н.Х. Рутковский. Его работы отличаются яркостью, реалистичностью, но, как представляется, они утратили полет и часть искреннего вдохновения³.

---

¹ Ефремова Н.Н. Выставка «Век вождей» // Каталог выставки «Век вождей». К 100-летию Октябрьской революции. Государственный музей городской скульптуры. СПб., 2017. С. 1.

² Шишкина Е.А. Из городов в музей. Вожди и революционные герои на экспозиции под открытым небом // Каталог выставки «Век вождей». С. 8.

³ Мудрова А.Ю. Праздничное оформление Петрограда-Ленинграда к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Альбом. СПб., 2017. С. 20 – 21.

Одним из вариантов «немонументальной» пропаганды явилось создание знаменитого советского агитационного фарфора, о чем автору уже приходилось высказываться на предыдущих конференциях и в соответствующих публикациях. Представляется необходимым дополнить рассказ о многогранной «немонументальной» пропаганды упоминанием еще об одной задумке, успешно реализованной в первые годы советской власти, — об агитационно-пропагандистском текстиле, о тканях и изделиях из них. Образцы революционного текстиля были показаны на выставке «Искусство в жизнь» в Русском музее, а также на замечательной выставке в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства «Маяковский haute couture», подготовленной Московским музеем Владимира Маяковского (13 октября 2017 – 28 января 2018 г.). На выставке о моднике В.В. Маяковском были представлены стильный спортивный костюм (В.В. Степанова) и образцы тканей, придуманных Л.С. Поповой и В.Ф. Степановой. Они выглядят революционными, прежде всего, по авангардному духу.

Между тем, в 1923 г. поэт стал редактором журнала «ЛЕФ», вокруг которого группировались художники-конструктивисты, мастера русского авангарда, мечтавшие преобразовать быт советского человека. «Амазонки авангарда» художницы Л.С. Попова и В.Ф. Степанова создавали рисунки тканей для первой ситценабивной фабрики, на которой они работали. Вместо цветочных орнаментов они предлагали узоры из серпов и молотов и тракторов¹. Созданные ими образцы дополнялись тканями, выполненными их коллегами художниками И.Г. Чашником и Н.М. Суетиным, с изображением танков, самолетов, броневиков, заводов и т.д. — обобщенных, символических и очень мелких. Образцы этих тканей и реконструкции элегантных платьев из таких материй были показаны на выставке «Искусство в жизнь» в Русском музее².

Самой содержательной экспозицией, рассказывавшей о том, как развивалась пропаганда и агитация в графическом исполнении, оказалась выставка «Искусство агитации», проходившая в Музее печати, одном из подразделений Музея истории Санкт-Петербурга. Любовно подобранные материалы предваряет эпиграф из В.В. Маяковского «Мы прекрасно знаем силу агитации! В каждой нашей военной победе, в каждой хозяйственной удаче на 9/10 сказывается ее сила! Ни одно, даже самое верное дело не двигается без рекламы. Это оружие, поражающее конкуренцию». Золотые слова, о которых следовало бы не забывать с учетом сегодняшних реалий.

¹ Арсеньева З. Икона стиля в желтой кофте // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 20 октября.

² Агитационный фарфор и текстиль // Искусство в жизнь. Каталог выставки. С. 126 – 129.

Действительно, графика в первые десятилетия советской власти была самым распространенным видом искусства. Большая часть населения была неграмотной, а искусство плаката доступно всем. Это прекрасно понимал В.И. Ленин. В свое время Петр I, как известно, использовал фейерверки – своеобразные огненные плакаты – для пропаганды своих идей. Образы плаката были понятны, короткие выразительные подписи-лозунги запомнились и призывали к действию. По словам кураторов выставки, роль плаката в то время можно сравнить с ролью радио и телевидения.

Очевидно, первыми по времени создания являлись помещенные на одном из стендов выставки 24 открытки из серии «Дети-политики». Их выпускал издатель, который скрывался под аббревиатурой ТЭ (или ТЭК). Открытки были нарисованы художниками В. Табуриным и С. Кущенко в традиции, которая, по словам искусствоведа Н.А. Мозохиной, пришла в Россию из Европы в 1910-х гг.¹ На них изображались дети, игравшие во взрослую жизнь. Эти беззлобные и даже доброжелательные карикатуры могли возникнуть только после Февраля 1917 г. Многие малыши изображены с красными знаменами в руках. Подборку открывает карточка «На страже свободы» (ребенок с винтовкой, перепоясанный пулеметными лентами). Далее следует открытка «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (крепенький парнишка со знаменем), «Свобода собраний» (ребятишки собрались под дождем) и «Дорогу женщинам» (идущая девочка крестьянского вида с флагом). Среди очаровательных героев – социал-демократ (мальчик-горожанин, произносящий речь); капиталист (малыш в цилиндре и с сигарой); застенчивый «буржуй» в хорошем костюме, шляпе и с зонтиком; расхристанный вопящий анархист с бантом и драным черным флагом; трудовик в лаптях, с палкой и газетами в руках; отворотившиеся друг от друга крупный большевик в кепке с шарфом и крохотный меньшевик в шляпе с бантом; кадет в шляпе с портфелем под мышкой. Открытки проиллюстрировали некоторые революционные понятия и явления: «Свободные граждане» (девочка с собачкой, мишкой и куклой); «Заем свободы» (дети несут игрушки); «Революционное войско» (плетеная детская коляска с вооруженными детьми, то ли танк, то ли тачанка). Есть и «Захват помещений» (заходят весело, с гармошкой); и «Равноправие женщин» (девочка с пашкой на коне); и «Домашняя милиция» (вооруженные детишки с собачкой); и «Товарищеский суд» (разбирает дело о съеденных пирожках). Чутьочку слащаво, но трогательно, с юмором, с легкой иронией.

После Октября 1917 г. плакаты стали главным инструментом пропаганды и агитации, они призывали к борьбе за свободу и справедливость. Плакатами отметили праздники первого года революции. Плакаты призы-

¹ Гуськова И. Революция в песочнице // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 22 сентября.

вали вступать в Красную армию. К 1919 г. относится карикатурный «комикс» известного художника В.В. Лебедева «Не любит Ванюша глядеть на штыки», адресованный уклонявшимся от армии «бумбарашам». Его же работой были замечательные частушки-комикс, в которых сердитая «милашка» отвечала уклонявшемуся от фронта кавалеру:

«На войне стреляют пушки, бьют рабочих из мортир,
Был когда-то ты миленок, а теперь ты – дезертир».

В ответ на призывы дезертира, истомленного одиночеством, обогреть его, «милашка» переходила к угрозам:

«Не идут года обратно, не течет назад река,
Пусть тебя обогревает по заслугам Губчека».

Плакаты призывали к борьбе с белыми армиями: «Петроград не отдадим!». При этом каждого художника отличала своя неповторимая манера. Основной чертой плакатов Д.С. Моора, как представляется, была эпичность, плакаты В.Н. Дени имели острую сатирическую направленность, рисунок В.В. Лебедева точен и лаконичен, но он, как уже отмечалось, предпочитает «комиксы», В.В. Маковский ярок и образен.

Плакаты знаменитых художников-графиков периода Гражданской войны на стендах выставки сопровождались соответствующими открытками. Так, плакат Д.С. Моора «Врангель еще жив, добей его без пощады» дополняли почтовые открытки с его же плакатами «Враг у ворот», знаменитым «А ты записался добровольцем?», черно-белая открытка с антиврангелевским плакатом, а также его «Советская репка» – большая, красная, в буденовке, и никакие враги никогда не смогут ее вытянуть!

На следующем стенде располагался плакат В.Н. Дени «Спешите пана покрепче вздуть! Барона тоже не забудь!» «Красный армеец» у В.Н. Дени, в отличие от аналогичного плаката Д.С. Моора, больше напоминает не античного героя, а сказочного Иванушку-дурачка, ну, а враги, естественно, карикатурны. Плакат также сопровождают открытки, среди них – почтовая карточка с изображением знаменитого плаката В.Н. Дени «Помоги!».

Плакаты тех же замечательных художников отразили и драматические отношения новой власти с деревней в период военного коммунизма. Плакаты, к примеру, еще один «комикс» В.В. Лебедева «Дядя Пров весом ровно семь пудов», а также плакат «Кулак революции раздавит кулака деревни», были направлены против богачей – кулаков и ростовщиков. Авторы плакатов старались разъяснить политику советской власти. Тот же В.В. Лебедев подготовил плакат-«комикс» «Крестьянин, дай городу хлеб, город даст тебе все необходимое». Условные, обобщенные рисунки сопровождают выразительный текст: «Крестьянин, ты дай городу хлеб. Ты получил землю, но землю есть нельзя. Надо ее обрабатывать, она даст свои

плоды, город даст тебе все необходимое». Еще один плакат на эту тему, возможно, был подготовлен В.В. Маяковским. Рисунок плаката – остро выразительный, почти абстрактный. На нем были изображены инструменты, необходимые дровосеку, а также общеизвестная фигура из трех пальцев. Текст сообщал:

«Подвезешь, деревня, дрова столице,
Получишь долг свой сторицей.
А если проспишь,
Получишь шиш».

Следующий плакат содержал уже открытую угрозу:

«Крестьянин, если ты вез хлеб государству,
И у тебя сломалась чека,
Беда невелика.
Если же ты захочешь им спекульнуть,
То попадешь в ЧеКа,
Вот тогда – беда».

Несколько плакатов были посвящены проблемам просвещения. Подписи к ним содержали замечательные лозунги, под которыми и сегодня хочется подписаться: «Знание разорвет цепи рабства», «Знание всем» (кстати, под рубрикой «День советской пропаганды»). Несколько подобных плакатов, тематически связанных с первым российским музеем, его просветительской функцией и задачей сохранения культуры, можно было увидеть и на эрмитажной выставке «Печать и революция. Издания 1917 – 1922 гг.». Надпись на одном из них гласила: «Рабочий! Только разбив цепи тьмы, придешь к социализму». Другой плакат прославлял союз рабочих и науки, третий утверждал: «Просвещение – орудие в руках пролетариата против гнета капитала». Четвертый плакат на фоне одного их клодтовских коней и классического портрика призывал: «Граждане, храните памятники искусства». Примечательно, что на каждом из этих плакатов изображено много книг как главного символа просвещения. Наконец, плакат чуть более позднего времени, 1920-х гг., показанный на выставке «Вдохновение в красных тонах» (Музей истории Санкт-Петербурга), заявлял: «Новый быт – детище Октября». Изображенная на плакате на фоне фабричных труб женщина указывала на врезки: «Завком», «Столовая», «Ясли».

Итак, петербургские выставки, посвященные событиям 1917 г., зафиксировали, что монументальная и «немонументальная» пропаганда прославляла революцию, ее предшественников и вождей, призывала к защите завоеваний революции и, что представляется чрезвычайно важным, популяризировала в огромных массах людей знания, науку и искусство, тем более, что осуществлялась эта пропаганда талантом и трудом лучших художников России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

(на ноябрь 2021)

Абросимова Тамара Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Гавроева Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Захаров Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Златина Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Калашиников Владимир Валерьянович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Ляндрес Семен Михайлович – PhD, профессор факультета истории, соруководитель программы российских и восточноевропейских исследований, Университет Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Петров Александр Иннокентьевич – выпускник аспирантуры кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, учитель истории ГБОУ гимназии № 73 «Ломоносовская гимназия» Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия;

Поспелова Наталья Владимировна – студент 2 курса магистратуры (история) ЗО ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, учитель английского языка МАОУ СОШ № 4 с углубленным изучением английского языка, Новый Уренгой, Россия;

Руднева Светлана Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор Российского университета транспорта (МИИТ) и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия;

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;

Савенко Георгий Алексеевич – студент 2 курса магистратуры (история) ЗО ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, учитель истории ГБОУ СОШ № 472 им. Дважды Героя Советского Союза А.Т. Карпова Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия;

Соколов Арсений Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории культуры, государства и права Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Шведова Валерия Владимировна – аспирант кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, ассистент кафедры теории и истории культуры Института философии человека РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

- ВВНР** – Великий Восток народов России;
- ВЦИК** – Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов;
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации;
- ГБОУ** – государственное бюджетное образовательное учреждение;
- ГКЧП** – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР;
- ГЦТМ** – Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина;
- ГЭК** – Главный экономический комитет;
- ЕКОПО** – Центральный еврейский комитет помощи жертвам войны;
- ИИСН** – Институт истории и социальных наук;
- ИРЛИ** – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук;
- КПСС** – Коммунистическая партия Советского Союза;
- МАОУ** – муниципальное автономное общеобразовательное учреждение;
- МВРК** – Московский военно-революционный комитет;
- МРСД** – Московский Совет рабочих депутатов;
- МХТ** – Московский Художественный театр;
- ОЗЕ** – Общество здравоохранения евреев;
- ПК** – Петербургский комитет;
- ПСС** – Полное собрание сочинений;
- ПЦР** – Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. Л.; М., 1924 – 1927;
- РГАВМФ** – Российский государственный архив Военно-морского флота;
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства;
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории;
- РГАЭ** – Российский государственный архив экономики;
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив;
- РГИА** – Российский государственный исторический архив;
- РГПУ** – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
- РЭК** – Районный экономический комитет;
- СОШ** – средняя общеобразовательная школа;
- СРД** – Совет рабочих депутатов;
- ст. – статья;
- СУ** – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый;
- ЦГАИПД СПб** – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга;

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЦКБФ – Центральный комитет Балтийского флота.

СОДЕРЖАНИЕ

Ляндрес С.М., Николаев А.Б. Предисловие	3
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ПЕТРОГРАД	9
Соколов А.В. Великий Восток народов России и события Февраля 1917 г. в Петрограде	9
Савенко Г.А. Запасной батальон л.-гв. Волынского полка в первые дни Февральской революции (Петроград, 23 – 26 февраля 1917 г.).....	29
Стогов Д.И. Февральские события 1917 г. на страницах газеты «Русское знамя»	44
Румянцев А.Г. «Последний рубеж самодержавия» – документы Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга по делу о применении пулеметов в дни Февральской революции 1917 года в Адмиралтейской части Петрограда	52
Гавроева Е.С. Письма во власть: православное духовенство и М.В. Родзянко (март 1917 г.).....	71
Златина М.А. Деятельность Общества здравоохранения евреев в 1917 г. по материалам еврейской периодической печати	78
Николаев А.Б. Извозчики перед временными судами (Петроград, март – июль 1917 г.): за езду без номеров, на больных лошадях, в пьяном состоянии, за оскорбление милиционеров, нарушение общественной тишины и неосторожную езду	85
Петров А.И. Н.С. Чхеидзе на I Всероссийском съезде Советов 3 – 24 июня 1917 г.	112
Шведова В.В. Рабочая милиция Выборгского района и городская милиция Спасского района в дни Июльского политического кризиса 1917 года.....	125
Абросимова Т.А. От поиска компромисса к вооруженному восстанию (осень 1917 г.).....	130
Руднева С.Е. Вопрос о районных экономических комитетах в 1917 году	140
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: МОСКВА И ПРОВИНЦИЯ	152
Гордеев П.Н. Между революцией и сценой: Е.К. Малиновская в 1917 году.....	152
Бажанов Д.А. Казус инженер-механиков с «Республики» (май – июнь 1917 г.): мимикрия как стратегия поведения офицеров в революционных событиях	178
Захаров А.М. Конфликт командования Белгородского запасного полка и полкового комитета в контексте процессов демократизации армии (июнь – октябрь 1917 г.).....	187
Поспелова Н.В. Московское совещание общественных деятелей: создание, состав, деятельность (июль – август 1917 г.)	192
ИСТОРИОГРАФИЯ.....	197
Калашников В.В. Историки Русской революции о причинах краха СССР	197
КРИТИКА	211
Фруменкова Т.Г. Революционная монументальная и «немонументальная» пропаганда на петербургских выставках 2017 г.	211
Сведения об авторах	218
Список сокращений и аббревиатур	220
СОДЕРЖАНИЕ	222

Научное издание

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ

Сборник научных статей

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Билеуш

ЦНИТ «Астерион»

Подп. в печать 14.12.2022 г. Формат 60×84 1/16.

Заказ № 179. Бумага офсетная. Печ. л. 14,0. Тираж 100 экз.
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61, пом. 23Н

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📌: https://vk.com/asterion_izdatelstvo